

Genuine Orthodox Mission St. Herman of Alaska
(This book is a part of the Cycle: The Orthodox Art Of Surviving)

Истинная Православная Миссия Св. Германа Аляскинского
(Эта книга часть Цикла: Православное Искусство Выживания)

Девять лет среди индейцев

Nine Years Among the Indians, 1870-1879. Lehmann, Herman.; Hunter, J. Marvin.

Притча Коренного
Американца:

Старый индеец
рассказывает своему внуку
мудрую сказку на ночь:

- Внутри каждого человека
идет борьба двух волков.
Один волк представляет зло
– зависть, ревность,
сожаление, ложь. Другой
волк представляет добро –
мир, любовь, надежду,
доброту, верность. И
борются они так в человеке,
до конца его жизни.

Маленький индеец,
тронутый до глубины души
словами деда, спросил:

- Как же так? А какой-нибудь
волк в итоге все же
побеждает?

Лицо старого индейца
тронута едва заметная
улыбка и он ответил.

- Конечно! Побеждает тот
волк, которого ты кормил.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

Введение.

1. Моё пленение.
2. Мы путешествуем по стране.
3. Побег Вилли.
4. Индейские пытки.
5. Мы добрались до деревни.
6. Я становлюсь индейцем.
7. Попытка побега.
8. Моя родня на волосок от гибели.
9. Я отправляюсь в набег.
10. В набеге.
11. Я скальпирую мексиканца.
12. Бой с команчами.
13. Некоторые приключения.
14. Назад в резервацию.
15. Торговля с мексиканцами и набеги.
16. Мы остаёмся в движении.
17. Беглое знакомство с индейскими обычаями.
18. Захватывающая поездка.
19. Я нахожу золотой прииск.
20. Захват стада скота.
21. Бой с рейнджерами.
22. Бой на равнине Кончо.
23. Лишения в метелях, набегах и тд.
24. Мы удираем.
25. Карновисте убит.
26. Я веду жизнь отшельника.
27. Я изготавливаю седло.
28. Я становлюсь воином команчей.
29. Мой первый набег с команчами.
30. Каннибализм тонкава.
31. Куана Паркер.
32. Рассказ о битве.
33. Прогон через лагерь бледнолицых.
34. Убийство охотника на бизона.
35. Я получил выстрел в ногу.
36. Я поймал стрелу в колено.
37. Мы опережаем собак.
38. Солдаты убили наших женщин.
40. Попытка меня убить.
41. Моё возвращение.
42. Триумф материнской любви.
43. Я примиряюсь с цивилизацией.
44. Цивилизаторское влияние.
45. Другие пленники.
46. Член семьи Куаны Паркера.

47. Заключение.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дэйл Гиз.

Большинство историков согласны в том, что «Девять лет среди индейцев, 1870-1879: Повествование о неволе и жизни техасца среди индейцев» Германа Леманна, одна из лучших историй о неволе среди апачей и команчей, когда-либо опубликованных. Фрэнк Доби назвал её «лучшим описанием неволи на юго-западе».

История Германа впервые была опубликована в 1899 году братьями Джонсонами из Печатной Компании в Сан-Антонио, Техас. Записана она была Джонатаном Джонсом - судьёй округа Мэйсон, Техас, и носила издательское заглавие «Индианология». Читаем название титульного листа, - «Сокращённая история индейских племён апачей и команчей. Для развлечения и общего знания. Сформулирована из обобщённой беседы с Германом Леманном, Вилли Леманном, миссис Бьюхмайер и другими. Версия 1899 года большой на сегодня раритет (отличающийся от «Девяти лет среди индейцев», опубликованной Вон Бэкманн-Джонс Компани, в Остине, Техас, в 1927 году). Во-первых, Вилли Леманн, Мина Кайзер и госпожа Бьюхмайер, не принимают участия в более поздней работе. Во-вторых, Герман надиктовал обе версии с прямотушием и чувством юмора, а издание 1927 года более тщательно отредактировано, чем «Индианология». На протяжении более, чем двадцати лет, я использовал историю Леманна-Охотника в своих университетских аудиториях в качестве первичного источника знаний о жизни индейцев Равнин глазами этого удивительного человека.

Рассказ Леманна есть история подростка, родившегося в семье немецких иммигрантов, жившей вблизи Фредериксбурга, в Техасе. В возрасте одиннадцати лет он был захвачен апачами мескалери и в итоге приобрёл у них статус воина. Так как через пять лет он убил апачского знахаря, то вынужден был сбежать от них, чтобы сохранить свою жизнь. Добровольно присоединившись к команчам он продолжал свой жизненный путь как индеец равнин, пока Куана Паркер не убедил его возвратиться к своей матери в Техасе. Делает он это с неохотой, с большим трудом адаптируясь в индустриально развитом обществе.

Герман рассказывает, что апачи и команчи вели свою деятельность в группах и редко когда собирались большими числами. Также он подтверждает фактическим материалом, что все такие группы имели в своём составе то или иное число белых и мексиканских пленных детей. В ходе своего повествования он упоминает имена многих из них. Продолжая размышлять о своей жизни он сообщает, - «Моя карьера была довольно разносторонней. Я жил как дикарь и как цивилизованный человек, и хотя я люблю старых своих индейских товарищей, облагораживающее влияние цивилизации привнесло большие изменения в меня. Когда я был диким, то жаждал убийств и воровства, потому что меня учили, что это есть способ выживания, но теперь я знаю, что это не так. Сейчас я не хочу забирать человеческую жизнь и воровать».

Через глаза Германа мы узнаём о роли в повседневной жизни индейских женщин, которые выполняли всю работу, кроме изготовления оружия и

курительных трубок. В то время, как рождение младенца мужского пола приносило существенное ликование, так как это означало, что родился будущий воин, то рождение младенца женского пола удостоивалось небольшого внимания. Он отмечает, что незаконорожденные дети были редкостью среди коренных американцев и, что если замужняя женщина совершала прелюбодеяние, то её наказывали отрезанием носа.

Рабы мужского пола, такие как Герман, очень ценились, так как они представляли из себя воинское пополнение для племени. За довольно непродолжительный период времени, Герман прошёл курс боевой подготовки воина, благодаря которому выучился езде на лошади, методам ведения боя, изготовлению луков, стрел и щитов, а также отравленных стрел. Видимо он быстро выучился и рано повзрослел, полюбив своих индейских товарищей и их образ жизни. Позднее у него было несколько возможностей для того, чтобы покинуть их и присоединиться к своей семье в Лойял Вэлли, в Техасе, однако он предпочёл им общежитие с народом апачи. Лишь после пьяной драки, во время которой при самозащите он убил знахаря, ему пришлось бежать от апачей, чтобы спасти свою жизнь. Вместо возвращения в свою семью, он решает становиться команчем и продолжить образ жизни индейского воина Равнин. Особый интерес у студентов и учёных вызывают данные Германом характеристики, очеловечивающие коренных американцев, то есть в его повествовании они предстают ни благородными, ни кровожадными дикарями. К примеру он описывает инциденты, в которых они совершали небрежные, комичные и трагические ошибки. В одном случае их застали за купанием техасские рейнджеры, которые забрали всех их лошадей и убили нескольких воинов. В другом моменте один смелый случайно выстрелил себе в колено, а в ещё одном случае, один из людей Леманна охотясь на антилопу убил воина, одетого как антилопа, и ставшего таким образом тоже жертвой облавы. Мир и гармония не всегда господствовали среди равнинных племён. Иногда команчи и апачи объединялись в союз против белых, а иногда они отчаянно бились друг с другом. Иные апачские группы даже воевали друг против друга. Основной причиной этого часто был алкоголь, или «хуш». Имела место огромная ненависть к тонкава, которые союзничали с белыми. Герман даёт наглядное описание каннибализма, который они практиковали на команчах.

Материя религии, это нечто, что Герман вне всякого сомнения постигал, рассматривая её как с белой, так и индейской точек зрения. Он рассказывает, что в одном рейде, «оказавшись вблизи Смутинг Айрон Маунтайн, мы забрали двадцать пять лошадей, сломали ограждения и вынесли понравившиеся вещи, и мы полагали, что Великий Дух предназначил им быть неоплаченными и общедоступными, и если бы Великий Дух хотел бы, чтобы страна была огорожена, то он обнёс бы её забором». Герман и его индейские компаньоны верили в загробную жизнь и часто хоронили своих скончавшихся товарищей вместе с их оружием и бизоньими шкурами, а также с лошадьми и слугами. Последние убивались как раз с этой целью. По поводу богослужения он высказывается откровенно: «Я видел столько же искренности и меньше лицемерия среди индейцев в их богослужении, чем когда-либо позже, когда я оказался у белых. Я рад, что Бог пощадил мою жизнь и позволил мне видеть такие удивительные изменения. Я почитал его единственным

способом, который знал, когда был индейцем. Сейчас я поклоняюсь ему на манер просвещённого белого человека».

Ненависть к белым, одна из доминирующих тем в повествовании Германа. Он ссылаясь на то, что говорил Викторю: «Белый человек является врагом индейца, поэтому индейцы должны бросить сражаться между собой и всем собраться на борьбу с бледнолицыми. Когда я уезжал, то видел так много бледнолицых, как побегов травы на равнинах или звёзд на небе, и если мы продолжим бороться друг с другом, то все будем уничтожены белым человеком». Герман отметил, что равнины были переполнены охотниками бизонов, которые убивали животных ради их шкур. Он видел тысячи туш бизонов «приведшие нас в отчаяние от лицемерия этой бессмысленной бойни нашего основного продовольственного ресурса». Он так говорил: «Наши люди каждый день убывали. Военные отряды и налётчики могли уйти и никогда не возвратиться. Мы провели большой совет, в котором участвовали и другие племена, и договорились убивать всех белых, проходящих на нашу территорию. Убейте их, как они уничтожают нашу дичь. Убейте их, как они убивают наших воинов. Убейте их как они убивают наших скво и детей. Преследуйте и убивайте их, пока остаётся хоть один из нас. На исходе совета мы провели большой военный танец».

Не только охотники на бизонов были их целями. На ковбоев и скотоводческую индустрию пришлась часть их вражды. Апачи и команчи воровали в Техасе крупноголового скот и продавали его индейцам пуэбло в долине Рио Гранде. Герман говорил: «Пуэбло жили в Мексике и на приграничной земле были великими торговцами, и говорили на мексиканском языке. Кроме того, они содержали собственные стада и назначали за скот хорошую цену. Мы часто получали от них галеты, сахар, кофе, муку грубого и тонкого помола, и это кроме ружей и боеприпасов. Мы могли получить от этих парней, почти всё, что не пожелали бы (но обычно это были мескаль или виски), и они были верны своим обещаниям, но мы никогда не платили за что-либо, пока это не получали. Кредитная система была непопулярна среди наших племён».

Форт Баском, построенный возле Тукумкари в Нью-Мексико в 1863 году, предназначался как раз для сдерживания или пресечения как обмена, так и всего другого, что называлось «торговля команчеро». Мексиканские торговцы привозили на южные равнины разнообразные наименования товаров, чтобы обменивать их команчам и апачам на скот, лошадей и мулов, сворованных из техасских ранчо. Он записал: «Мы путешествовали на юго-восток и повстречали партию дружественных мексиканцев с вьючными осликами, хорошо нагруженными мукой, едой, сахаром и незначительными безделушками, для того, чтобы обменивать всё это у индейцев на лошадей и мулов. Они расположились с нами одним лагерем в течение нескольких дней». Мексиканцы время от времени присоединялись к индейцам в таких налётах. Он так вспоминает один случай, - «как-то группа мексиканцев пришла в наш лагерь, чтобы поторговать с индейцами. Они имели при себе много мескаля, кукурузного виски и табака, так что большая часть племени стала опьянённой. Затем сто сорок индейцев и шестьдесят мексиканцев отправились в рейд за скотом, и западнее форта Гриффин, на старой тропе, мы повстречали большое стадо, перегоняемое в Канзас».

В другой раз Герман подробно изложил, как апачи и команчи встречали на равнинах мексиканцев, чтобы обменивать им лошадей на сахар, еду, высушенные на солнце галеты, ружья, боеприпасы, виски и мескаль. Иной раз им приходилось отдавать десять лошадей за одну винтовку, а однажды они дали даже двадцать лошадей за одну игольчатую винтовку. Настолько жизненно необходимым был такой товарообмен, что ношение мексиканских скальпов на поясе, делало воину мало чести. В то время охотники на бизонов заполнили почти всё пространство южных равнин. Герман говорил, что многие из них были богатыми спортсменами, «зеленю» (новичками) из штатов, вооружёнными превосходным оружием, а также оснащённые первоклассным полевым снаряжением. Следовательно индейцы хорошо обеспечивали себя имуществом этих охотников. Кого-то они убивали, а кого-то жалели. Одна такая личность, упомянутая в версии 1899 года, была захвачена, ограблена, и в итоге помилована. Затем каждый воин ударил его один раз, когда он проходил сквозь строй своих захватчиков. В итоге он дал обещание переместиться в свой лагерь и попытаться заставить белых держаться вне их территории. Точно такие как он люди, приходили всё в больших и больших количествах, и повсюду возводились ранчо и форты. Когда группа апачей Германа, а затем и команчей, перемещались по Техасу и Нью-Мексико, то они находились в постоянном поиске пищи, которая состояла из мяса бизона, лошади, мула, домашнего скота, медведя, антилопы, оленя, пекари, древесной крысы, собаки, скунса, опоссума и... вшей (особенно после охоты на бизона). Согласно Германа, дикие мустанги захватывались «оглушением внезапной острой болью от стрелы пущенной ему в спину, точно в загривок. Слишком низкое попадание или наоборот высокое, делало его непригодным или даже убивало. Это должен быть очень хороший выстрел, но мы были в этом умельцами». Герман отмечал, что его народ использовал собак для охоты и защиты и, что ньюфаундленд как-то успешно защитил ребёнка от волков. Религия являлась важной частью охоты. В версии 1899 года Герман говорил, что «апачи всегда помнил о великом Создателе и находился в постоянном благоговении и почтении перед всем природным, перед каждым творением Бога. Он не имел понятия о христианстве, но он кланялся каждому сорняку, который он согнул, каждому водному потоку, который пересёк, и просил прощения у каждого животного, которого убил, и всегда хвалил или обращался к Великим Духам после каждого преследования, конфликта или боевых действий». Когда-то Герман играл в азартные игры, используя например части кактуса с разным числом пятен по сторонам для игры в крэпс (игра в кости). Иной раз индейцы много ставили на умение своих товарищей выхватить верёвкой антилопу из убегающего стада. Сёдла, одеяла, лошади и ружья, переходили из рук в руки и Герман был одним из фаворитов ставок. Он отмечал, что добросовестный воин обязан был выплатить игорный долг.

В своём введении в издание 1927 года, Марвин Хантер ссылался на то, что Герман женился на «роскошной» девушке в Лойял Вэлли и позже ушёл жить на Индейскую территорию, на землю, отведенную команчам федеральным правительством. В версии 1899 года Герман

включил главу под названием «Работа, супружество и вещи похуже». Он говорил о работе, которую он выполнял в Лойял Вэлли, о ссорах и выпивках, - «я полюбил пиво и другие крепкие напитки, и когда человек делал что-нибудь и мне это не нравилось, я не ссорился с ним. Но я с удовольствием отправил бы его в аут». В итоге он попросил мисс Баркс выйти за него замуж и она ответила согласием. Несмотря на то, что её отец относился к нему одобрительно, он не считал, что Герман женился удачно, так как характер у его дочери был скверным. Герман очень любил свою первую жену, но позже она изменила ему. Он так вспоминал: «У меня было всего пять долларов банкнотами, но я влез на своего пони, поехал к команчам в форт Силл и провёл там несколько недель с Куаной Паркером». По истечению нескольких месяцев он решил возвратиться за своим скотом, остававшимся в Лойял Вэлли. Он нашёл свою жену с другим мужчиной, и так описывает то, что произошло потом, - «Я отвёз жену к её матери и сказал той, что предпочёл бы стать разведённым, чем жить с такой женщиной. Вылетело несколько грубых слов, но я оставил её там, чтобы больше никогда не увидеться с ней вновь».

После развода Герман купил упряжь и фургон, и занялся перевозкой грузов. Он продолжил пить и драться, и поэтому Методистская Церковь решила изгнать его из паствы. Он играл, состязался в лошадиных бегах, делал быстрые деньги и тратил их также быстро. В Черри Спрингс, в Техасе, он управлял салуном и сделал лёгкие деньги. Но, по его же словам, он стал слишком жирным и выпил слишком много. Он продал салун и вскоре истратил всю выручку от продажи. Единственная ссылка на его вторую жену исходит из этого его утверждения: «Теперь я нашёл хорошую женщину в качестве супруги. У неё есть двое смысленных маленьких мальчика, что делает наш дом весёлым, и я грызу землю в поиске средств к существованию».

Через это удивительное повествование Герман довёл до нас историю парня вырванного из своей семьи и вброшенного в чуждую культуру, но при этом в образ жизни, волнующий подростка. Он возмужал и полюбил этих людей, и они ответили ему взаимными чувствами. Мы приобрели больше, чем просто понимание того, как они жили, сражались и умирали. Герман сообщает свою историю так, как будто бы он жил среди своего народа. Их история стала его историей, со всем её насилием, трудностями, юмором, страстью и любовью.

ВВЕДЕНИЕ.

Марвин Хантер.

Герман Леманн, с кем эта книга имеет дело, рождён немецкими родителями 5-го июня 1859 года. Он был захвачен группой индейцев апачей примерно в одиннадцатилетнем возрасте и прожил с этим племенем четыре года. Позже у него возникли проблемы с членами племени и он вынужден был бежать, чтобы спасти свою жизнь. Он ушёл в изолированный горный район, где провёл в одиночестве около года, а

затем отправился к племени команчи, в которое был принят и оставался с ними до возвращения к своему народу, уже взрослым к этому моменту, и во всех отношениях диким индейцем. Во время своей неволи он забыл язык своей матери, отказался от образа жизни белого человека, стал кровожадным, крадущим дикарём, и когда вернулся в цивилизацию, то принудительно удерживался, чтобы уберечь его от побега и возвращения к своему племени. Но со временем он всё же смирился, вновь научился цивилизованно вести себя, и в итоге стал добропорядочным гражданином. Я знал Германа Леманна лично и близко в течение тридцати пяти лет. Когда он был доставлен из неволи моим отцом, покойным уже Джоном Уорреном Хантером, жить в Лойял Вэлли, в дом матери Леманна, то слышал как он рассказывал курьёзные случаи из индейской жизни Леманна и как дикий мальчик пугал деревенских детей. Моя мать говорила мне, что если я не буду послушным, то «индеец обязательно заберёт меня». Ещё долго он ходил в своей индейской одежде. Он не любил одежду белого человека, он хотел оставаться в одиночестве в лесу и держался в стороне от других какое-то время после своего возвращения. Наконец влияние вечной материнской любви, радостные ассоциации в счастливом семейном кругу, ласковое с ним обращение его братьев и сестёр, привели к полному изменению этого дикарского его характера, и дикость уступила природной добродетели и благородству. Так он вновь стал белым человеком. Тем не менее он никогда не забывал своих друзей индейцев. Годы спустя, после того, как он женился на роскошной девушке в Лойял Вэлли, специальным решением Конгресса ему был выделен земельный надел на Индейской территории, и он отправился жить на свой участок земли среди своего племени. Да, к его племени, потому что он был по-прежнему команчем в глазах его медных братьев, и он всё ещё обладал всеми племенными правами и привилегиями, и до сих пор ими владеет.

подавая его историю в данном объёме я подаю её так же, как он подал её мне, без преувеличений, без хвастовства, и надеюсь, что читатель найдёт это интересным и правдивым изложением фактического материала. Есть люди, ещё живущие сегодня, которые знают все обстоятельства, связанные с его захватом и возвращением. Есть техасские рейнджеры, которые знают о его участии в боях с ними. Живы до сих пор индейцы, которые шли с ним по тропе войны и сражались с ним бок о бок в кровавых конфликтах.

Герман Леманн теперь старый человек и его длинная и полная событий жизнь приближается к концу. Он ощущает тяжесть прожитых лет, но при этом может оглянуться в далёкое и потускневшее прошлое без сожалений по поводу любого своего публичного действия в том диком состоянии, совершённом из-за того, что он был выучен индейцами красть и убивать. Он считает, что это было правильно. После своего возвращения он вскоре узнал, что эти вещи неправильные и теперь уже не совершает их. Его совесть чиста и он верит, что справедливый Бог простил его за все грехи, которые он мог совершать в дикости, когда не знал лучшего.

ГЛАВА 1. МОЁ ПЛЕНЕНИЕ.

Мои отец и мать приехали в 1846 году из Германии, из колонии Принц

Зольмс,и поселились во Фредериксбурге,округ Гиллеспи,Техас. Мой отец Морис Леманн умер в 1864 году.Мать в 1866 году вышла замуж за Филипа Бьюхмайера.Через некоторое время после окончания войны(гражданская война в США 1861-65 годы) они получили большой участок земли у Скво Крик,примерно в 25 милях северо-западнее Фредериксбурга. На этой пограничной земле они построили свою хижину и по-немногу занимались земледелием и животноводством.

С начала гражданской войны и вплоть до 1872 года,индейцы время от времени совершали свои набеги в Гиллеспи и соседних округах,расширяя свои ограбления далеко на юг,до самого Остина и чуть ли не до Сан Антонио. Почва многих приветливых с виду долин была смочена кровью отважных пионеров,которые пытались в дикой местности построить дома для своих семей. Долины Бивер Крик(ручей Бобра) и Скво Крик(ручей Индеанки),а также их притоки, словно манили своими обширными пространствами смелого первопроходца, и ещё два или три немецких семейства поселились по соседству с нашим ранчо.Несмотря на то,что все дома располагались в нескольких милях друг от друга,они сформировали ядро для небольшого поселения. Почва в этих долинах была очень плодородной,изобиловала водными источниками,обзор во всех направлениях был превосходный,и там было много диких зверей. Из-за преимуществ своего местоположения, и несмотря на набеги индейцев,во время которых множество наших лошадей воровалось,а наш скот калечился и погибал,поселенцы преуспевали,и сегодня потомки их, среди наиболее известных своими умственными способностями и богатством жителей округов Мэйсон и Гиллеспи.

Однажды,в мае 1870 года,я со своим братом Вилли Леманном и двумя сёстрами,Каролиной и Густой,были посланы на пшеничное поле отпугивать птиц. Густа была совсем маленькой на тот момент,наверно двухлетней,и находилась под опекой Каролины. Мне было около одиннадцати лет,Вилли только исполнилось восемь,а Каролина была уже почти девушкой.Мы заняли позиции для игры,но тут же поняли,что окружены индейцами. Когда мы увидели их ужасно раскрашенные лица,то страшно испугались и поднялись,чтобы бежать домой.Вилли был пойман там,где сидел.Каролина побежала в сторону дома,бросив ребёнка,и индейцы выстрелили в неё несколько раз,после чего она упала,потеряв от испуга сознание.

Индейцам некогда было проверять,что там с ней, и они решили,что она мертва.Потом они часто повторяли мне,что она была убита,и я в это верил,пока через ряд лет не вернулся домой. За мной они погонялись какое-то время,прежде,чем схватили.Я заорал и начал всеми силами вырываться, и тогда их вождь Карновисте крепко меня обхватил и здесь уже началась настоящая драка.Индеец с силой швырял меня,душил,бил,сорвал с меня одежду,отбросил в сторону мою шляпу, которую я носил на протяжении больше уже восьми лет,и вообще,я подумал в тот момент,что он убьёт меня.Я запустил пальцы его длинные чёрные волосы и потянул их со всей силы,на которую, только был способен.Я лягал его в живот,кусал зубами и почти уже взял над ним верх и освободился от него,когда подоспел другой индеец, по имени Чиват. Тогда Карновисте схватил меня за голову,а этот другой за ноги,и они перенесли меня к забору неподалёку, раскачали и перекинули на другую сторону так,что я взрыхлил лицом и грудью песок с камешками. Я

был совершенно оглушён от удара и не мог подняться на ноги, пока индейцы ещё не перепрыгнули через забор и не приблизились ко мне. Вскоре я уже совсем голый был надёжно привязан к спине необъезженного жеребца. Индейцы больше не теряли даром времени и устремились прочь оттуда. Когда мы скакали через кустарник и подлесок, то моя плоть была вся исколота и ободрана шипами мескитов и кактусов, а палящее солнце усеяло волдырями мою голую спину и конечности. В ту минуту смерть наверно была бы облегчением для меня. Мой брат Вилли находился в таком же неутешительном положении как и я, но он совсем не роптал. Индейцы проехали вдоль Лойал Вэлли и направились к горам Мозли, где в лощине оставили некоторых своих лошадей. Все индейцы, кроме Карновисте, оставшегося нас охранять, отправились за лошадьми, и когда они скрылись из глаз, то мы услышали несколько выстрелов. Карновисте взбежал на возвышение, чтобы посмотреть кто стрелял, а я и Вилли попытались сбежать, но мой брат не мог проделать это быстро, и скоро Карновисте поймал нас, избил и заткнул нам рты тряпками, так, что не мы могли даже вскрикнуть, и он объяснил нам мимикой и жестами, что если мы ещё раз попытаемся бежать, то он нас будет пытаться.

Скоро индейцы возвратились с украденными лошадьми и мы направились на запад. По пути индейцы захватили ещё серую и гнедую лошади. Одна имела клеймо Уильяма Кидда, а другая мистера Стоуна. Затем мы повернули на северо-запад, проехали мимо ранчо Кайзера и направились к реке Льяно. На берегу они сняли нас с лошадей, меня связали по рукам и ногам, а Вилли только ноги, и потом все улеглись отдыхать. Они не разводили костра и ничего не ели. Мы же утром позавтракали. Глубокой ночью нас разбудили и все мы отправились вверх по Уиллоу Крик, отклонились вправо от Мэйсона, а потом отряд разделился. Нас с братом тоже разделили, поэтому Вилли поехал с одной партией, а я с другой. Индейцы оставили позади разведчиков, чтобы те проследили нет ли за отрядом погони, а по возможности замести его следы.

Я поехал с Карновисте. Мы наткнулись на лежащего совсем молодого бычка. Карновисте сделал мне знак, чтобы я поймал его, подкравшись ползком примерно как собака. Я побоялся не подчиниться ему, зашёл к маленькому глупышу сзади и поймал его. Карновисте соскочил с лошади, перерезал ему горло, погрузил свой нож ему в живот, вырезал свернувшееся молочное содержимое и стал есть его с удовольствием причмокивая, так, что мне было даже тошно смотреть на это. Он схватил меня, нагнул мою голову в брюшко бычка и возил меня там так, что тошнотворное содержимое покрыло всё моё лицо, забило мои глаза, мой нос, мои уши, и протиснулось глубоко в моё горло. Он зажал мой нос, заставляя меня глотать эту гадость, но мой желудок её не воспринял и меня начало дико рвать. Потом он вырезал почки и печень, и заставил меня откусывать от них, пока они ещё были насыщены животным теплом. Я снова стошнил этой мешаниной, но он собрал её с земли и стал опять заталкивать в меня, и я опять ей стошнил. Он смочил мою рвоту тёплой кровью и снова стал заталкивать её в меня. Кровь пришлась моему желудку по вкусу и он наконец-то удержал эту мерзость. Затем Карновисте отвёл меня к роднику, вымыл моё лицо, усадил рядом с собой на лошадь и мы присоединились к другим индейцам нашей группы.

ГЛАВА 2. МЫ ПУТЕШЕСТВУЕМ ПО СТРАНЕ.

Проехав какое-то расстояние мы въехали на холм и разожгли большой костёр,и вскоре разглядели шестерых индейцев приближавшихся к нам с большим табуном украденных лошадей. Они медленно подъезжали к холму и когда узнали нас,то смело въехали на него и тогда все мы уселись,чтобы поглощать ободранного и зажаренного бычка. Потом шестеро индейцев,с которыми находился Вилли,поехали дальше на север. Мы же уничтожили насколько это было возможно признаки нашей стоянки, дождались разведчиков и тоже отправились в том направлении. Весь наш путь изобиловал водными источниками,но не позволялось пить,хотя я очень страдал от жажды. Мы снова разделились и Карновисте по-прежнему меня опекал. Он разрядил свой пистолет а и дал мне его,чтобы узнать, могу ли я с ним обращаться. Какое-то время мы потешились с ним и я уже начал думать , что старый дьявол может быть приятным и веселём товарищем, хотя я и не совсем его понимал,а потом он взял и избил меня.

Ни с того,ни с сего, обе группы снова объединились вместе, в общем числе в двенадцать индейцев,и после короткого совещания они опять разделились на две части. Шестеро поехали на запад и я находился в этой компании. Другие шестеро поехали на север и Вилли вместе с ними. В тот же день наша партия своровала девять крупных лошадей. После этого мы вновь объединились и ехали уже вместе до заиленного пруда,полного насекомых и благоухающего ароматом тины и лягушек. Все спешили и индейцы нарвали много хорошей,чистой травы и раскинули её по поверхности воды, используя как сито. Я отошёл немного от индейцев, упал на землю возле пруда и начал втягивать в себя грязную воду через мусор на поверхности воды, наслаждаясь прохладным освежающим лёгким ветерком,смачивающим моё небо,и погружаясь в мысли о доме. Но тут ко мне подошёл старый Карновисте,сунул силой мою голову в тину и все красные негодяи рассмеялись надо мной.

От этой лужи мы отправились на север и примерно в четыре часа после полудня мы убили молодого вола и развели костёр на холме. Индейцы очень аккуратно выбрали сорт древесины,так как если бы дым поднялся высоко,то это могло открыть наше присутствие белым людям. Карновисте привязал к колышку своего коня, взял меня за руку и мы прошли назад какое-то расстояние. У него имелось своего рода зеркало,представлявшее собой блестящий кусок стали(другие индейцы тоже имели подобные зеркала),которое он использовал,чтобы отражать солнечные блики в определённом порядке. Эти знаки сигнализировали кому-то другому , кто находился позади на нашем пути, и был получен ответ,что всё спокойно.Карновисте указал мне жестом назад , но я не понял чего он хотел. Я прошёл немного и повернул было обратно,но он снова указал мне жестом и что-то прорычал.Я снова пошёл и снова повернул обратно. Он пришёл в бешенство,потянул свой пистолет и ткнул им в меня,но я всё равно не мог понять, что он от меня хочет. Он опустил пистолет и повернулся в сторону своей лошади. Теперь я понял,что он хотел,чтобы я привёл ему его лошадь и когда я это сделал, он усадил меня на неё , сам вскочил спереди,и мы отправились

к остальным индейцам, которые уже расположились на берегу небольшой стремнины. Вилли был с ними. Там они промыли и перевязали наши раны, а потом покрасили нас как индейцев и усадили на лошадей, приготовленных для долгого переезда. Индейские седла из раздвоенной палки были не очень удобными для нас в любом виде, но так как сейчас мы были голые, то эти седла представляли для нас сущее наказание. Читатель мог бы представить себе страдания ребёнка, о котором день или два назад нежно заботился отец, ласкала преданная мать, а теперь он был лишён всякой надежды на освобождение, не зная при этом какой миг станет для него последним, с лицом, покрытым волдырями от палящего солнца, с облупляющейся кожей с его спины и груди, с его связанными ногами и руками, и с пахом, трущимся о деревянное седло так, что плоть почти слезла с кости. Может муки Иова были более невыносимы?

ГЛАВА 3. ПОБЕГ ВИЛЛИ.

Правя лошадьми мы двигались в северо-западном направлении и на пятый день после нашего пленения, возле Липан Крик мы наткнулись на группу рейнджеров, которые, кто спешившись, обмывал своих лошадей в небольшом озере, а кто занимался разбивкой лагеря. Они нас не увидели и индейцы поспешно повернули назад и устремились на максимальной скорости по дороге, по которой мы сюда прибыли, бросив при этом табун лошадей. Один индеец передвигался шагом, потому что у него болела нога и он не мог скакать. Этот индеец вспрыгнул на лошадь, на которой ехал Вилли, чтобы не отстать от других индейцев. Лошадь стала проявлять признаки недовольства и тогда этот индеец швырнул Вилли куда-то в кустарник и поскакал вслед за своими товарищами. Какое-то расстояние он гнал свою лошадь, а потом бедное животное свалилось от усталости и за ним вернулся другой индеец, посадил к себе и уже вместе они поскакали дальше.

Когда Вилли осознал, что его бросили, то поднялся и бродил вокруг, пока не вышел на наезженную дорогу, по которой прошёл милью или две. Затем он повстречал человека, едущего верхом на лошади, который поговорил с ним немного и поехал дальше, оставив маленького мальчика там, где он стоял. Продолжив движение Вилли встретил человека, управляющего фургоном с грузом для форта Маккаветт. Этот человек подвёз брата до Кикапу Спрингс, где находилась станция этапа, и оставил его там, правда пообещав позже вернуться. Чуть позже через станцию в Кикапу Спрингс проходил этап, следующий из форта Кончо до Фредериксбурга и Сан Антонио, и погонщик высказал желание отвезти Вилли домой, на что малыш ответил, что дождётся его. Через день или два фрахтовщик вернулся, забрал Вилли и отвёз его домой к нашей, почти уже безумной матери. Его не было дома почти девять дней и его возвращение стало поводом для огромного ликования остальных членов нашей семьи, которые уже думали, что никогда нас больше не увидят.

Когда Вилли повстречал человека на лошади возле Кикапу, то вероятно имел внешне нелепый вид, - раскрашенный как индеец и увенчанный чепчиком, изготовленным из скальпа, снятого с головы молодого бычка, который индейцы надели на его голову, и к тому же ещё и робкий

от природы, он ничего толком не смог объяснить этому человеку. Когда мужчина скрылся, Вилли сошёл немного с дороги и когда увидел приближающийся грузовой фургон, то набравшись смелости выбросил шапку из телячьей кожи и решительно окликнул погонщика. Они быстро нашли общий язык.

После скачки на протяжении многих миль, во время которой они держали меня впереди себя, индейцы наконец остановились и провели совещание, и так как табун был потерян, то решили вернуться обратно к поселениям и собрать других, так как не очень хорошо было бы им возвращаться в родное племя без какого-либо количества ворованных лошадей. Таким образом, десять из них отправились обратно, а другие двое, Чиват и Пинеро, согласились отвезти меня до индейского местобитания, где-то на северо-западе. Я по-прежнему был привязан к лошади и верховая езда была для меня очень некомфортабельной вещью, но несмотря на это, всё время пока мы ехали, я думал о своём младшем брате. Я не знал, что с ним произошло, и очень боялся, что наши похитители убили его. Я рыдал горючими слезами, и как же одиноко я себя чувствовал и жаждал узнать, что с ним случилось. Что-то всё-таки мне подсказывало, что ему удалось спастись, но каким образом он, просто маленький восьмилетний мальчик, когда-либо увидит просвет в конце своей дальней дороги через пустынную дикую местность? Я думал также о доме, о своём дорогом доме, и своих любимых матери и сёстрах. Эти грустные мысли занимали мой мозг на протяжении всех томительных часов нашего продвижения, и я был подавленным и печальным.

ГЛАВА 4. ИНДЕЙСКИЕ ПЫТКИ.

Мы выехали за фортом Кончо, а потом ехали три дня без сна и совершенно без еды и воды. Почти на рассвете, на третий день пути (Чиват к тому времени развязал меня), мы достигли небольшого ручья и остановились чуть повыше. Я ускользнул и пополз вправо и вниз к воде. Я был настолько обезвожен, что жаждал лишь ощущать прикосновение воды, и я пил и омывался в течение какого-то не слишком продолжительного времени. Скоро два индейца хватились меня и занялись моими поисками, но им даже на ум не пришло поискать меня у воды. Наконец они бросили поиски и двинулись дальше. К тому времени я уже утолил свою жажду и стал думать, что мне делать дальше. Я понимал, что не смогу теперь добраться до дому, так как волки и дикие кошки, а также другие звери, несомненно разорвали бы меня и сожрали мои останки, а если бы я поехал за индейцами, то возможно увидев, что я не хочу их покидать, они лучше стали бы ко мне относиться. Вскоре они обернулись и увидев меня остановились в ожидании. Когда я подошёл, то Пинеро схватил меня за волосы и втянул на свою лошадь, и затем мы ехали весь день, почти девять часов, а потом разбили лагерь. Обычно индейцы выбирали место для лагеря на возвышенности и, чтобы оно по возможности было обеспечено достаточным количеством воды для питья и купания. Я смотрел как они разводили огонь. Чиват взял две палки и тёр их до тех пор, пока они не начали дымиться. Это произошло за счёт маленьких надпилов в палках и посыпки песка в эти места, чтобы вызвать эффект от быстрого трения палочек друг о друга. Добыв огонь

мои краснокожие компаньоны прикурили сигареты и развели костёр так, чтобы пламя не затухало, но в тоже время и сильно не разгоралось. Затем они схватили меня, обмотали верёвку вокруг моей шеи и привязали один её конец за куст. Потом они спереди стянули ремнём руки, а ноги связали вместе. После всего этого они взяли жерди и поместили каждую концами в разветвлённые палки, вбитые в землю в шести футах друг от друга. Я повис лицом вниз, привязанный руками к одной жерди, а ногами к другой. Я находился в таком положении, что моя грудь чуть не касалась песка, и если я пытался ослабить свои путы, то они вонзались глубоко в мою плоть. Не удовлетворённые моим размещением в таком очень мучительном положении, красные дьяволы взвалили тяжёлый камень мне на спину, который вдавил в песок моё лицо и нос. В таком состоянии я находился всю ночь, ничем не прикрытый, если не считать большого камня на моей спине. Я терпел сильнейшую, мучительную боль, но когда начинал стонать, то один из индейцев вскакивал и дёргал мои уши и волосы и ударял меня.

Не знаю как я пережил эту ужасную ночь. С рассветом Пинеро снял камень с моей спины, развязал путы, а затем навёл на меня свою винтовку. Чиват натянул тетиву на своём лук и приставил к ней стрелу, а затем показал мне жестом вставать. Мне всё равно было убьют они меня или нет, так как был готов умереть прямо сейчас, но после нескольких попыток я всё же поднялся на ноги. Я был настолько измучен и неуклюж, что даже по-началу не мог стоять прямо. Я весь был покрыт коростами и совсем немного движений поспособствовали вскрытию моих болячек, и гной с кровяными выделениями покрыли мою кожу. Они посадили меня на лошадь и даже не позавтракав мы отправились в путь. Это был уже четвёртый день без какой-либо еды. Вода, которой я напился накануне, лишь усилила моё лихорадочное состояние и в горле настолько пересохло, что мне нечем даже было отхаркивать. Затем мы достигли Льяно Эстакадо, местность такую же открытую, но уж точно не пустынную. Мы ехали три или четыре часа, когда Пинеро вдруг остановился и указал вниз на траву. Я видел что-то, с блестящими маленькими глазами. Индеец показал мне знаками спуститься с лошади и поймать это, но я побоялся, так как не знал, что там. Тогда он спрыгнул сам и поместил это в свои объятия. То оказались две маленькие антилопы, которых мы забрали с собой. Проехав некоторое расстояние мы остановились, развели большой костёр, воткнули в землю две палки и нанализали на них антилоп прямо живьём, с волосами, кишками и всем остальным. Мы были голодными и у нас не было времени на свежевание и изысканность. Это была первая еда, которой мы наслаждались за последние четыре дня, и мы хищно поглощали волосы и острые косточки этих красивых, маленьких животных.

У антилоп есть своя особенность. Они представляют собой что-то среднее между козой и оленем, и порой оставляют своих детёнышей на долгое время в траве, но если что-то с ними происходит, то их мать проявляет любопытство достаточное для того, чтобы посмотреть, что же станет с её детёнышем. Так, что вскоре мы заметили позади нас погоню, а на ужин у нас было две взрослых антилопы. Мы разбили лагерь, когда сумерки только начали спускаться, но в эту ночь они со мной не

обращались так жестоко, как в прошлую. Меня только связали, но ничем больше не обременяли.

ГЛАВА 5. МЫ ДОБРАЛИСЬ ДО ДЕРЕВНИ.

Подъезв всех антилоп, мы два дня опять ехали без пищи. Как-то увидели на расстоянии какое-то большое животное, покрытое шерстью, и я был уверен в том, что оно весило целую тонну. Оно выглядело очень громоздким, но вместе с тем довольно прытким, и когда оба индейца поскакали к нему, то оно достаточно быстро преодолело порядочное расстояние. Это был первый бизон, которого я когда-либо видел, хотя помнил, что мой отец рассказывал о нём. Животное было крепко сбитым, с немного изогнутыми рогами, и имело на шее большой горб. Вскоре всё же Чиват и Пинери убили его, разрезали ему брюхо, распотрошили, и стали есть содержимое, которое нашли в его желудке и вокруг. Затем они отрезали кусок печени, смазали его желчью, и дали мне его есть. Я попробовал это проглотить, но оно вылезло обратно. Индейцы ещё больше пропитали кусок желчью и я наконец смог затолкать его себе внутрь.

С этого момента у нас был избыток в зверье и я научился есть то, что мне давали, ничего при этом не сташнивая. Мы ехали ещё по крайней мере десять дней и однажды въехали на небольшой холмик. Чиват поднял красное одеяло, волнообразным движением провёл полукруг и таким же образом в обратном порядке. Процесс повторился несколько раз. Я наблюдал за выражением лиц своих компаньонов, и по-началу они мне показались недоумёнными, но вскоре их лица просветлели и ухмылка расширилась до оскала.

Они казалось совсем про меня забыли. Несколько пронзительных криков вырвалось из их глоток и они пустили своих лошадей в стремительный галоп. Скоро мы уже въезжали в индейскую деревню, которая раскинулась у блестящей на солнце озёрной глади, где-то около границы с Нью-Мексико. Крики, возгласы и различные звуки вонзались в наши уши, когда индейцы сбежались, чтобы встретить нас. Эта деревня содержала наверно 2500 дикарей. Чиват соскочил с коня и отдал поводья мне, тогда как Пинеро повёл мою лошадь к палатке Карновисте и там остановился. Скво и дети вопили, улюлюкали и вносили такую неразбериху, что я ничего не понимал и был сильно напуган. Кое-кто из них спешили ко мне и я подумал, что мой час настал. Одна жирная, коренастая, языческая, словно выскочившая из ада старуха, вцепилась в меня, стащила с лошади, ущипнула, ударила, начала избивать и свалила меня на землю, вываляла меня в пыли, и всё это время другие с нескрываемым восторгом наблюдали за происходящим. Наконец старая распутница позволила мне подняться и весь лагерь пришёл в движение вокруг меня, танцуя и вопя. Пожилые скво находились с внутренней стороны круга, смелые (воины) во втором ряду, а молодые девушки и юноши составляли внешнюю сторону. Женщины распевали свои магические заклинания, воины разряжали свои винтовки и вопили, так как для них это было великое празднество. Это буря стихла, когда ко мне подошёл старый фронт с большим ножом и схватил мои волосы. Я подумал, что он хочет меня скальпировать, но он всего лишь стал меня стричь. Нечаянно он

касаясь лезвием моей кожи на голове и кровь стекала струйками по моей спине, по моему лицу и растекалась по моим плечам, но я изо всех сил сохранял невозмутимость на своём лице и пытался скрыть от окружающих свой страх. Другой назойливый варвар нагрел небольшое шило, подошёл ко мне и воткнул накалённый стержень мне в проушину, прожёл в нём отверстие, пока в процессе этого другие держали меня. Он вынул шило и вставил в дырку тесёмку из оленьей кожи. Затем он повторил процесс на другом ухе. И когда казалось уже, что всё позади, он решил продолжить мои страдания и подошёл с раскалённым железным прутом к моим рукам, чтобы прожечь в них большие дыры. У меня до сих пор сохранились шрамы и я могу их показать в доказательство своих утверждений. Я боролся изо всех сил, лягался ногами и был как в бреду, но они сдавили меня и жгли, пока у меня не осталось сил терпеть и я начал терять сознание. Я желал смерти. Я страдал, ослабел и был близок к обмороку, и был также очень бледен. Все ушли с наступлением сумерек, а я словно провалился в пустоту и по-прежнему лежал. Сколько я там пролежал, не знаю, но после того, как они наказали меня согласно потребностям их дикарских душ, они приподняли меня и поливали водой, пока я не стал подавать признаки жизни.

ГЛАВА 6. Я СТАНОВЛЮСЬ ИНДЕЙЦЕМ.

С поднимающимся на востоке неба занавесом ночи, с уходящими мглой, мраком и темнотой, уходили и страхи, освобождая место великолепию грядущего дня, который уже проблескивал по всему небосводу вибрирующими лучами, сменяя полумрак живыми раскрасками, пока ещё не вознеслась и не пробудилась новая жизнь. Тонкая чувствительность нашей природы приспособлена к такого рода гармонии с пейзажем, и кажется похожей на струнную магическую музыку арфы, с дрожанием от красот окружающего мира, с проблесками возрождающегося света, дающими надежду на лучшее. Но со мной было не так. Я лежал на жёсткой земле, но я был отмыт, искупан и смазан жиром, и чувствовал себя гораздо лучше, хотя и не совсем осознавал какое будущее мне уготовано. Подошёл Пинеро и направил меня туда, где раздавалось праздничное угощение. Другие воины совсем недавно совершили товарообмен с мексиканцами и на расстеленном на земле одеяле передо мной лежали подсушенный на солнце хлеб, пелонсия (головки коричневого сахара), жареное и сырое мясо. Я схватил кусок сырого мяса и начал его есть. Это обрадовало индейцев и они стали меня дружески похлопывать. Если бы сначала я прикоснулся к уже готовой пище или зажаренному мясу, то есть к пище цивилизованного человека, тогда возможно меня запытали бы до смерти. Индейцы смеялись, выделывали разные дурачества и показывали мне знаками, что они мной довольны. По окончании праздника индейцы дали мне большой кувшин и послали к озеру за водой. Этот кувшин был изготовлен из кизилового дерева, переплетён или покрыт тканью с мелким плетением и склеен сосновой смолой. Кувшин привязали мне на шею и отправили на озеро заполнить его. Со мной пошли несколько индейских мальчиков. Они показывали мне как надо наполнять кувшин, наклоняя его вниз, чтобы вода лилась в его

горлышко, пока он не будет полным, а затем они помогут мне. Но кувшин с водой был таким тяжёлым, а я был таким маленьким и слабым, что он потянул меня за собой и я упал, нырнув как утка. Когда я попытался подняться, то кувшин снова утащил меня за собой. Мальчики смеялись и помогали мне подняться, но стоило мне встать прямо, как они меня отпускали и я снова падал в воду. Несколько раз подряд я окунался и уже так нахлебаться, что не мог стоять даже без кувшина. Тут подошёл Чиват, набрал в кувшин воды и повёл меня в лагерь. Там я упал без сил и пробыл в таком состоянии примерно три часа.

Затем меня разбудили, раскрасили и повели на соревнование или борьбу с мальчиками. Они валили меня с ног, но я царапался, кусался, лягался и ударял, пока не оказался сверху. Затем мы устроили ещё одну свалку. Такой была жизнь нашего лагеря, и так каждый день. Драгоценное время здесь тратилось впустую. С этими дикарями я был обречён на пребывание и взросление в язычестве. Я лишился получения достойного образования, нежной заботы отца и ласки любящей матери.

Сейчас же, по окончании борьбы, драки и бега наперегонки до полного изнеможения, мы были отмыты, смазаны жиром и раскрашены. Скво пошила мне жакет из оленьей кожи, мокасины и шапку. Когда еда почти не стало, нас отправили к небольшому ручью, который почти высох, оставались только лужи с застоявшейся водой, и я подумал, что в них мы должны ловить рыбу. Помню я был таким голодным тогда, что хотел тут же съесть рыбину, но мои товарищи сказали, что этим я разгневаю Великого Духа. Я пытался это оспорить, но подошёл наш начальник и прервал мои многозначные доводы, приподняв меня и швырнув в воду, вероятно, чтобы удержать меня от потребления запрещённой пищи. Барахтаясь в грязи я нащупал жёсткий черепаший панцирь и индейские мальчики пришли от этого в восторг и присоединились ко мне в ловле черепах. Поймав около пятидесяти из них, мы отправились в лагерь, где скво уже развели большой костёр и побросали их в раскалённые угли. Некоторые черепахи пытались отползти, но только для того, чтобы снова оказаться в огне. Все они были зажарены, вместе с панцирем и внутренностями, и мы их поглощали и это было очень вкусно.

ГЛАВА 7. ПОПЫТКА ПОБЕГА.

Мне было поручено присматривать за лошадиным табуном, а также указана дорога на водопой, который находился достаточно далеко от лагеря. Я оказался наедине с лошадьми в унылой прерии. Когда я отвёл взгляд на восток и разглядел синеющие горы, то подумал о своём положении и слёзы произвольно покатались у меня по щекам. В то время, как моё физическое состояние, несмотря на последние болячки, было сравнительно приемлимым, меня сотрясали невыразимые эмоции, как изнутри, так и снаружи, от пяток до кончика носа. Никогда до этого я не ощущал ничего подобного. Знакомо ли вам такое ощущение? Цивилизованные люди называют это ностальгией. Я сидел на своём пони и рыдал. Я ни разу не заплакал, когда меня пытали или когда прогоняли сквозь строй, даже тогда, когда я чуть не утонул. В те минуты я издавал лишь крики неповиновения или рычал угрозы. Но теперь, находясь в одиночестве и

унынии,я мог позволить себе заплакать. Тут новая мысль пронзила меня, улыбка скользнула по моему лицу и слёзы сразу куда-то исчезли. Я решил бежать. Я тщательно упаковал в бизонью шкуру провизию,которая у меня была,привязал к шее пони кувшин с водой,внимательно осмотрелся по сторонам, сел на пони,который мне выделили,и направил его на восток, постепенно ускоряясь до галопа. Взглянув на запад я увидел поднимающееся облако пыли и понял,что мои захватчики пустились за мной в погоню. Я сделал то,чего они ждали,то есть,что совершу побег. Я хорошо скакал для мальчика своего возраста ,но вскоре пони споткнулся и упал. Я сильно ударился о землю и дыхание вместе с надеждой покинули меня. Через несколько мгновение меня сильно хлестнули плёткой,крепко связали и повезли в лагерь. Там индейцы собрались вокруг меня и после долгого совещания хорошенько меня снова выпороли и оставили в таком состоянии на какое-то время.Потом пришёл мальчик и поддержал меня в моём одиночестве. Он учил меня их языку, показывал как накладывать стрелы на тетиву и делать луки. Мы вместе пасли лошадей и я прислуживал своему господину Карновисте,тому самому предводителю, который меня похитил, и теперь я принадлежал ему. Я приводил ему его коня,приносил ему еду и раскуривал его трубку, а также мыл ему ноги, раскрашивал его кожу,ловил вшей в его голове и на его теле,и выполнял другие повседневные работы, на которые он мне указывал,некоторые из них были настолько неприличные,что их нельзя включать в эту книгу.

Я упорно трудился,и когда не наблюдал за табуном или не удовлетворял запросы своего господина, любая старая скво спешила ко мне с какой-нибудь своей блажью или прихотью.Тогда я лущил кукурузу,снял шкуру с какого-нибудь животного, добывал трением огонь, ходил за водой,чинил одежду и делал многое другое.Жизнь стала мне обременительна и я опять с нетерпением ожидал своей смерти, как избавления от моих мук. Не было даже лучика надежды. Моя судьба была предрешена,мой роковой конец был близок.После того как я совсем опустился на дно,моё положение несколько преобразовалось. Мне теперь больше позволялось общаться с мальчиками и девочками деревни. Карновисте начал учить меня объезжать диких лошадей,вспрыгивать на бегущую лошадь с широко расставленными ногами и одновременно увёртываться от летящих стрел.Он обучил меня как нужно плотно прижиматься к шее лошади,чтобы враг не смог попасть в меня,а также как правильно использовать щит в отражении стрел . Меня часто спрашивают как индейцы изготавливают свои щиты,и здесь я попытаюсь объяснить это. Чтобы щит был полностью готов нужно несколько дней. Сначала индеец берёт шкуру старого быка(иногда использовалась просто утолщённая часть бизоньей шкуры),с шеи плеч вырезалась круглая форма, которая выдерживалась над огнём до позеленения.Когда заготовка становилась настолько горячей,что её нельзя было держать дальше, без того,чтобы не прожечь,она с усилием затиралась об неровности камня до тех пор,пока не слезило всё мясо,а затем использовался гладкий камень,чтобы она стала мягкой и гибкой.Из прутьев раттана или хикори изготавливался обруч и уже на него заготовка из сыромяти пришивалась или связывалась полосками,нарезанными из такой же сыромяти,а затем ,чтобы получилась необходимая «впадина»,она натягивалась на колоды и

в таком виде оставлялась сохнуть. После того как щит хорошо просыхал и отвердевал, его устанавливали в качестве мишени, и если стрела или пуля пробивали его, то он занимал своё место среди лагерного хлама, но если выдерживал испытания и оказывался пригодным для военных действий, то занимал своё место рядом с воинами и с каждой его стороны пропусклась насквозь прочная тесьма, чтобы можно было держать щит рукой. Волосатая сторона щита была обращена вовнутрь, а гладкая к противнику. Луна, звёзды, змеи, черепахи и другие фигуры, наносились краской на щит в таком порядке, чтобы служить в качестве компаса и вести и направлять своего владельца в пасмурную погоду.

Мне был дан щит и я отошёл на расстояние примерно в пятьдесят ярдов. Четверо смелых взяли луки и затупленные стрелы и начали посылать их в меня. Я уже знал, что мне надо делать, так как наблюдал за исполнением этого раньше. Я начал передвигать щит вверх-вниз и справа-налево. Стрелы осыпали его и мне удавалось отражать их волнообразными движениями, но когда поток тупых палок усилился, то я оказался слишком медленным. Одна из них скользнула над щитом и ударила мне в лоб. Я увидел звёзды, только не те, которые были нарисованы на моём щите, а вполне реальные, огненно-красные, сверкнувшие у меня в глазах и поставившие меня на колени. Товарищи прекратили обстрел, но вскоре учебная стрельба возобновилась, ведь я должен был усвоить как правильно пользоваться щитом. Я ещё несколько раз был сбит с ног, прежде, чем стал ловким. Все индейцы проходили через такие тренировки. После этого они учили меня искусству верховой езды. Меня привязали к лошади так, как я должен был бы сидеть, то есть почти прямо, слегка склонившись вперёд, с коленями сжавшими бока лошадиные бока, всё это для того, чтобы уменьшить воздействие ветра. Когда они несколько раз освобождали меня от обвязки, то я сваливался с лошади. Иной раз, когда она устремлялась вперёд, то вынуждена была останавливаться, потому что я привязанный болтался у неё под брюхом. Во время боевой подготовки мы бегали наперегонки вокруг озера, но в азартной игре, в которой делались ставки, устраивались скачки по прямой таким образом, чтобы ни одна лошадь не получила преимущества с самого начала.

Все индейцы пытались поймать свою удачу в азартных играх. Одну игру они называли «плава-пенюол», в которую играли пятью палочками, с одной стороны окрашенными в красный цвет, а с другой в синий. Пятая палка имела ещё поверх основной раскраски красный крест. Они бросали их как в игре в кости, так, чтобы наверху оказались палочки с одноцветной стороной, а палочка с крестом была «королём», то есть самая верхняя. Они держали пари в игре в палочки, в беге наперегонки, в лошадиных бегах, в чём-либо другом, что перемещалось. Порой удача изменяла смелому и он терял все свои земные сокровища, включая жену и детей. Апачи неблагодарно поступали в отношении своих детей, но они были снисходительны к детям. По достижению мальчиками двенадцатилетнего возраста их начинали учить воровать, грабить и обманывать.

ГЛАВА 8. МОЯ РОДНЯ НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ.

В обычае индейцев было отдавать пленного белого ребёнка в собственность тому воину, который его непосредственно захватил. Поэтому, согласно обычаю племени, я принадлежал теперь Карновисте и являлся его названным сыном. Он дал мне индейское имя «Эн -Да», что значило «Белый мальчик». Его скво, Смеющиеся Глаза, очень хорошо ко мне относилась и обращалась со мной, как будто я был её собственный сын. В то время у неё не было своего ребёнка и поэтому она расточала свою ласку на меня, а я как мог, по-детски, отвечал ей тем же. Позже, когда у неё родился свой младенец, по имени Прямой Нос, она не переставала одаривать меня материнской любовью, и когда через год она умерла, я почувствовал, что потерял среди индейцев своего самого лучшего друга. По истечению двух месяцев моего пребывания у индейцев, Карновисте и одиннадцать его смелых отправились в набег на белых в ту область, где я был захвачен. Они возвратились с украденными лошадьми, а Карновисте и другой индеец, по имени Ченава, имели раны от огнестрельного оружия, которые были нанесены им моей матерью, когда они напали на её дом. Индейцы сказали мне, что убили в этой атаке мою мать и всех моих родственников, а также показали мне одежду и маленький пистолет, который когда-то мне принадлежал. Они нещадно меня избили и я думаю, что если бы Карновисте и Ченава скончались бы от своих ран, то я был бы убит. Моя мать использовала дробовик, заряженный картечью под номером 4, предназначенной для охоты на индеек, и этим она нашлаговала грудь Карновисте, а Ченава получил свою порцию в самый низ спины, что вынуждало его или только лежать на животе, или стоять. Он совсем не мог сидеть. Долгое время в лагере считали, что он умрёт. Процесс очистки этих подлецов от дробин, сопровождался как правило рычанием и истошными воплями от причиняемой этим боли.

Подробностей нападения на свой дом я не знал, так как имел только индейскую версию происшедшего, но спустя годы, когда я возвратился к своему народу, узнал правду, и сейчас позволю своей сестре Мине, теперь миссис Джон Кайзер, сообщить об этом так, как это было по её мнению: «В 1870 году, через два месяца после того, как был украден Герман, мой отчим Филип Бьюхмайер и мой брат Адольф Леманн, находились почти в миле от дома, на поливных участках, а мой другой брат, Вилли Леманн, и я, повели лошадей на водопой. На западном берегу ручья был высокий скальный утёс, и в то время, когда лошади пили, скатился большой камень и упал около меня. Я сказала Вилли, что нужно убираться домой, потому что это могли сделать индейцы. Мы зашли в воду и погнали лошадей. Не достаточно напившись, они шли с неохотой, но мы всё же отогнали их на пастбище, а потом пустились бежать в дом. В те времена мать обшивала всё своё большое семейство вручную и поэтому она заставила меня прострачивать длинные прямые швы. Мы недолго просидели над этой работой, когда начала лаять собака. Я выглянула, чтобы увидеть на кого она лает, но ничего не увидела. Через несколько минут она снова залаяла и мы подумали, что возвратился отец с коровами и телятами, и как всегда бывало в таких случаях он мог бы поругать меня за то, что ворота закрыты. Я поспешила к воротам и к своему ужасу увидела быстро скачущих в нашу сторону двенадцать больших индейских воинов, держащих перед собой щиты, извивающихся в

движении как змеи, с болтающимися в воздухе волосами. Они не кричали и не производили без необходимости любого шума. Тишина характеризует апачей, в то время как команчи всегда вопили, выкрикивали и производили всевозможные шумы. Они скакали вокруг дома, сделав первый круг на расстоянии примерно в пятьдесят ярдов от него, но с каждым разом этот круг суживался. Я взяла топор и мы заперлись в доме и забаррикадировали дверь. Младшие дети были ужасно напуганы, мать была немного взволнованной и возбуждённой из-за того, что нам придётся сражаться против настолько превосходящего в числе врага, однако мы молча посылали мольбы Великому Провидению. По-началу я дрожала и была в полубморочном состоянии, но вскоре всё это прошло и я ощущала себя уже уверенной и решительной, даже можно сказать яростной. В этот момент индейцы сблизилась с домом и начали бросать камни и палки в окна. Я затолкала младших под кровать, но они всё время пытались выползти оттуда. Когда индейцы вплотную приблизились со всех сторон к дому, то мать собиралась уже в них выстрелить, но я сказала ей, чтобы она этого не делала, пока они не войдут в комнату. Наконец их предводитель осмелился появиться в окне. Я поддерживала ружьё, а мать прицелилась и потянула спусковой крючок. Индеец упал. Заряд дроби ударил по его щиту и скользнул по его выпуклой груди, что и заставило его упасть. Приблизилась ещё несколько индейцев и мы выпустили по ним второй заряд, снова ударивший по щиту одного из них. Но в этот раз выстрел получился более разбросанным и двое или трое из них были ранены. Я забыла сказать вам, что они захватили всех наших лошадей. Потом они раз двадцать выстрелили по нам из своих укороченных ружей. Когда они подбиралась в очередной раз к дому, то мать смотрела на них из окна и совсем рядом с её виском просвистела пика и воткнулась в стол. После нескольких таких напоров, в которых они были уже очень осторожны и старались не подставляться под выстрелы из дробовика, они оставили осаду и ускакали. Когда отец и Адольф приехали, то очень разозлились и хотели уже броситься за ними в погоню, но мы отговорили их от этой затеи. Когда индейцы скрылись, мы открыли дверь и увидели стоящего во дворе нашего старого верного пса Макса. Несколько ран от копья на нём и выдранный дёрн, говорили о том, что смелый старый пёс честно выполнил свою работу, и его преданные глаза, умоляюще посмотрели на его хозяйку, а потом он свалился без сил от потери крови. Часть боя я стояла возле одного из окон с длинным мачете, а мать охраняла другое с топором в руках. Некоторые индейцы загшли в это время в другую комнату, забрали все одеяла, переломали мебель, вспороли перины и перепортили обыкновенные предметы обихода. Индеец, в которого выстрелила мать, был тем самым негодяем, который украл Германа».

Ещё одна моя сестра, миссис Каролина Дай, теперь живёт в Далласе, и она, рассказывая об этом нападении, упомянула, что на крыльце стояла большая коробка с кое-какой одеждой. Индейцы выбросили из неё всё содержимое и нашли на дне маленький пистолет, который они мне и показали при возвращении, и который я узнал, потому что он принадлежал мне. Поэтому я легко поверил в их небылицу о том, что они убили всех моих родственников.

ГЛАВА 9. Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В НАБЕГ.

Индейцы были трусами и всякий раз, когда возникала какая-нибудь опасность, то они посылали меня. В первом набеге с ними я своровал табун лошадей у истоков реки Сан Саба, и в нём было также два больших гнедых мула. Первый раз я попытался увести большую чёрную лошадь, привязанную к колышку возле форта Кончо. Индейцы боялись идти сами, полагая, что за ней наблюдают. Карновисте приказал мне это сделать. Я тоже не был к этому расположен. Тогда он навёл на меня свою винтовку. Разумеется я согласился, так как мальчику нечего противопоставить такому вескому аргументу. Он дал мне пистолет и я с осторожностью начал подбираться к лошади, порой даже ползком. Я видел, что-то громоздкое рядом с ней и это нечто двигалось. Я находился уже в трёх футах от цели и разрезал верёвку, удерживающую лошадь, когда человек (а это оказался человек) встал и выстрелил в меня. Хотя выстрел пришёлся над моей головой, я был ослеплён дымом и огнём, а шумом был оглушён так, что оглох на одно ухо на целый месяц. Я был настолько взбудоражен, что бросил свой пистолет и забыл об нём, спеша побыстрее убраться оттуда. Шум и неразбериха обратили лошадь в бегство, и я думаю, что тот человек тоже убежал. Я пробежал небольшое расстояние и залёг в высокой траве, пролежав там ещё долгое время. Через какое-то время я услышал вой волков и пошёл к нему, так как это были не волки, а мои компаньоны, и это был наш сигнал о сборе. Я сказал индейцам, что пистолет был выбит выстрелом из моей руки и, что он упал недалеко от белого человека. Если бы я сказал правду, то тогда мне пришлось бы вернуться за таким ценным огнестрельным оружием. Мы спустились вдоль Сан Сабы в окрестности Воки, а затем повернули на юг, пересекли округ Мэйсон и немного поспали у Хедвиг Хилл, возле реки Льяно. Затем мы поехали вниз по реке к городу с таким же названием. Недалеко от него мы напали на группу мужчин, которые остановились и ужинали, отложив своё оружие в сторону. Мы обратили их в бегство, уничтожили лагерь, забрали их лошадей и ликуя продолжили свой путь. Затем мы изменили теперь свой курс и взобрались на Хаус Маунтайн, чтобы осмотреть местность на предмет погони за нами. Убив жирную корову мы зажарили её на вершукке горы. От души наевшись и хорошо отдохнув, мы отправились оттуда к Хикори. Мы видели двоих белых мужчин, едущих в нашу сторону. Тогда мы сели на землю и когда они оказались примерно в сотне ярдов от нас, обнаружили себя. Один человек ускакал, а другой оставался достаточно долго для того, чтобы оказать нам почести двумя пулями, а затем и он бросился бежать. Мы поскакали за ним, но робко держались на расстоянии, так как он время от времени поворачивался и стрелял в нас. У нас теперь было лошадей с избытком и спрятав часть из них в зарослях, погнали остальных. Мы проехали недалеко от моего бывшего дома и где-то у Бивер Крик украли ещё больше лошадей. У нас был уже хороший табун, когда прибыли разведчики и сказали, что нас преследует группа белых. Они догнали нас на реке Литтл Девил и мы обменялись с ними несколькими выстрелами с большого расстояния. Никто из наших не был задет и мы повернули на северо-запад, но на некотором расстоянии от истока Бэр

Крик нас снова догнали и на этот раз бой проходил на близком расстоянии. Один индеец был тяжело ранен, но потом он выздоровел. Мы ускакали оттуда и больше ничего существенного не произошло вплоть до нашего прибытия в нашу пустую деревню, где мы обнаружили признаки, объясняющие воинам, почему она была покинута и в каком направлении пошли скво и дети. Другое индейское племя изгнало их на север. Наш предводитель уверенно шёл по этим следам, хотя я ничего не видел. Наши лошади по-прежнему находились с нами, когда мы благополучно прибыли в лагерь.

Поохотившись на равнинах мы возвратились на юг. На протяжении всего лета мы не носили ничего кроме набедренных повязок. Однажды воины разглядели пчелиную пещеру на склоне горы, почти на её верхушке, на высоте не менее 200 футов. Судя по всему в ней было много мёда, но как его получить оттуда, это был ещё тот вопрос. Мы сшили шкуру старого бизона, вывернув шерстяное брюхо наружу, и такой мешок мог вместить какое-то количество галлонов. У нас было достаточно крепкой верёвки. Мы обошли гору, поднялись на самый верх с другой стороны и оказались прямо над пещерой. После короткого совещания они решили отправить вниз меня. Перед тем, как опустить верёвку до пещеры, она была сложена вдвое. Толстую палку прикрепили посередине и после привязки к верёвке мешка из бизоньей шкуры и обмотки её вокруг моей талии, я широко расставив ноги встал на палку и меня начали опускать по отвесной стене. Я ударялся об поверхность горы и вынужден был отталкиваться от острых каменных выступов. Меня спускали всё время вниз, пока я не оказался на одном уровне с пещерой, и тогда я остановился. Был пасмурный сырой день и пчёлы были явно не в духе, но я отправился совершенно голый прямо в их гущу и наполнил мешок ароматным свежим мёдом и пчелиными сотами, а потом сопровождаемый пчелиным гудом вылез наружу. Этот процесс я повторил несколько раз и таким образом мы теперь были обеспечены достаточным количеством мёда на долгое время. Много мёда было оставлено и для пчёл в пещере. Ещё дальше внутри пещеры виднелись большие скопления сотового мёда, в основном уже почерневшего от времени, хранившимся тут наверное на протяжении многих лет. Эта пещера напомнила мне пчелиную пещеру у Скво Крик возле Хедвиг Хилл, которую я имею возможность наблюдать в течение последних лет, и которая ни разу не была ещё ограблена. Она расположена на верху высокого утёса, нависающего над рекой. Прямо к утёсу подступает глубоководный омут и иногда видно, как мёд стекает по поверхности утёса прямо в воду. Мне сказали, что пчёлы никогда не роились из этой пещеры и старые поселенцы говорят, что они знают об существовании этой пещеры уже более шестидесяти лет.

ГЛАВА 10. В НАБЕГЕ.

После возвращения в свою деревню, мы отправились в новый набег на поселения белых, чтобы занять ещё больше лошадей и убить как можно больше белых. Апачи никогда не брали с собой в набег своих скво вместе с детьми, а команчи так делали. Один из наших смелых, по имени Ташивоски (Белое Дерево), и его скво, поссорились. Он поймал её на

прелюбодеянии с мексиканским торговцем. Убив этого мексиканца он обрезал нос жены, что являлось традиционным наказанием в таких случаях, и когда мы выступили в набег, он сказал: «Я никогда не вернусь. Я собираюсь умереть». Мы знали, что теперь он должен обосновать своё хвастовство, даже если придётся для этого пожертвовать своей жизнью. Мы продвигались всё дальше и дальше, и Ташивоски за эти мили не вымолвил ни слова. Когда мы оказались в поле видимости Кикапу Спрингс, то разглядели там хорошо одетого белого человека. Ташивоски сказал: «Я возьму его». В индейском обычае было повернуть щит к врагу окрашенной стороной, но у него щит был выставлен шерстяной стороной, на что обратил внимание наш предводитель и сказал ему, что Великий Дух не станет помогать воину, который настолько к нему не почтителен. Ташивоски ответил: «Белый человек и я, должны умереть». Проговорив это, он поскакал в сторону белого, который находился почти в трёхстах ярдах от него.

Среди нас царил абсолютная тишина, пока мы наблюдали за маневрами нашего компаньона. Он устремился прямо к белому и выстрелил из своего винчестера, а тот отсалютовал ему из кольта 44-го калибра. Они обменялись несколькими выстрелами, пока белый медленно, но неуклонно отступал. Мы увидели как наш компаньон свалился с лошади на землю и поспешили к нему. Он был мёртв. Мы поскакали к белому, но он тоже упал с коня и сделал безуспешную попытку подняться. Он несколько раз пытался попасть в нас, но мы были слишком далеко от него. Он перевернулся вниз лицом и издал последний вздох. Мы тщательно обследовали его тело и нашли четыре отверстия в его груди, проделанные пулями от винчестера. Мы не стали его скальпировать или ещё каким-либо способом увечить его тело, потому что он был отважным и бесстрашным. У него была большая серая лошадь под изящным посеребрённым мексиканским седлом, с новым красным одеялом, с толстой тяжёлой уздечкой фабричного изготовления, а в кармашках седла мы нашли большое количество серебряных монет и свёрнутых в рулончик бумажных долларов. Мы их разорвали, так как ничего не знали об их ценности. Забрав его фляжку со спиртным и другие вещи, мы возвратились к мёртвому индейцу. В его груди мы обнаружили три отверстия от пулеветных пуль, а на спине три других отверстия, через которые они вышли. Эти пули легко прошли волосяную сторону щита. Мы похоронили Ташивоски в небольшой пещере, завернув его тело в бизонью шкуру и положив рядом с ним его оружие. Его лошадь мы убили и положили тоже рядом с ним. После этого мы покинули одного из самых смелых и лучших воинов племени апачи.

Мы отправились к форту Террит и нашли вблизи него, расположившихся лагерем рейнджеров. Их лошади свободно паслись вокруг. Мы собрали вместе больше тридцати из них и увели подальше от этого места. Некоторые из них были стреножены цепями, снабженных замком, поэтому мы не смогли разомкнуть это железо и вынуждены были отрезать лошадям ноги, чтобы они больше не достались рейнджерам. Если мы не можем ими пользоваться, то и рейнджеры не будут. Одну прекрасную серую лошадь мы долго вели в надежде каким-то образом освободить от цепей, но в итоге и она разделила судьбу других.

Затем мы выехали на наезженную дорогу и увидели на ней фургон, в котором ехали мужчина, женщина и трое их детей. Прежде, чем они узнали бы о нашем присутствии, мы окружили их, и за несколько секунд убили и скальпировали мужчину, женщину и младенца. Двоих других детей, девочку лет восьми и мальчика лет шести, мы забрали с собой. Один из наших отцепил волов. Мы их убили и сожгли фургон вместе с его мёртвыми пассажирами. Затем мы отправились на север и когда пересекали небольшой овраг, четверо белых мужчин бросились между нами и нашим табуном. Это произошло настолько неожиданно и так смело было проделано, что мы на мгновение пришли в замешательство. Но затем мы атаковали их и быстро обратили в бегство. Один из белых потерял свой пистолет и Карновисте подобрал его. Белые оторвались от нас, гоня впереди себя наших лошадей, потому что мы остановились, чтобы не потерять наших пленных детей. Бедные маленькие существа отказывались есть. Мы везли их четыре дня и ночи и они всё это время плакали. Мы не могли уклониться в сторону и украсть что-нибудь из-за шума, который они производили, и поэтому два индейца подъехали с каждого бока к лошади, на которой сидела маленькая девочка. Один из них взял её за левую руку и ногу, а другой за правую руку и ногу. Они приподняли её над лошадью, и когда та прошла дальше, они покачали вверх-вниз её три раза, и в последний раз подбросили. Она проделала в воздухе полный переворот и когда приземлилась, то умерла, а каждый индеец проехался верхом по её искалеченному трупику. Другие два воина проделали то же самое с мальчиком. Их растоптанные, все в кровоподтёках тела, были подняты и подвешены на небольшое деревце для стервятников. Я смущаюсь перечислять эти омерзительные злодеяния, но они являлись примерами дикости, в которую я был поглощён, не имея выбора, и я это рассказываю лишь для того, чтобы показать, насколько злобную ненависть индейцы питали к белым.

Поехав дальше и точно на север от Бивер Крик, мы достигли большого чистого водоёма. Здесь мы убили бизона, развели костры и стали жарить бизоньи рёбра. Некоторые индейцы купались, когда рейнджеры неожиданно атаковали нас. От первых выстрелов упали двое наших смелых. Похватав своё оружие мы отступили в соседний чаппараль, а рейнджеры забрали всех наших лошадей и всё остальное наше имущество, за исключением того, что мы унесли с собой, когда в спешке отступали. Мы рассеялись на большое расстояние друг от друга во время пути домой, и не все разом достигли нашей деревни. Мы подходили к ней кто в одиночку, кто по-двое или по-трое, одна группа состояла из пяти смелых. Трое из нашего отряда погибли, а один был тяжело ранен, но он всё же добрался до лагеря. Когда мы принесли в деревню новости о нашем невезении, то началась великая скорбь. Такие отвратительные выкрики, такие скорбные завывания! Скво резали себя ножами. Скво раненого воина жгла каждое утро свою руку, показывая тем самым, что она будет помнить о своём горе, пока рана её хозяина не заживёт. Идущие вразброд воины приходили в лагерь в течение нескольких дней, и он представлял из себя зрелище горя, скорби и отчаяния. В дополнение к сценам уныния прибыл ещё один понёсший поражение отряд, который перевозил одного раненого, и сообщил, что у них также есть один убитый. Затем возвратился третий отряд налётчиков,

тоже разбитый, потерявший четырёх мёртвыми и одного из них захватили в плен. Я узнал, что с ними разделались солдаты на старой дороге в Сан-Антонио. Мы были уверены, что Великий Дух рассердился на нас, поэтому наш знахарь с заклинаниями и подвываниями поднялся на холм и помахал хвостом коровы, а мы все какое-то время потом голодали. Наконец прибыл четвёртый отряд с захваченными лошадьми и скальпами, что немного улучшило настроение в лагере.

Через некоторое время после всего этого, мы расположились лагерем у красивого водоёма, и там нас посетила группа команчей, среди которых был немецкий мальчик по имени Адольф Корн, который был ими захвачен в округе Мэйсон, вскоре после моего пленения. Мы с ним обсудили наше положение. Мы говорили по-немецки и поэтому наши хозяева не понимали нас. Мы хорошо проводили время и разрабатывали план побега, но тут команчи покинули нас и забрали Корна с собой, а я возвратился к своим прежним сообщникам и продолжил ловить вшей у Карновисте.

ГЛАВА 11. Я СКАЛЬПИРУЮ МЕКСИКАНЦА.

В налёте, который совершали двенадцать из нас, на пути к белым поселениям мы наткнулись на четырёх охотников за бизонами. Я думаю, что среди них были и мексиканцы и белые. Мы расположились лагерем у ручья, убили крупного и жирного быка бизона и устроили большой пир. Один из наших воинов находился на возвышенности, наблюдая за местностью на предмет возможного появления рейнджеров, и когда другой пришёл сменить его, то они увидели четырёх охотников за бизонами, направляющихся в нашу сторону пешком к своему лагерю, которые находились за холмом, на некотором расстоянии в стороне от нас. Была просигнализирована тревога и мы все поспешили понаблюдать и решить, выслеживают ли они нас и, что они собираются предпринимать дальше. Мы быстро согласились, что они не знают о нашем присутствии и поэтому мы направили к ним своих коней, так быстро, как только могли. Когда мы к ним достаточно близко подсаkali, то они нас увидели и побежали. Трое из них взбежали на холм и укрылись за несколькими, находившимися там валунами, а другой человек побежал в сторону лагеря. Увидев, что трое мужчин спрятались на холме за валунами и имели поэтому хорошие позиции для борьбы, мы обратили всё наше внимание к этому человеку, который бежал к лагерю, и мы его нагнали на открытом месте. Когда мы к нему подъехали, он начал говорить с нами по-испански. Он сказал индейцам, что в лагере никого не было. Индейцы оставили этого мексиканца на меня и сказали, чтобы я не дал ему сбежать, пока они грабят лагерь. Вскоре я услышал выстрелы в той стороне и понял, что мексиканец соврал и индейцы наткнулись в лагере на каких-то людей, которые открыли по ним огонь. Когда мексиканец услышал выстрелы, то стал поднимать с земли камни и бросать их в меня. Я пустил в него стрелу из своего лука, но она лишь чуть разминувшись с ним. После этого он поднял вверх руки в знак сдачи и я держал его в таком положении, пока не вернулись индейцы. Когда люди в лагере устроили индейцам горячий приём, то те предпочли отступить и вернуться на холм, где был я с мексиканцем. Когда я сказал Карновисте, что мексиканец

бросался в меня камнями,то он сильно разозлился и приказал мне немедленно его убить. Я пустил ему стрелу точно в сердце и он упал замертво. Не удовлетворённый тем,что он приказал мне убить мексиканца, Карновисте приказывает мне ещё и скальпировать его,но я этого не хотел делать,так как никогда раньше никого не скальпировал. Я не спешил это выполнить,но мой хозяин пригрозил мне различными наказаниями,если я не сделаю того,что он мне приказывает. Итак, я взял свой нож,сделал глубокий надрез вокруг его головы, ухватил волосы своими пальцами и резко оттолкнулся назад , и скальп оторвался со звуком подобным шуму от хлопушки. Индейцы собрались вокруг и заставили меня перевернуть тело лицом вниз.Карновисте сказал мне сделать зарубку в виде креста на стреле и положить её ему на спину,что я и сделал. После этого индейцы раскурили трубку,выпустили по очереди дым на свои груди и воздели руки к солнцу ладонями наружу,что было своего рода поклонением или мольбами ,обращёнными к Великому Духу,чтобы удача всегда сопутствовала им и приносила им победы над всеми их врагами. Почему был вырезан крест на стреле я не знаю,но могу сказать,что помеченное оружие,больше не должно было пролить кровь человека.Также скажу,что индейцы никогда не использовали стрелу второй раз,если она убила любого человека,неважно врага или друга. То есть если оно было запятнано человеческой кровью. Мы сели на наших лошадей и поскакали с этого места,оставив в покое тех охотников,которые укрепились в лагере и на холме за валунами. Мы отправились в поселения,где своровали много лошадей,а затем благополучно вернулись в свой лагерь.

ГЛАВА 12. БОЙ С КОМАНЧАМИ.

Однажды ранним ясным утром я и Бобо, молодой индеец ,отправились на охоту. Я ехал на мышиново цвета муле,который сделал немало переворотов через голову и подвергался «шпилеванию», из-за того,что постоянно упирался. Всякий раз,когда я хотел его ускорить,он останавливался и начинал кружить вокруг самого себя.В то время мы находились в состоянии войны с команчами.Мы отъехали некоторое расстояние от лагеря, когда увидели въезжающий на холм большой военный отряд команчей в полной боевой раскраске. Бобо ехал на быстром пони и поэтому он погнался бросив меня,хотя я и кричал громко : «Токо!Токо!(подожди)» . Стрели вокруг проносились со свистом и я услышал как одна с треском вонзилась в бедро старого мула. Он перестал быть неподвижной частью пейзажа и вдруг превратился в поступательно передвигающуюся помесь, набирающую скорость по мере своего движения. У меня больше не было проблем с передвижением этого мула. Сейчас меня занимала только езда.Вскоре свист стрел остался позади,но я слышал боевой клич сорока разъярённых воинов,скачущих вслед за мной. У меня слишком было перехвачено от страха дыхание, чтобы ещё оглядываться назад, и я лишь тесней прижался к шее своего мула, чтобы не скапливать собой ветер, и был похож на участвующего в скачках всадника. Я обогнал Бобо и услышал как он умолял меня не оставлять его на растерзание преследователям , но если бы у меня и было такое намерение, то ожидание было бы

невозможным, так как мой мышастый мул находился на полном ходу. Нельзя было его остановить или просто как-то сдержать. На бешеной скорости он промчался сквозь лагерь, сшибая на землю скво и детей, и внося общую неразбериху. Он врезался за лагерь в лошадиный табун и там уже сдержал свой быстроходный карьер и начал отчаянно лягаться и становиться на дыбы. Я спрыгнул с него, поймал пони и поспешил на нём в лагерь, чтобы участвовать в уже начавшемся яростном сражении. Бобо догнали и оскальпировали возле деревни, и апачи оттеснили команчей и окружили его тело. Шла борьба за каждый метр земли. Команчи были опасными бойцами, но мы значительно превосходили их численно. Бой начался около десяти утра и продолжался почти весь оставшийся день. Лишь на закате команчи отступили, оставив на поле боя многих своих мёртвых товарищей. Мы даже не пытались их преследовать, так как двадцать наших смелых тоже отправились в счастливые охотничьи угодья, ещё восемь корчились от боли и четверо из них умерли этой же ночью, несмотря на молитвы и заклинания нашего знахаря. Ещё один умер на следующий день, а другие трое всё же выздоровели. Наши умершие удостоились скромного погребения. Мы прошли по полю боя и собрали все принадлежавшие убитым команчам винтовки, луки, стрелы, щиты, а также лошадей, которые остались целы. Собрав трупы команчей мы сбросили их в яму в земле и в таком открытом состоянии и оставили.

Затем мы быстро переместили нашу деревню дальше на север. Скоро были обнаружены два команчских лазутчика. Одного мы убили в подготовленной для них ловушке, а второго поймали и сохранили для более ужасной участи. Карновисте продырявил каждую его руку и просунув через отверстия шнур из сыромяти подвесил бедолагу на мескитовое дерево помирать медленной смертью. Но одна неверная скво без носа, скользнула ему за спину и зарезала его.

Потом мы прошли около шестидесяти миль до водного источника и решили в том месте расположить свой постоянный лагерь, или хотя бы на несколько месяцев. Мы там находились уже несколько дней и стали немного беспечными, когда одному из индейцев приснилось, что большой отряд команчей напал на нас и, что мы были побеждены и понесли большие потери. Наутро был созван большой совет и были высказано много различных мнений. Мы разговаривали весь день, совсем не прикасаясь к еде. Большинство было за то, чтобы убраться подальше от команчей, поэтому вскоре мы снова оказались в пути, и пройдя примерно миль двадцать оказались в окружении врагов. В итоге наши женщины и дети были захвачены, сорок наших воинов было убито, наши лошади стали уже не наши и имущество нашего лагеря было тоже присвоено. В общем мы оказались в бедственном и отчаянном положении. Я не знаю о потерях команчей, но у нас имелись винтовки, которые очень безотказно стреляли, и поэтому я уверен, что много из них тоже были убиты. Теперь, мы передвигались пешком, - приблизительно сто воинов, шесть женщин и я. Мы повернули назад и ходили кругами примерно месяц, постепенно отклоняясь на юг. Мы повстречали 150 конных апачей, имеющих к тому же избыток лошадей и оружия. Они дали нам всё необходимое и все вместе мы отправились на юг в немного более приподнятом настроении, чем в течение месяца до этого.

Мы выслали во все направления разведчиков, а также послали во все рассеянные племена апачей курьеров с призывом объединиться на одном из равнинных озёр. Было выделено достаточно времени на то, чтобы члены племени, находившиеся в Аризоне, Юте и Мексике, собрались вместе. А пока мы занялись изготовлением луков и стрел, а также собирали всё имеющиеся огнестрельное оружие, боеприпасы и военное снаряжение. Оружие изготовлялось в каждом вигваме, пони подвергались тренингу, скво и детям делались наставления, в общем мы готовились к войне.

Большой вождь Викторио и его наилучшие разведчики, отправились на поиски команчей. Примерно через три луны начали прибывать люди с разных направлений, и вскоре тысячи их уже были готовы идти на выручку наших женщин и детей. За несколько дней до того, как собрались все наши силы, прибыл один Викторио. Он и его разведчики столкнулись с команчами и все были убиты, кроме самого Викторио. Он был слишком умным, чтобы оказаться пойманным.

Викторио, Джеронимо и другие вожди, говорили речи. Викторио выступал за мир. Он сказал: «Сам я как команчей не боюсь, так и их союзников кайова не пугаюсь, но вместе они сильны и намного превосходят нас в числе. К тому же белые снабжают их винтовками, порохом и свинцом, чтобы помочь им уничтожить наше племя. Белый человек является врагом индейцев и поэтому индейцы должны оставить борьбу между собой и объединиться на борьбу с бледнолицыми. Пока я был в отъезде, я видел столько бледнолицых, сколько было побегов травы на равнинах или звёзд на небе, и если мы продолжим сражаться друг против друга, то все будем уничтожены белыми людьми».

Потом выступил Красная Оса: «Мы не боимся трусливых бледнолицых. Они грабят наши охотничьи земли, они уничтожили наших зверей, они наслали на нас болезни, они посеяли разногласия среди наших племён, они запугали наших смелых, они сделали распутными наших детей, нечестивцами наших жён, и разрушили наши традиции. Они ввели наше племя в отчаяние и разорение и, что до меня, то я буду сражаться пока не упаду замертво. Что касается команчей, то наше недовольство ими огромное и причины для войны с ними справедливые, и я буду рад убивать их, когда они придут, убивать их так, как они убивают наших товарищей. Убейте их, убейте их. Если же нам суждено умереть, то давайте сражаться до конца. Я хочу драться».

Были другие речи, как за войну с команчами, так и против. Но всё же победило мнение, что индейцы должны объединиться в одно большое целое, чтобы уничтожить бледнолицых, и поэтому были разосланы эмиссары в несколько племён, в результате чего был заключен мирный договор и наконец наши женщины и дети возвратились.

Мы переместились в земли команчей, расположились лагерем в пределах трёх миль от их деревни и подняли флаг перемирия. Команчи прислали воина, который галопом скакал вокруг нас на безопасном расстоянии, держа свой щит навесу и немного в сторону, что означало борьбу до смерти побеждённым, и если апачи выслали бы в ответ человека с красным щитом, то это означало, что мы принимаем вызов и готовы к борьбе. Но вместо этого мы подняли белый флаг и это означало мир. Команчи подали знак, чтобы наши шесть мужчин встретились с таким же количеством их мужчин по-середине между их и нашим лагерем.

Воины собрались и были готовы вступить в бой при первой команде. Команчи согласились заключить мир, если мы выдадим им тех мужчин, которые расчленили их воина и развесили его части на дереве, но мы тут же это отклонили и сказали, что воин совершивший это погиб в бою, хотя один из наших мужчин, который находился в группе переговорщиков, был членом отряда, виновного в том деле. В общем команчи доверяясь нашей чести и правдивости, согласились на договор, и наши женщины и дети были нам возвращены, кроме одной женщины, которую они оставили себе. Она была принята команчами, потому что мы не хотели её забирать, так как нос её был обрезан за измену своему мужу. Ещё несколько девушек были выбраны команчами в жёны и им тоже было разрешено остаться, и таким вот образом, наш союз с ними оказался надёжно связан.

Викторио принадлежит честь в заключении этого договора, и кроме того, его смелость и опыт оказались полезны и в повседневных заботах. Однажды он отправился на охоту и убил бизона. Погода была очень холодной. Ночь его застала на равнине и из одежды у него была только шкура бизона, так что он ей и накрылся, чтобы не замёрзнуть. Ночь миновала и настало утро, но сильный северный ветер не стихал. Викторио попытался встать, но к своему ужасу обнаружил, что плотно стянута сырая шкура бизона затвердела на нём от мороза и Викторио не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Таким образом он был заключён в своей тюрьме в течение двух дней и ночей, но на третий день пригрело солнце и индейцу удалось вырваться. В другой раз, мы сражались с мексиканскими солдатами в Мексике и один из братьев Викторио был ими схвачен. Я находился в это время на холме и наблюдал за происходящим. Викторио поскакал в каньон и под прикрытием дымовой завесы въехал прямо в гущу солдат, размахивая своим щитом, а его брат в это время вскочил сзади к нему на лошадь и они понеслись обратно к нам под беспорядочным огнём с обеих сторон. Когда они уже достигли нашей позиции пуля ударила брата Викторио в спину, прошла насквозь через его тело, вошла в спину Викторио и застряла у него в груди. Его брат умер сидя на лошади. Викторио обернулся и увидел, что вся земная суeta брата уже в прошлом. Тогда он спешил, расположил мёртвое тело ближе к шее своей лошади, сам зыпрыгнул сзади и поскакал к нашим позициям. Когда он туда прибыл, то был полностью покрыт кровью и представлял из себя ужасное зрелище. Ему тут же было уделено должное внимание, рана была изучена и часть её срезана. Затем рану обработали каким-то сорняком вперемешку с чистой, прозрачной водой. В итоге Викторио выздоровел, несмотря на то, что пуля прострелила ему правое лёгкое. Он был знаменитым индейцем, принёсшим пропасть проблем как белым людям, так и мексиканцам. Он совершил много дерзких поступков и мексиканское правительство предложило 1500 долларов за его скальп. У него было четыре жены и несколько симпатичных дочерей, и как-то даже он предложил мне обменять одну из них на седло, которое я захватил, но я отказался. Однажды в Мексике был захвачен один воин, который рассказал где Викторио в данный момент находится. Он сидел под утёсом, хорошо вооружённый и обеспеченный достаточно боеприпасами. Он убил всех, кто попытался к нему подойти, и с наступлением темноты ускользнул. Однажды он заманил в ловушку в Блэк Хиллс группу

охотников, вынудил их разделиться и всех до единого убил. Говорили, что он украд больше белых детей, чем любые два дивизиона племени апачей вместе.

ГЛАВА 13. НЕКОТОРЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

После того, как таким же образом был заключен договор с кайова, мы все подготовились досаждать бледнолицым насколько только возможно и убивать их столько, сколько сможем. Для того, чтобы проделать свою работу скрытно и наиболее эффективно, мы разделились на небольшие группы. Отряд, в котором состоял я, отправился к поселениям в окрестности Фредериксбурга и Мэйсона. Однажды ночью мы вошли в Фредериксбург и увидели мужчин в салуне, пьющих пиво. Мы позволили им спокойно пить своё пиво, но увели всех лошадей, которых смогли найти. Затем мы поехали на север к городу на возвышенности и я пошёл туда вместе со многими другими и забрал двух хороших лошадей, другие мои компаньоны захватили поблизости хороший табун. Мы поехали дальше на север и некоторые из нас ехали вперёд, когда как другие изучали местность по сторонам. Мы заполучили несколько хороших мулов у одного из моих прежних соседей, по имени Фриц Эллебрешт, а одна наша группа захватила где-то мальчика тринадцати лет. Мы миновали мой бывший дом и индейцы пытались меня уговорить уйти к своим людям. Они называли меня бледнолицым и призывали меня оставить их. Я смотрел на свой старый дом и увидел его опустошённым, никто там не жил, но я очень хорошо понимал, что если бы я там остался, то немедленно был бы убит.

Мы поехали дальше и выкрали некоторых лошадей у Уильяма Бикенбака, а затем поспешили убраться из этой части местности, прибыв в наш лагерь имея при себе около сорока хороших лошадей и мулов, а также несколько скальпов и одного пленника. Мы удерживали у себя этого мальчика целый год, но так он не желал следовать нашему образу жизни, то мы продали его мексиканцам. Не знаю, добрался ли он когда до своих людей, и даже не помню ни его имени, ни как он выглядел. Затем мы отправились с отрядом кайова в набег через Пекос. Нам повстречались ковбои, которые вступили с нами в бой и мы двоих убили, а остальные убежали. Мы скальпировали мёртвых и оставили их трупы на прокорм сарычам. Эти ковбой имели много хороших пони, которых мы вывели из корраля и погнали рядом с собой. Один из наших компаньонов кайова был ранен и позже умер. Мы возвратились в свой лагерь и переместились на юго-восток. Некоторые воины продолжили набег, а я остался в лагере. Карновисте тоже ушёл в набег и когда его отряд возвратился, то у него на поясе болтались два скальпа белых, а также с ним был маленький белый мальчик. Они сказали, что полностью вырезали две семьи. После этого мы изменили наши планы и проехали около 300 миль к пикам Нью-Мексико. Там в горах мы стреляли оленей, медведей и диких баранов.

Наконец наши вожди заключили с белыми договор и солдаты в униформе приехали в наш лагерь. Меня и ещё одного белого мальчика спрятали в лесу. Этот мальчик не хотел жить с индейцами и решил пробраться обратно в лагерь, так как думал, что как раз прибыл белый

инспектор.Тогда Хватающая Черепаха отнёс его обратно в чашу и оставил привязанным к дереву,без еды и питья.Там он и умер.

Солдаты бдительно сторожили индейцев в течение трёх лун и я всё это время прятался в лесу,хотя иногда пробирался в вигвам нашего вождя за едой.Мы находились там какое-то время и солдаты оставили свой пост,полагая конечно,что мы полностью находимся под их контролем,тогда некоторые наши мальчишки украли немного лошадей и сбежали,а потом и все мы снялись с места и последовали за ними.Я хочу сейчас сказать , что наша группа не включала в себя всё племя апачей,и было несколько других групп не заключивших договор.Мы бродили по нашим прежним насиженным местам и наслаждались открытым простором равнин. Мы пересекли Пекос и подготавливались к набегу в Мексику,когда среди нас разразилась чума. Очень многие умерли и среди них была жена Карновисте. Они перенесли её к месту погребения и упокоили её рядом с двумя её любимыми собаками, со всеми её драгоценностями и просто безделушками. Всё,что ей принадлежало,было уничтожено,и я тоже был приведён к месту умерщвления. Луки были натянуты и все находились в готовности, когда вдруг молодая индейская девушка бросилась ко мне и обняла, тем самым я был спасён. Её объятия и мольбы сохранили мне жизнь.Скво Карновисте оставила младенца и я теперь должен был заботиться о нём. Одна любезная скво кормила его.

Тем временем,наши люди продолжали умирать от болезни и наш знахарь,казалось,не понимал что происходит,но один старый индеец , знаменитый знахарь,взошёл на высокую гору и там вознёс молитву к Великому Духу,чтобы тот помог нам избавиться от чумы. Это происходило зимой и несмотря на холод , он провёл всю ночь на этой горе.Утром он возвратился в лагерь и скомандовал выкопать яму у реки. Когда это было сделано,он сказал разжечь большие костры и нагреть в них большие камни.Камни были помещены в наглухо закрытый вигвам. Больные индейцы были туда перенесены и там они потели так долго,сколько могли выдержать,а затем их тут же поместили в ледяную воду и держали в ней несколько минут.Когда их вынесли оттуда,то холодный северный ветер замораживал льдинки в их волосах.Мы их растёрли мокрой травой и грубыми одеялами,а затем завернули в тёплые бизоньи шкуры и дали им крепкого горячего горького чая.Этот чай был заварен на корнях растения,которое произрастало в этой местности,но я не знаю как оно называется. Здоровые прошли ту же процедуру,что и больные,а потом мы переместили наш лагерь и здоровые перевозили больных.Больше индейцы не умирали от чумы.

ГЛАВА 14. НАЗАД В РЕЗЕРВАЦИЮ.

Оправившись окончательно от чумы,которая катастрофически опустошила наш лагерь, мы переместились на север и попали в районы,которые патрулировали солдаты,но мы изменили своё направление и разминулись с ними. Однажды они всё же напали на наш след,но мы заманили их на равнины,туда,где не было воды. Мы прокладывали путь по равнине. По прошествии нескольких дней они выслали разведчиков,которые нашли водный источник и там они все расположились лагерем. Мы наблюдали за ними в непосредственной близости и попытались выкрасть их

лошадей,но так и не смогли перехитрить охрану.Наконец они подняли белый флаг и мы ответили им тем же.Они послали к нам человека и Индехе вышел ему навстречу,но по мере сближения,он выстрелил по белому из винчестера и тот бросился бежать к своим.Мы отправились в Мексику.Солдаты преследовали нас и мы опять перебрались в Нью-Мексико и пришли в резервацию.Там мы остановились и пообещали больше не бегать. Я всегда должен был «продолжать прятаться»,иначе красные мужчины убили бы меня. Но в любом случае я опасался белых. Другие группы нашего племени иногда располагали свои лагеря в пятнадцати милях от нас.Старый индеец однажды пришёл ко мне с большим количеством пива. Мы хорошо выпили. Он похвастал тем,как он обработал меня,когда я был захвачен первый раз и подтрунировал надо мной,что я бледнолицый. Мы оба были подвыпившими.Я достал свой шестизарядный револьвер и дерзко прогнал негодяя. Я бежал за ним,стреляя вдогонку,пока не опорожнил последнюю обойму. Потом я скатился в небольшой овраг и пролежал там почти до заката солнца. Не думаю,что попал в этого индейца,но в любом случае я пытался это сделать.

Однажды,когда у нашего лагеря не было никаких солдат,индеец и его скво устроили драку.Воин получил хорошую взбучку и стал потерпевшим в этой разборке. Он отполз в сторону и поднял свой старый капсюльный пистолет,выстреливающий шаровыми пулями, и уже был готов выстрелить в скво,когда я вырвал оружие у него из рук и передвинул капсюль. Так как я проделывал это слишком быстро,то рука соскользнула и задела трубку.Капсюль был старый «G-D» и оставил в трубке серу. Пистолет выстрелил как раз в момент,когда старая скво шла прямо передо мной с дровами в своих руках.Она упала и я убежал.Я подумал,что убил её. Подобные несчастные случаи не прощают в повседневной индейской жизни.Тот, кто убил индейца целенаправленно, должен быть убит близким родственников погибшего.Я узнал ночью от своей возлюбленной,что шар попал в дрова и свалил старую женщину на землю,но она не была ранена и поэтому теперь я мог спокойно возвращаться в лагерь. Этой ночью я спал в вигваме Карновисте.Утром я пошёл объезжать лошадей.Я ехал на податливой лошади и обмотал верёвку вокруг её шеи,а полупетля была над её носом.Я сделал петлю на другом конце верёвки и забросил её на шею другой лошади.Лошадь на которой я сидел остановилась,а другая начала вращаться вокруг себя и вставать на дыбы.Я спрыгнул и вторая лошадь сломала шею моей лошади.Карновисте избил меня до полусмерти за это.

Прибыла другая группа нашего племени и с ними была красивая мексиканская девушка. Тот индеец,которому она принадлежала,настаивал на том,что он должен на ней жениться и Карновисте с неохотой согласился,а я потом долго оспаривал это его решение.Стоимость девушки равнялась двум лошадям и Карновисте предложил заплатить ими за неё. Мне казалось,что это самая прелестная девушка,которую я когда-либо видел.Они поселили нас вместе в одном вигваме.Но она не хотела иметь мужа,а я не хотел жены,и кроме того,я не собирался мириться с тем,что кто-то выбирает за меня.Таким образом,хорошо улаженная женитьба так и не состоялась.

Некоторые воины покупали маленьких девочек, шести или семи лет, и воспитывали их в соответствии со своим пониманием. Пока мы находились в резервации апачей в Нью-Мексико, в резервации Уайт Пайн, часто бывало, что индейцы доставали виски и мескаль и во время пьяных кутежей дрались между собой и много раз убивали друг друга. Однажды ссора произошла между несколькими моими друзьями из нашей группы и несколькими апачами из другой группы, и мы убили их всех. Не желая быть осужденными за это администрацией резервации (белыми людьми), мы решили убраться из неё. Поэтому сотни из нас, включая скво, подростков и детей, однажды ночью улизнули и когда настало утро мы были уже в многих милях оттуда. На своём пути мы наткнулись на лагерь группы перевозчиков. Один из них охранял лошадей. Он сам сидел на лошади, чтобы наблюдать за происходящим на расстоянии. Мы его сбросили на землю и один из индейцев, по имени Зунда, набросился на него. Бледнолицый использовал свою шляпу как щит, поэтому индеец застрелил его. Затем мы обратили лошадей в стампиду и поскакали за ними, так как не хотели атаковать сам лагерь, когда увидели, что мужчины в нём хорошо вооружены и могли устроить нам хорошую драку.

Мы продолжили свой путь через равнины и встретили другую группу апачей, которая долгое время находилась в Мексике. С ними был мексиканский мальчик, с которым я много раз состязался и он всегда одерживал верх надо мной. Вот и сейчас, он и я сели на быстрых лошадей и устроили скачки. Моя лошадь вырвалась вперёд, а значит мой индейский хозяин победил. Он хвастался мной и говорил, что я самый лучший наездник. Хозяин мексиканца сказал, что я могу выиграть у этого мальчика в скачках, но мексиканец может победит в драке, и тогда было заключено новое пари. Я понимал, что если я не превзойду мексиканца, то он меня страшно побьёт. Мы сцепились. Мексиканец был крепче меня, поэтому он меня сбил с ног и вполне уверенно избивал меня, когда мои руки скользнули вверх и мои пальцы вцепились в его длинные чёрные волосы. Я сделал несколько рывков, резко искривил своё тело и оказался сверху. Тут я совсем осмелел и несколько раз сильно его ударил. Нас подстёгивали одобрительными возгласами и свистели, и тогда мы поднялись и стали лягать друга друга ногами. Я удачно попал ему ниже пояса и сбил ему дыхание, поэтому я выиграл поединок и никто ничего не сказал о грязном приёме, который я использовал. Мы немного отдохнули и начали поединок заново. Теперь мы царапались, кусались и снова пинались. Случайно мой палец попал ему в рот и он его прикусил, но я резко ударил его и он опустил на колени и отпустил мой палец. У меня появился хороший шанс опять выиграть, когда вдруг его хозяин кинулся и ударил меня по голове, чем ошеломил меня и избавил от обязательств борьбы. Карновисте выхватил свой пистолет и сбил индейца с ног. Наши мужчины тоже выхватили своё оружие и вся толпа была готова начать сражение. Обстановка была угрожающей. Но тут дружелюбно настроенные зрители пришли к компромиссу и никто не был убит, а вот мексиканец не мог подняться. Хотя мне было очень больно, но я всё же поучаствовал в скачках этим вечером. У нас были самые лучшие лошади, а так как мы и ещё их выиграли, то другая сторона осталась ни с чем.

Упомянутый выше мексиканец и я, вместе пасли лошадей каждый день, и мы были с ним в довольно приятельских отношениях. Он позвал меня пострелять по мишени, и в качестве её мы избрали кактус. Мы стреляли до тех пор, пока я не выиграл у него все его стрелы. Тогда он стал словно сумасшедший и сказал, что я обманул его. Он направил на меня свой лук и выпустив стрелу пробил мне нижнюю губу. Я пустил стрелу ему прямо в грудь и он надломился и побежал в лагерь. Два других индейских мальчика наблюдали за нашей ссорой и один из них подошёл ко мне и помог вытянуть стрелу из губы, а другой мальчик помогал в это время мексиканцу дойти до лагеря. Вскоре он выздоровел, его группа уехала от нас и больше я с этим мексиканцем никогда не встретился.

ГЛАВА 15. ТОРГОВЛЯ С МЕКСИКАНЦАМИ И НАБЕГИ.

Путешествуя на юго-восток мы повстречали большую группу дружественных мексиканцев с осликами, хорошо нагруженными мукой, крупой, кофе, сахаром и разными безделушками, всё предназначенное для обмена у индейцев на лошадей и мулов. Они несколько дней стояли лагерем рядом с нами. Индейские мальчики и я, воровали у них осликов ночью, гнали затем их несколько миль и оставляли на некоторое время у воды, а потом под утро возвращали на место и воины давали нам перо или красную бечёвку, и мы чувствовали себя хорошо уплаченными за эту свою ночную работу. Когда ослики нагоняли досточно жира, то мы их убивали и съедали. Иногда мексиканцы нанимали нас искать пропавших осликов и тогда они давали нам за их обнаружение одеяла и безделушки. Когда наконец мексиканские торговцы покинули нас, то мы, что называется остались без гроша, то есть у нас вообще ничего не осталось, кроме угрызений совести. Поэтому мы немедленно отправились в очередную воровскую экспедицию. Мы добрались до реки, и я думаю, что это была Сан Саба, но конечно точно сейчас сказать не могу. Могу только сказать, что судя по местности, я вернулся почти к своему народу. Мы украли небольшой лошадиный табун. Мы пришли туда пешком и обеспечили себя достаточным числом лошадей, чтобы каждый индеец сидел на лошади. В нашем отряде было тринадцать индейцев и однажды продвигаясь вечером мы подъехали к реке, когда передние наши люди попали под обстрел. Мы находились в узком каньоне, с рекой на одной стороне от нас и с высоким утёсом на другой, а наши враги укрылись под утёсом. Мы разделились и одни из нас покинули наше укрытие и поехали вправо от напавших. Ни один из индейцев не был ранен или убит, но один, по имени Ченава, получил повреждения от падения со своей лошади. Ночь была тёмной и вспышки из винтовок белых слепили нас, Некоторые из наших лошадей бежали в глубокий овраг, но нам всем удалось удачно улизнуть оттуда. Некоторым нашим воинам, тем, кто находился сзади, когда началась стрельба, удалось прошмыгнуть мимо бледнолицых, и когда стрельба утихла, то мы оказались разделёнными. Вскоре я услышал уханье совы и я знал этот сигнал, так, что через небольшое время мы снова были все вместе и спешно убрались оттуда.

На следующий день, перед самым закатом, мы находились поблизости от Кикапу Спринг и там обнаружили двоих мужчин в лагере, с которыми было

от сорока до пятидесяти лошадей. Мы спрятались и до самого темна наблюдали за ними. Мы видели как они собирают лошадей в табун и потом готовятся к ночи. Когда взошла луна, мы вышли из укрытия и поспешили в лагерь. Там мы обратили лошадей в бегство и погнали их в том направлении, в каком ехали до этого. Эти двое спали и мы проезжая мимо их убогого ложа выстрелили по ним, но думаю ни в кого не попали. Всю ночь мы гнали тех лошадей и когда наутро взошло солнце, мы уже были на много миль оттуда, но ещё не выдохлись. Во второй половине этого дня мы обнаружили, что отряд рейнджеров идёт по нашему следу и тогда мы начали ещё больше подстёгивать табун, и четыре дня и ночи скакали без еды и воды. Я так устал и хотел спать, что свалился с лошади совсем без сил. Индейцы меня подняли, кнутами загнали на другую лошадь и мы поехали дальше.

Рейнджеры упорно нас преследовали и мы боялись с ними столкнуться лицом к лицу. В тот момент мы не знали, что за самими рейнджерами ехал отряд кайова из около двадцати пяти воинов, которые за нами наблюдали и собирались своровать их лошадей, когда те разобьют лагерь, но такой возможности им никак не предоставлялось. Наконец мы оторвались от рейнджеров и считали себя в относительной безопасности. Глубокой ночью пятых суток мы прилегли немного отдохнуть и крепко заснули, не подозревая даже, что примерно в миле справа от нас, расположился лагерь отряд солдат во главе с генералом Маккензи. Кайова в это время двигались вперёд и обнаружив лагерь налетели на него и забрали пятьдесят шесть кавалерийских лошадей. Мы были разбужены стрельбой, поспешно запрыгнули на лошадей и поехали дальше по своему маршруту вместе со своим табуном, понимая, что наша безопасность зависит сейчас от бегства, и мы совсем не знали, кто там рядом с нами ведёт бой и не собирались это узнавать. Наутро мы обнаружили бегущий табун лошадей и скачущих за ним индейцев, и с помощью маленького зеркала один из нашего отряда послал лучик в глаза кайова, а те в свою очередь просигнализировали нам, и мы теперь знали, что эти индейцы наши друзья и вскоре соединились с ними. Потом мы вместе ехали через равнины и когда разделились, то кайова поехали на запад в своё расположение в каньон Йеллоу Хаус, а мы в нашу деревню, прочь с равнин, к большому озеру.

Через некоторое время после этого, наш отряд из пятнадцати воинов, и я в этом числе, ехал вдоль Пекоса в очередной воровской экспедиции и наткнулся на мексиканских торговцев, которые приближались к нам, растянувшись со своими осликами, нагруженными разной продукцией. Мексиканцы сбежали и мы забрали их осликов, чем помогли себе сами одеялами, порохом, свинцом, капсулями и другими вещами нужными нам. Мы были очень довольны этой нашей лёгкой победой, но вскоре нам пришлось увёртываться от ливня камней и обломков скал, который обрушился на нас со склона горы. Одному из наших досталось камнем по плечу и он был сброшен со своей лошади. Мексиканцы имели пращи при помощи которых они метали в нас камни. Мы начали в них стрелять, когда они показывались и довольно быстро они бросили своё занятие и исчезли. Не знаю убили ли мы кого из этих мексиканцев.

Поздней осенью 1872-го или 1873 года, наши племена решили покинуть равнины и уйти через Рио Гранде в Мексику, чтобы провести в ней

зиму, так как там было не настолько холодно как у нас и имелся избыток разного зверья, за счёт которого мы могли продержаться. До того как мы достигли Рио Гранде, нам встретилась группа апачей, которая тоже направлялась в Мексику, и мы объединились с ними. В этой группе были свои скво, и лагерное имущество такое же как и у нас. Среди них я встретил мексиканского мальчика, который был воспитан индейцами и которого я знал раньше. Его звали Салито. Моего хозяина Карновисте не было с нами в это время, так как он ушёл на крайний северо-запад Техаса искать другую группу нашего племени. Но в середине зимы он к нам присоединился и привёл с собой ещё больше апачей. Пока мы там жили, я и Салито стали большими друзьями. Мы решили убежать от индейцев и совершить собственный набег. Мы отправились пешком и вскоре заблудились в горах, совершенно не имея еды и воды. Всё же мы отыскали небольшую стремнину, а внизу в каньоне разглядели пасущегося жеребёнка. Я убил его стрелой. Мы устроили там стоянку и поедали мясо жеребёнка несколько дней. Содрав с него шкуру мы сделали из неё мешки и наполнили их водой. Затем мы вырезали из туши столько мяса, сколько могли унести и пошли вдоль Рио Гранде. Где-то возле Ларедо мы попытались переплыть реку, но течение было слишком быстрым и Салито попал в одну из многочисленных воронок. Мне удалось его схватить и мы вдвоём благополучно выплыли. Как только мы выползли на берег, то увидели двоих индейцев и стали прятаться. Вскоре мы узнали, что они были из нашей группы.

Затем мы четвером оказались рядом с большим городом в Техасе и в ту же ночь вошли туда и забрали тридцать лошадей. Салито и я получили шестнадцать из них. После этого мы все переплыли реку и примерно через десять дней благополучно достигли нашего лагеря.

Через какое-то время отряд наших воинов отправился в набег вглубь Мексики. Я и Салито были там. Однажды ночью мы вошли в город, чтобы своровать лошадей, и обнаружили пять лошадей привязанных в конюшне, но индейцы боялись идти за ними и поэтому отправили туда меня и Салито. Мексиканцы наблюдали за нами и когда мы зашли туда они закрыли дверь и посчитали, что захватили нас. Но я пролез через отверстие в стене и сбежал, а Салито попал в их руки. Я не нашёл своих индейских компаньонов, так как они поспешно убрались оттуда, подумав что я попал в плен. Я пошёл в наш лагерь пешком и спустя четыре дня пути совершенно без еды случайно их встретил. Я остановился на отдых у родника, когда туда же подъехали эти индейцы вместе с табуном украденных ими испанских пони. Они удивились увидев меня здесь, но дали мне лошадь и мы поехали в свою деревню. Салито тоже удачно бежал и через несколько недель вернулся к индейцам.

Мексиканские солдаты начали нас упорно преследовать и мы решили уходить в наши старые охотничьи земли. Однажды наши дозорные сообщили, что большой отряд солдат приближается к нашему лагерю и мы спешно собрали наши вещи и двинулись в обратный путь. Когда мы достигли Рио Гранде, то река как раз сильно поднялась и нам нужно было как-то через неё переправляться. Мы изготовили три лодки из жёстких бизоньих шкур и поместили в них всех маленьких детей. Лодки быстро понесло с несколькими индейцами на каждой стороне, которые ради безопасности сопровождали свой живой груз. Переправа заняла у

нас весь день и одного своего мы потеряли. Затем мы перемещались четыре дня и ночи, а затем остановились на отдых в неглубокой ложине. Мы сделали брустверы, так как были уверены, что мексиканцы последуют за нами. И они пришли, численно превосходя нас раз в пять. Несмотря на это мы храбро их встретили и вынудили отступить. Карновисте произнёс такую речь: «Если здесь есть воин, который может бросить своих умирающих товарищей, бросить жену и детей, а также отдать свои охотничьи поля в руки врага, то пусть уходит сейчас. Враг хорошо вооружён ружьями, но мы защищены сущностью нашей земли, у нас достаточно воды и еды. Хватит на целый месяц. Мы не можем идти дальше, потому что наши лошади устали и им нужен отдых, поэтому бежать сейчас невозможно. Если есть среди нас трусы, то пусть уходят сейчас. Скоро враг перекроет все пути и отступление станет невозможным. Давайте сражаться вместе и сделаем так, чтобы никакие силы не смогли нас поднять и выгнать отсюда». Ни один индеец не стал уходить. Все решили жить вместе, драться вместе и преодолевать трудности вместе.

Мексиканцы провели яростную атаку, но были отбиты. Они снова пошли на штурм, но опять отступили под нашим убийственным огнём. Однако на этот раз они были очень решительно настроены захватить наш лагерь и много воинов у нас было убито, но каждый из них выпустил всю свою мощь в линию врагов. Карновисте постоянно подбадривал смелых во время боя. С наступлением ночи мексиканцы ушли. У нас было шестьдесят два убитых и много раненых. Мы похоронили своих мёртвых в пещере поблизости, убили их лошадей, стащили их туда же и завалили вход в пещеру камнями. Один воин, который был убит в бою, владел мексиканским мальчиком. Мы его убили и похоронили вместе с хозяином.

Утром мексиканцы не пошли в атаку. Я не знаю почему. Может из-за их потерь, а может из-за того, что мы были на территории Соединённых Штатов. Весь лагерь находился в печали. Сквозь били себя в груди и глубоко разрезали свои руки, и их вопли было искренними и достойными сожаления. Это были горестные сцены и цивилизованный мир не сможет понять их страдания, горести и невзгоды. Всё это представляло собой сливающийся воедино вопль и плач. Никто не спал в эту ночь.

Мы повезли наших раненых на паланкинах, изготовленных из двух жердей, верхние концы которых были привязаны к лошадям, там где спина соединяется с шеей, а нижние волочились по земле. Жерди имели достаточную длину для того, чтобы быть упругими. Между жердями были пропущены ивовые прутья и на них постелены одеяла, на которые, в свою очередь, были уложены раненые индейцы и крепко привязаны. На каждого раненого индейцы приходилась лошадь и вот такая паланкин-подстилка. Мы переместились достаточно далеко на север, чтобы наверняка уйти с пути мексиканцев, и объединились с другой группой апачей.

ГЛАВА 16. МЫ ОСТАЁМСЯ В ДВИЖЕНИИ.

Ранней весной мы отправились к форту Гриффин и там своровали шесть лошадей. Солдаты преследовали нас. Мы вышли на тропу каких-то липан или апачей, и какое-то время ехали по ней, а потом рассеялись. Солдаты пошли по следу тех, других, кто не совершал никаких жестокостей, и

поэтому они ничего не опасались. Они подумали, что солдаты просто сопровождают их в резервацию и не оказали никакого сопротивления. Но вышло всё иначе. Солдаты атаковали лагерь и убили мужчин, женщин и детей, только несколько скво убежали и потом рассказали о происшедшем. Вот так получилось, что невинные преследовались в то время, когда виновные гуляли на воле.

Мы поспешили убраться с такой опасной местности и через день или два наткнулись на группу мексиканцев, разбивших лагерь в каньоне, и атаковали их. Они бросили всё своё имущество и бежали, но мы догнали их и возвратились потом в свой лагерь с их скальпами, свисающими с наших поясов. Мы взяли у них всё, что нам было нужно, а остальное уничтожили. Пришло сообщение, что команчи и кайова сражаются с солдатами и просят нашей помощи. Вскоре мы к ним присоединились и обнаружили, что солдаты укрепились в огромном рве. Мы отрезали им все пути отхода и пытались взять их на измор голодом. Но наши разведчики сообщили о подходе новых сил белых и мы бежали оттуда, пока они не прибыли в то место.

Потом мы опять отправились в Мексику, так как знали, что солдаты не пойдут за нами туда. Вблизи Сэнд Хиллс мы встретились с отрядом команчей. Еды было мало и несколько дней мы находились на голодном пайке. Мы достигли Пекоса, и во время переправы девушка упала с лошади в бурный поток и её понесло по течению. Я прыгнул в воду, чтобы поймать её, но наоборот, она меня поймала, обхватив руками мою шею, и я никак не мог от неё освободиться. От отчаяния я ударил её и лишил сознания, а затем ухватил её за волосы и поплыл к берегу вместе с ней, и уже почти у берега индейцы вытащили нас из воды.

Переправившись мы разбили лагерь для женщин и детей. Тут на другом берегу появились какие-то команчи и мы все, оставив здесь семьи, переправились обратно на тот берег, чтобы расспросить о бледнолицых. Вместе мы добрались до истока реки Льяно, а потом разделились. Команчи отправились на север, а мы пошли вниз по реке. Мы увидели двоих мужчин с несколькими волами и атаковали их, но они оказывали нам сопротивление, пока не получили возможность укрыться в соседнем доме. Мы бродили вокруг, дожидаясь пока они появятся, но они ничем себя так и не проявили.

Спустя две или три ночи мы пробрались в небольшое поселение и подглядывая в окна, видели в комнатах много красивых вещей. К северу от этого поселения мы наткнулись на двоих мужчин, устроивших стоянку прямо под несколькими раскинувшими свои ветки дубами. Мы их убили, сняли скальпы и забрали шесть лошадей. Я думаю эти люди были перевозчиками грузов. К северо-западу оттуда мы нашли родник и один из индейцев присел напиться, и в этот момент прогремел выстрел. Индеец, который пил, закричал от боли. Мы подумали, что на нас напали рейнджеры и поэтому побежали к соседним валунам и деревьям и укрывшись за ними приготовились к бою. Индеец у родника оставался на своём месте и Карновисте осторожно подобрался к нему и выяснил, что на самом деле пистолет этого индейца ударился о камень и самопроизвольно выстрелил, ранив его в колено и нанеся очень болезненную рану. Этот индеец стал калекой на всю жизнь.

Домой мы возвращались не спеша, так как никто нас не преследовал. Однажды днём мы увидели четырёх белых на лошадях, сопровождающих навьюченного мула. Мы поехали к ним, но они разделились и поскакали в разные стороны. Всё равно мы их всех поймали, убили, скальпировали и забрали их мешки и животных. В мешках мы нашли много денег в бумажных долларах и серебро с золотом. Доллары мы разорвали, а из серебра и золота наделали украшений. По прибытии в наш лагерь мы устроили большой пир и танец.

ГЛАВА 17. БЕГЛОЕ ЗНАКОМСТВО С ИНДЕЙСКИМИ ОБЫЧАЯМИ.

Мы стали готовиться к большому празднику, значение которого я не знаю. В начале мы прошли испытание семидневной строгой диетой, а затем семеро самых крепких и жизнестойких индейцев, были избраны для непрерывного танца в течение семи дней и ночей без приёма любой пищи, кроме сырого корня, выкопанного специально для этого обряда. Знахари произвели ряд фокусов, которые я до сих пор не раскусил. Например, втыкание ножей в их тела и при этом не было ни капли крови. Я видел глубокие порезы на их ногах и из них вообще не вытекала кровь. Затем они съедали маленькие яблоки, которые росли только на кактусах в горах в Мексике и были очень ценны для индейцев. Они приготовили из этих яблок средство под названием «хуш». Четыре дня мы все ели только этот «хуш» и чувствовали себя такими беспечными и счастливыми, что готовы были любить всех и хотели летать. В Мексике есть растение, которое называется пейот и он очень почитается индейцами, и скорее всего шаманы использовали его при приготовлении «хуша».

О некоторых знахарях говорили, что они могут управлять ветром и вызывать дожди. Я сам видел, как они взошли на самую высокую точку в окрестности и напевая размахивали коровьим хвостом, чтобы полил дождь, и так как этого не произошло, то они сделали вывод, что кто-то из их народа рассердил Великого Духа.

Тогда я считал, что попытки эти тщетны, но знахари, так как засуха не кончалась, пришли в лагерь и возложили за неё вину на мексиканца, который был с нами. Этот человек был крепко связан по рукам и ногам сыромятным ремнём, перенесён на гору и привязан там к плоскому камню, а рядом с ним положили большую гремучую змею. Она была помещена так близко к мексиканцу, чтобы всякий раз, когда он пошевелится, она его атаковала бы. Мы возвратились в лагерь и заклинания продолжились, а вслед за этим налетел самый настоящий смерч. Наши вигвамы были просто смыты, один пленный белый ребёнок утонул, несколько лошадей унесло потоком, который всё сметал на своём пути к речке, возле которой был наш лагерь, так, что мы вынуждены были спасаться на горе.

Индейцы могли узнать о предстоящей погоде с помощью нитей из паутины. В сухую погоду такая нить была тонкой и длинной, но перед дождём она почему-то становилась грубой, короткой и толстой. Однажды утром индеец оделся в шкуру антилопы и пошёл на четвереньках, чтобы таким образом обмануть и убить антилопу. Он ползал на расстоянии примерно в сто ярдов от места, где эти быстроногие

животные щипали траву. Другой индеец увидел якобы животное в стороне от себя, прицелился и убил этого замаскированного соплеменника. Он вернулся печальный в лагерь и рассказал, что произошло. Так как убитый был родственником Карновисте, то тот собрался было убить этого индейца, но тут скво погибшего встала между ними, чем спасла его жизнь.

Эта местность кишела видом змей, напоминавших гадюку. Её укус практически всегда означал смерть. Эти змеи почти везде ползали парами и если ты убиваешь одну из них, то другая будет преследовать и укусит тебя, даже если ты будешь находиться в миле от места убийства её напарника или напарницы. Мне рассказывали, что молодой индеец женился на девушке, убившей одну из таких змей, и устроили себе ложе с молодой женой в ту ночь вне лагеря. Компаньон убитой змеи ползла за ними и когда луна была прямо над головой, она вонзила клыки в шею девушки и та сразу умерла. Этот индеец покинул племя и всю остальную свою жизнь тратил на поиск и убийство этих змей.

Как то мы разбили лагерь у небольшого песочного цвета ручья. Трава там была высокой и высохшей. Мы почувствовали жар и глянув вверх увидели большое облако дыма. Прерия пылала. Тогда мы стали вырывать траву и очищать землю, а также выжгли всё вокруг нашего лагеря, чтобы остановить огонь и не допустить его расширения. Пламя бушевало своим большим огненным языком в пятидесяти футах и дым нас почти удушил. Некоторые наши лошади убежали и были навсегда потеряны. Змеи, олени, антилопы, волки и другие звери, все спешили в наше убежище. Тысячи животных погибли в пламени. Одна старая скво ослепла и много детей погибло от перерева.

ГЛАВА 18. ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ПОЕЗДКА.

Однажды я искал индейца по имени Тотоабакона, который позже был убит команчами. Я был верхом на уже известном мышастом муле и он был проворен и послушен как пони. Тут бизон решил подражаться и побежал за старым мулом и мной. Я понукал и хлестал, но это только раздражало широко известного мула и он наоборот заупрямился, поэтому мы не успевали. Здесь стремительно появился индеец и пущенной стрелой хоть и привёл бизона в бешенство, но на мгновение отвлек его внимание от мула и меня. Он сделал хороший выстрел, но взбешенный бизон всё равно продолжал бежать и поэтому индеец въехал между ним и нами. Поездка завершилась тем, что бизон боднул лошадь, зашатался и свалился прямо под ноги мулу. Пони пробежал ещё немного и упал замертво. Я привязал мула и пошёл сдирать шкуру с бизона, но оказалось, что лохматый зверь жив. Он вскочил и бросился на индейца, но тот был слишком быстр для него и животное сорвалось с небольшого обрыва и сломало себе шею.

Это незначительное происшествие произошло в холмах недалеко от места, где возвышенности делают как бы круг плотно огораживая с севера кусок прерии в несколько сот акров и выходя на южной стороне, располагаясь там примерно в шестидесяти ярдах друг от друга. Склон был почти перпендикулярным и взобраться по северной стороне было просто невозможно. Обычным нашим времяпрепровождением было начать гон

антилоп к этому природному амфитеатру. Перед началом действия мы формировали по сторонам фаланги воинов со входом по-середине внутрь и некоторые мальчики на резвых лошадях начинали гнать стадо. Когда те вбегали между фалангами, то мы с криками смыкались и таким образом бедные звери оказывались в замкнутом пространстве и им ничего не приходилось как самим бежать к обрыву и возвращаться обратно в полном изнеможении или срываться вниз. Это была забава для всего племени, - скво, детей и всех остальных.

Но такие захватывающие прогоны заставляли меня думать о другом времени, когда я приблизительно также нёсся по неровностям местности, через семь или восемь месяцев после того, как был захвачен. Воины тогда поймали крупного жирного жеребца-мустанга, связали, завязали ему глаза, крепко привязали меня к нему, а потом несколько индейцев сели на резвых лошадей. Затем жеребец был освобождён от пут. Он оглянулся и укусил меня за руку, так, что я позабыв о своём стоическом отношении к невзгодам, издал громкий вопль. Затем мустанг полетел через равнины и неровности, перемахивая через овраги, спасая свою дорогую жизнь. Он подскакал к глубокому оврагу, который перепрыгнул одним прыжком. Индейцы следовали за ним, но они даже не смогли держать его в поле своего зрения. Этот жеребец пробежал около десяти миль и когда перепрыгивал через ещё один овраг, то споткнулся, упал на свои передние колени и перебросил меня через свою голову. Он резко вскочил и проворно упорхнул вдаль, так, как будто бы делал только первую милю. Больше я ничего не слышал о нём. Я лежал там, страдал от боли в руке и мысленно ругался последними словами, когда один из индейцев подъехал ко мне. Его конь был совсем измотанным. Скоро здесь были и другие, они посмеиваясь и одобряя меня, перевязали мою укушенную руку. Один из них усадил меня позади себя и мы поехали обратно в лагерь.

ГЛАВА 19. Я НАХОЖУ ЗОЛОТОЙ ПРИИСК.

В то время, когда я был с апачами, Карновисте решил искать для племени новую страну. На тот момент мы находились в горах Нью-Мексико, скорей всего в цепи Гуадалупе. Эта местность была уже довольно прилично населена индейцами, так как много апачей вытеснялись туда посягательствами цивилизованного мира. Карновисте послал меня и двоих индейцев, Эсакони и Пинеро, посмотреть дальний северо-запад на предмет нашего нового местообитания. В начале мы отправились на юго-запад и вступили в старую Мексику, но там не нашли ничего подходящего для нас. После многодневной езды наши лошади обессилили и мы своровали свежих лошадей у мексиканцев, а потом взяли курс на северо-запад, туда, где я думаю сейчас находится Аризона. Мы захватили пару осликов и погнали их вместе с нами, чтобы воспользоваться ими, если наши лошади устанут, а также, если не сможем найти диких зверей, то мы их убьём и съедим. Мы достигли водного источника у подножья покато́й горы, где была хорошая трава и обильная дичь. Там мы расположились лагерем несколько дней. Наши лошади были измучены и еле держались на ногах, поэтому мы решили их пока здесь оставить до своего возвращения и пошли пешком, подгоняя двух осликов, хорошо нагруженных

олениной и бурдюками,наполненными водой. Мы направились в неизвестную местность о которой знали лишь то, что ни одно наше племя никогда её ещё не видело. В течение нескольких дней мы неспеша продвигались точно на запад,пока не прибыли в пустынную необитаемую местность,полностью лишённую растительности и водных источников и распростёршую свои белые пески на многие мили во все стороны. Всё же мы нашли родник перед тем, как вступить в эту пустыню,наполнили свои бурдюки и приготовились к длинному путешествию через столь несоблазнительную пустошь. Мы брели уже в течение нескольких дней и являлись единственной вещью,которая могла нарушить однообразие,созданное свирепыми песчаными бурями,которые иногда увлекали нас за собой,слепили и почти засыпали,мешая нашему путешествию. На шестой день,достаточно уже углубившись,мы различили цепь синеющих вдали гор,которую сначала приняли за низко стелющиеся облака. Мы ускорились и по мере продвижения горы начали приобретать осязаемые черты и теперь мы знали,что сможем их достичь на следующей неделе,если будем двигаться с такой скоростью и дальше,но к сожалению она постепенно сбавлялась,потому что наши ослики начали страдать из-за нехватки корма и воды.Когда у нас кончилась вода,мы поняли, что если не дойдём до виднеющихся гор,то точно погибнем в этой пустыне,вместе со своими верными осликами.Наконец,на пятнадцатый день нашего перехода через пустыню,мы достигли подножья гор и были настолько на этот момент обессилены,что если бы не пришли сюда сейчас,то вряд ли продержались ещё день. Пройдя ещё немного мы вошли в каньон и нашли там чистый источник и избыток травы. Тут мы остановились,чтобы отдохнуть несколько дней,перед углублением в эти горы. Получив необходимый отдых для себя,мы выступили в путь и неспешно продвигались в самое сердце одного из самых красивых мест,которые я когда-либо видел. Дичи было в избытке.Чернохвостый олень, медведи, дикие кошки,пумы и другие животные,были повсюду и не убегали при нашем приближении. Проводя изыскания в этих горах,мы были счастливы в своём одиночестве и обнаружили специфичную природную конструкцию, которая задержала наше внимание, и мы были поражены этим великолепием. Возле верха высокой горы было плато и оно резко кончалось обрывом или стеной, по которой стекала вода и намного футов ниже формировала бассейн.Стена,по которой стекала вода,была ей отполирована до синего скального образования. В бассейне ниже мы нашли запасы чистой воды, которая имела привкус минералов и мы побоялись её пить,так как Пинеро сказал,что она могла быть отравлена.В этом бассейне мы обнаружили тот же синий тип скальных образований с обнажёнными пластами ярко жёлтой руды, толщиной в дюйм или два, которая легко отделялась. Пинеро и Эсаconi предложили добыть сколько-нибудь жёлтых и синих камней для наших скво и мы своими ножами для скальпирования отковыряли много больших кусков жёлтого минерала ,сложили их в наши тюки и унесли. У меня было несколько таких кусков длиной в четыре или пять дюймов и толщиной в два или три дюйма. Мы обратили своё внимание на их тяжесть, тогда как синие камни были довольно лёгкие и все в порах. Мы понятия не имели,что это за минерал, так как были просто тремя молодыми индейскими щенками и не разбирались в минералогии, но когда мы

прибыли в свою деревню,то Карновисте сказал нам,когда мы ему показали эти красивые камни,что это золото и поэтому мы не пойдём обжиться в те горы,так как не будем в безопасности там,где есть золото.Ещё Карновисте сказал,что раз там есть золото,то когда белый человек его найдёт,то будет его добывать,а мы ищем место,куда белый человек не придёт.

Пробыв в тех горах одну луну или месяц,стреляя животных и выбирая места для деревень,в которых должно будет разместиться после прибытия сюда наше племя,мы тронулись в обратный изнуряющий марш через широкую пустыню и наконец достигли места,где располагался раньше наш лагерь,в котором мы оставили своих лошадей,и мы обнаружили их хорошо отдохнувшими и нагулявшими жир. Отдохнув там несколько дней мы направились к местообитанию нашего племени, достигли его в своё время и рассказали Карновисте о том,какие мы нашли земные счастливые охотничьи поля,где Великий Дух обратил своё внимание на каждый каньон и где Его улыбка ласкала каждую горную вершину на рассвете каждого утра. Карновисте кряхтел от удовольствия и восторга,но когда мы показали ему красивые камни,которые принесли оттуда,то он печально покачал головой и сказал,что та заманчивая местность не для индейца,что она представляет собой иллюзию и ловушку и если мы пойдём туда,то только увеличим наши проблемы. Теперь мы лишились всякой надежды на то,что когда-нибудь найдём землю, до которой белый человек не доберётся.

ГЛАВА 20.ЗАХВАТ СТАДА СКОТА.

Как-то в наш лагерь приехали поторговать мексиканцы.У них было много мескаля,кукурузного виски и табака,поэтому большинство племени просто упилось. Затем сто сорок индейцев и шестьдесят мексиканцев отправились в набег за скотом и к западу от форта Гриффин, на старой дороге,они повстречали большое стадо,перегоняемое в Канзас. С ним было около двадцати ковбоев и мы бросились на них открыв беспорядочную стрельбу. Стадо тут же обратилось в стампиду,а ковбои поскакали в противоположном от него направлении. Большинство из нас стали окружать скот, а остальные ринулись в погоню за ковбоями,но безрезультатно. На второй день нас догнали примерно сорок белых мужчин,которые попытались отбить животных и во время действия два мексиканца и один индеец были убиты,ещё одному индейцу они прострелили шею, также у нас было убито четыре лошади. Мы отбили их атаку и завладели двумя их мёртвыми,которых незамедлительно скальпировали. Я не знаю какие они ещё понесли потери. Мы продолжали двигаться вместе со стадом на юго-запад и когда прибыли наконец в деревню,то имели с собой больше тысячи голов животных. Мы обменяли стадо мексиканцам и не медля снова обратили его в стампиду. Я помню,что некоторые животные имели клеймо «HEU».

Скальпы двух ковбоев были помещены на высокие шесты,а затем начался большой праздник и военный танец.Мы убили около сорока быков и зажарили их. Прибыли другие мексиканцы и пополнили наши запасы виски. У нас случились с ними кое-какие разногласия и для того,чтобы разрешить спор положительно для обеих сторон,мы убили двоих

мексиканцев и тоже водрузили их скальпы на шесты. Мы все пили виски, а потом с похмелья атаковали мексиканцев и забрали все их безделушки, ружья, боеприпасы и тд. Но им досталась большая часть скота, что в более, чем полной мере, компенсировало их затраты. Затем мы посокрушались над этим мексиканским делом и позвали их мириться. Мы переместили нашу деревню к Сэнд Хиллс и какое-то время охотились там. В том месте мы обнаружили оленей, антилоп, пекари и немного бизонов.

Меня часто спрашивают, как мы изготавливали кремниевые наконечники для пик и стрел. Здесь я попытаюсь изложить процесс. Вначале мы бросали в огонь большой кусок кремня от двух до шести футов в окружности. После того, как он сильно нагревался, его рассекали на тонкие маленькие кусочки. Мы выбирали такие кусочки, над которыми можно было меньше работать, чтобы придать им определённую форму. И пока они были ещё горячими, их насаживали на раздвоенные на одном конце палки. Пока эти насаженные кусочки были ещё горячими, мы их окунали в холодную воду теми частями, которые собирались заострять. Холодная вода вызывала изменения в месте соприкосновения с ней и можно было заняться обработкой. Таким вот образом мы делали наши некоторые наконечники стрел острыми, острее, чем изготовленные из камня. Много таких стрел в отличном состоянии можно ещё подобрать в определённых местах в Техасе.

Мы точили наши наконечники для стрел, ремонтировали наши луки и чистили наши ружья. Стрелы мы делали из прямого прута кизилового дерева, с канавкой для пера на одном её конце и наконечниками из кремниевого камня или стали, на другом. Вначале мы использовали кремниевый камень для наконечников, а также для лезвий ножей, которыми пользовались при разрезке шкур бизонов и других животных. Позже, когда на равнины начали прибывать солдаты, мы стали находить в окрестностях их лагерей обручи от бочек и другой металл, и из этого материала стали изготавливать стальные наконечники, отвергнув кремниевые. Мексиканцы снабжали нас напильниками, которыми мы правили и затачивали наконечники. Для тетив мы использовали сухожилия, вырезанные из оленей или быков. В отдельном взятом колчане имелось также несколько намазанных ядом стрел, которые предназначались для войны. Их наконечники обрабатывались ядом гремучей змеи.

Мы отправились в очередной набег на белых и первой вещью, которая нарушила монотонность движения и пробудила в нас немного низменного интереса, стало присутствие нескольких мужчин возле реки Кончо. У нас с ними произошла яростная схватка и трое наших смелых были потеряны. Мы поместили их завёрнутые в одеяла тела на ветки большого раскидистого дуба. Их ружья, стрелы и другие вещи, были завёрнуты вместе с ними. Их лошадей мы застрелили под этим деревом. Всё это нужно было сделать для того, чтобы индейцы прибыли в счастливые охотничьи поля верхом и в полном оснащении. Я не знаю какие потери понесли белые, так как не было возможности это узнать.

Мы поехали на юго-восток к другой реке и увидели человека, ходящего кругами. Индейцы подползли к нему, выждали удобный момент и пустили стрелу в правую сторону его груди. Он стоял потом и плевался

кровью. Индейцы подождали пока он достаточно настрадается, а затем отправили его по назначению и содрали с него скальп. По-видимому этот человек заблудился, потому что у него ничего не было для сражения, только несколько ржавых ножей и связанных в узел вещей, которые неважно выглядели из-за погодных воздействий. Следуя тем же курсом мы наткнулись на каких-то белых людей, работавших в каменоломне. Один из них охранял лагерь. Мы окружили их и два раза выстрелили по охраннику. Он убежал и спрятался в чаппарале. Работники бежали через густой подлесок и мы стали полными хозяевами их лагеря, в котором нашли всего одну лошадь, пять винчестеров 44-го калибра с патронами кольцевого воспламенения и пояса полные обойм, а также сахар, муку, соль и другие предметы, необходимые для жизни в лагере. Мы уничтожили то, что не могли унести.

Оттуда мы отправились на юг и я помню, что видели каких-то детей, которые играли в поле возле дома. Мы подобрались поближе и побежали к детям. Воин кайова, по имени Хватающая Черепаха, схватил одного из них, когда тот перелезал чере забор. Тут появился белый человек с винчестером в руках и выстрелил в колено Хватающей Черепахи. Мы воевали примерно часа два и пытались взять мечь за это ранение, но тот человек был смелым и осторожным и мы не получили даже возможности попасть в него. Возле дома были коровы и быки, которые имели клеймо, напоминающее плотничий топор или топорик для оттёски. Но нам не нужен был скот, мы желали крови. Проехав ещё немного мы забрали девять хороших лошадей и отправили их обратно в нашу деревню вместе с раненым индейцем и двумя сопровождающими. Проехав дальше мы наткнулись на человека, который делал оградку. Когда мы поскакали к нему, то он бросил топор и побежал к своей лошади, небольшому гнедому пони. Мы въехали на холм и забрали там двенадцать лошадей, большого гнедого мула и светло-рыжего мула. Затем мы поехали домой через Кикапу Спрингс и там сделали сами себе подарок угнав табун славных жирных пони. Вскоре наши разведчики просигнализировали нам, что ненавистные рейнджеры идут по нашему следу. Мы опасались этих парней, поэтому не мешкая двинулись на равнины и ехали три дня и ночи без еды и сна. Нам хорошо было известно, что они неугомонно будут идти к цели, если безошибочно её определят, чтобы нанести ответный удар, и поэтому старались оторваться от них как можно дальше. На четвёртый день мы наткнулись на большого жирного старого осла, которого отпустили мексиканцы. Мы его разделали, зажарили и съели. После трёхдневной голодовки он показался нам очень вкусным. Мы отдыхали и пасли наших лошадей. Через два дня мы убили и съели мустанга. Мы посчитали, что находимся теперь в безопасности и поэтому стали немного беспечными. В то утро мы выступили на рассвете и примерно через полчаса после восхода солнца, рейнджеры неожиданно атаковали нас с восточной стороны. Наш вождь приказал нам остановиться и сражаться, сказав, что бежать бесполезно.

ГЛАВА 21. БОЙ С РЕЙНДЖЕРАМИ.

После своего возврата в цивилизацию я узнал, что этим отрядом

рейнджеров командовал знаменитый разведчик и истребитель индейцев капитан Дэн Робертс, который сегодня (27 мая 1927 года) живёт в Остине, Техас. Несмотря на распоряжения нашего вождя, с началом боя наши люди рассеялись и лишь четверо остались сражаться против приученных к дисциплине рейнджеров. Некоторые из них поскакали за убегающими индейцем, лошадь которого была ранена в ногу, но он запрыгнул за спину Мокоашу, липану, который был с нами, и они ускакали. Бежавшие индейцы увезли с собой наши винчестеры с патронами кольцевого воспламенения. Другой индеец, брат нашего вождя, был выбит из седла и побежал на запад. Я подъехал к нему и он запрыгнул за меня и вместе мы поскакали за нашими компаньонами, но рейнджеры обогнали нас и отрезали от остальных, а те, кто до этого нацеливался на Мокоаша и его компаньона теперь переключились тоже на нас и поэтому мы оказались между двух огней. Воина, который был за моей спиной, звали Нустикено. Он защищал нас со спины своим щитом, а я выставил вперёд свой. Я посылал стрелы в тех, кто атаковал нас спереди, а он стрелял в догоняющих. Несколько пуль ударили по моему щиту и разбив его, скользнули по моему лбу, набивая на нём шишки, и тут же я услышал, как они вошли точно в щит Нустикено. Сразу вслед за этим моя лошадь была застрелена и я оказался под ней. Нустикено сломал свой лук, поэтому схватил мой и побежал. Я умолял его не бросать меня, но он не внял моим мольбам в своей сумасшедшей гонке за жизнь. Я был придавлен мёртвой лошадейю и мне подумалось, что я должен оставаться под ней и принять свою судьбу, какой бы она ни была. Я уже достаточно долго там лежал, когда ко мне подъехали два или три рейнджера и кто-то из них навёл на меня свою винтовку. Я подумал, что моё время настало. Тогда я закрыл глаза и раздался громкий звук и я почувствовал как пуля царапнула мой висок. Два рейнджера начали разговаривать и я открыв глаза увидел, что они смотрят на меня. Судя по этому их поступку, они поняли, что я не индеец. Затем они оба поскакали за Нустикено и я слышал, как они стреляли в него. Я вслушивался в происходящее, а потом посчитав, что они находятся далеко и не видят меня, выбрался из-под своей лошади и какое-то время полз на животе, прятаясь в траве. Через некоторое время рейнджеры вернулись посмотреть на меня. Я слышал как они перемещаются с места на место и разговаривают, и какое-то время они находились совсем близко от меня. Я лежал в хорошо укрывающей меня высокой траве и был ещё в несколько угнетённом состоянии, едва отваживаясь дышать из-за страха того, что они меня найдут здесь. Они оставались на поле боя в поисках меня ещё наверное целый час, а потом поехали на восток. Я оставался в своём укрытии, пока они совсем не скрылись из глаз, а потом встал и с опаской огляделся. Я пошёл к своей мёртвой лошади, но мой оружие было забрано у меня и я ничем не мог добыть себе еды. Моих товарищей нигде не было, или были убиты, или сбежали. Я пошёл в сторону, где стреляли в Нустикено и через шестьсот ярдов от места, где мы свалились с лошади, наткнулся на его труп. Он был скальпирован и судя по всему, как мне показалось, с него содрали всю кожу, а также забрали всё его оружие. Несколько секунд я смотрел на эту жуткую сцену, а затем повернулся и бежал до тех пор, пока не запыхался и не упал без сил на землю.

Перед началом боя с нами находился мексиканский мальчик, и когда рейнджеры были уже совсем близко от нас, он побежал к ним с поднятыми руками. Они забрали его с собой.

Отдохнув и приведя в порядок свои мысли, я осознал, что нахожусь очень далеко от своего индейского дома, примерно в трёхстах милях. У меня не было никакой одежды, кроме оленьей шкуры, и нечем было добывать еду. Я отправился по индейским следу и двигался сутками напролёт, питаюсь кузнечиками, ящерицами, букашками, корнями и всем остальным, что я мог найти или поймать. Я страдал от жажды. Наконец я добрался до небольшой пещеры, где была вода, но достать её оттуда было проблемой. Но я настолько хотел пить, что стал протискиваться между камней вниз головой к полости наполненной водой и в отчаянном рывке добрался наконец до неё. Напившись, я обнаружил, что не могу сдвинуться с места и скорее утону, чем выберусь отсюда. Я брыкался и продирался задом наперёд, пока не достиг поверхности. Я устало шагал тяжёлой поступью, дальше по индейскому следу, пока не пришёл к месту, где индейцы убили антилопу. Волки доели всю оставшуюся плоть, и тогда я стал обсасывать косточки и грызть шкуру, чтобы хоть как-то заглушить чувство голода. Я питался опунцией (вид кактуса) и однажды настолько исстрадался от жажды, что хлебать водную муть, наполнившую ямку после дождя. Я жадно глотал воду, но был настолько обезвожен и голоден, что мой желудок не смог её принять. Я лёг около лужи и окунув свой пересохший язык в воду, держал его в ней, пока не смог напиться маленькими глотками. Я оставался там день и ночь. Я был слишком ослаблен, болен, и находился в полубморочном состоянии, поэтому не ощущал сколь-нибудь сильной боли. Моя чувствительность притупилась и душевные мучения от ностальгия совсем не докучали мне. Я отдохнул там, и набравшись сил поймал несколько лягушек, которых съел сырыми, и посчитал это за изысканное лакомство. Я не хотел оттуда уходить, потому что у меня ничего не было для переноски воды. Но я понимал, что не могу здесь больше задерживаться. Я пошёл дальше и наконец достиг нашей деревни. Когда я туда прибыл, то ногти на моих ногах были сорваны и я долго и мучительно страдал.

Сбежавшие от рейнджеров индейцы прибыли в деревню на несколько дней раньше меня и сказали, что все остальные убиты и, что они убили наших лошадей и похоронили всё наше имущество вместе с нами. Они рассказали нашему вождю как я вернулся и посадил к себе его брата Нустикено, чтобы помочь ему спастись, и велика была скорбь после того, как они сообщили о нашей с ним смерти. Когда я пришёл в деревню, то все были вне себя от радости лицезреть меня, а когда я рассказал, как я и три моих компаньона были брошены остальными, то гнев вождя перешёл все границы. Он сделал меня главным над всеми теми, кто покинул меня, и я чувствовал себя вдвойне отплаченным за все мои страдания. Они с лаской обращались со мной, предоставили мне хорошую удобную постель, приготовили для меня хорошую еду и старались угадать каждую мою мысль.

Для того, чтобы моя хорошая репутация стала полновесной, я сообщил племени, что перевернул тело Нустикено лицом вниз и завалил его камнями, чтобы волки или другие дикие звери не добрались до него. (Подумать только! Как они растерзали этого индейца. Он был ужасно

разделан. У него не было никакого лица, чтобы поворачивать его вниз. Я вижу его окровавленные формы до сих пор, когда закрываю свои глаза). После моего выздоровления я получил права, какими обладало подавляющее большинство взрослых индейцев. Теперь я мог носить бисер на красной тесёмке и возглавлять сражение, и мне очень хотелось испытать своё умение и храбрость, но я был вынужден оставаться в лагере ещё два месяца. Мы перемещались каждые несколько дней в поисках лучших охотничьих угодий и убили много дичи. Особенно много мы добыли антилоп. Первой вещью, которую мы делали после их убийства, это разрезание брюшка и поедания его содержимого, а также сердца и печени. Часто мы пиروвали древесными крысами, хорьками и опоссумами. Мы перебрались через Рио Гранде в горы Мексики и там стреляли медведя, чёрнохвостого оленя и пекари.

Индейцы пользуются собственной системой счёта, в которой основой является человеческая рука. Они считают по пальцам и когда достигают пяти, то показывают это число распростёртой ладонью. Шесть, это ладонь и один палец, а десять, это две открытых ладони. Но для обозначения двадцати есть другой метод. Двадцать соответствует одному человеку, а сорок, - двоим. Соответственно сорок пять, это два человека и рука, сорок шесть, это два человека, рука и палец первого человека, и тд.

Прежде, чем завершить эту главу, я хочу опять вернуться к бою с рейнджерами. Капитан Джиллетт, который живёт в Марфа, Техас, находился в роте рейнджеров капитана Робертса, когда они настигли нас на равнинах Кончо и навязали нам сражение. В своей книге «Шесть лет с Техасскими рейнджерами», он рассказывая об этом бое, упоминает белого мальчика по имени Фишер, который был с индейцами. Тот белый мальчик, это я, а он очевидно имел ввиду Рудольфа Фишера, который был захвачен в округе Гиллеспи ещё до моего пленения. Так как капитан Робертс в своей книге «Рейнджеры и Суверенитет», тоже говорит, что я, - это Фишер, значит и капитан Джиллетт совершает ту же ошибку. Фишер был захвачен команчами, до сих пор является членом их племени и проживает возле Апачи, в Оклахоме. Я же был захвачен апачами и находился с ними в упоминаемом столкновении. И капитан Робертс, и капитан Джиллетт, сообщают, что индейцы, с которыми они сражались, были липаны, но я то знаю, что это были апачи, потому что находился тогда среди них. Если они были липанами, то как Фишер мог оказаться там? Такие ошибки часто закрадываются в исторические записи и ими нельзя пренебрегать. Капитан Джиллетт упоминает также мексиканского мальчика, захваченного в округе Увалде и отбитого в этом бою. Мальчик совсем немного находился с индейцами, когда рейнджеры его освободили, и он ещё не научился хорошо говорить на языке апачей. Я был в лагере апачей, когда они возвратились из набега на юго-западе Техаса и привезли его. Он был захвачен нашим рейдовым отрядом и принадлежал Чинаве, храброму воину апачей.

Рудольф Фишер был немецким мальчиком, захваченным возле Фредериксбурга в 1869 году. Я думаю за год до того, как они забрали нас. Он был принят команчами и примерно через десять лет жизни с ними, был доставлен к его семье возле Фредериксбурга. Он стал настолько индеанизирован, что просто невозможно было его приучить к образу жизни белого человека, и после годичного пребывания со своими

родителями,он возвратился к команчам,среди которых были его скво и ребёнок.Сегодня он живёт со воей семьёй в Оклахоме на выделенном им земельном наделе. Фишер стал очень смелым воином и удостоился в племени самой высокой степени уважения.Я разговаривал с капитаном Робертсом в своём доме в Лойял Вэлли в 1881 году,после того,как возвратился из неволи,и мы тогда обсуждали этот бой. Видно он забыл моё имя,поэтому держал всё время в уме Фишера, а значит и упомянул именно его в своей книге.

ГЛАВА 22. БОЙ НА РАВНИНЕ КОНЧО.

В 1911 году,в "Hunter's Magazine" (Охотничий Журнал), было опубликовано предоставленное капитаном Томасом Гиллеспи ещё одно описание происшедшего между рейнджерами капитана Робертса и апачами боя,участником которого я был. Капитан Джиллетт написал великолепный отчёт об этой схватке в своей книге «Шесть лет с Техасскими рейнджерами». Из-за ограниченности места в этой книге,я пользуюсь только отчётом капитана Гиллеспи.

В то время капитан Гиллеспи, судя по написанному, жил в Сан Антонио или в его окрестности: «В августе 1875 года,после разведки в верхней части долины Сан Саба,мы обнаружили следы индейцев около Скальп Крик в округе Менард.Следы были относительно свежие и всё указывало на то,что их оставила группа от десяти до пятнадцати индейцев с табуном в сорок или пятьдесят лошадей.Наша команда включала капитана Робертса,Майка Линча,Джима Траута, Джима Хенкинса,Эда Сикера,Джима Джиллетта,Энди Уилсона,Генри Матаморе,человека по имени Крамп и меня самого. По-моему к нашему отряду были причислены ещё один или двое,имена которых сегодня я не помню, но в этой погоне участвовали только те,кого я упомянул.

Наши лошади были в неважном состоянии из-за продолжительных поисков,но альтернативы сейчас нам не оставалось и поэтому мы без промедлений начали погоню.Следы вели через истоки Драй и Рок Крикс, на севере округа Менард , и уходили в сторону Кикапу Спрингс, пересекая дорогу между фортами Маккаветт и Кончо примерно в девяти милях южнее Кикапу Спрингс. Уже ночью мы достигли этой дороги и наши лошади были сильно измучены и страдали от нехватки воды.Мы ушли с индейского следа и отправились к источникам Кикапу,где провели ночь. Так как многие наши лошади сорвали свои подковы и поэтому хромали,то наутро мы отправились в ранчо,заново подковали там лошадей и вновь приступили к поискам.Примерно в двенадцати или пятнадцати милях выше истока Саут Кончо,мы опять нашли их следы и направились по ним к верхушке горы,где индейцы останавливались и удаляли подковы у сворованных лошадей. Так и остаётся загадкой по сей день почему они снимали подковы у украденных лошадей. Рейнджеры и пограничники выдвигали несколько теорий на этот счёт,но всё они так и не были подтверждены. Подковы остались там,где их сняли,и кроме того,индейцы вырезали из одеяла две длинные полосы и сложили их крест-накрест. В таком положении мы их и обнаружили. Было почти два часа после полудня,когда мы оказались на этой горе,и жара стояла кошмарная,но мы не мешкая взяли след и поехали так быстро,как могли это делать наши

усталые лошади. Благодаря этим признакам, столь хорошо известным рейнджерам, мы уже знали, что индейцы находятся недалеко и перемещаются они в неторопливом темпе, поэтому мы надеялись увидеть их до сумерек. Мы ехали по их следам, которые вели на юго-запад, и выехали на равнины. Оттуда следы повернули на запад. За полчаса до наступления темноты солнца мы подъехали к пруду, где индейцы поили и купали лошадей. Вода после лошадей была взбаламученной и трава вдоль берега, на который ступали животные из воды, была всё ещё мокрой. Всё это указывало на то, что мы висим у них буквально на пятках. Когда уже почти стемнело, капитан Робертс сказал нам, что лучше поужинать здесь и дать нашим лошадям немного отдохнуть. Всё это мы проделали, и поужинав снова сели в седло и ехали по следам столько, сколько могли их различить в темноте. Когда стало слишком темно и ничего разглядеть было уже нельзя, мы дали нашим лошадям такой отдых, в котором они очень нуждались. Когда стало достаточно светло, чтобы видеть, мы снова находились в седле и каждую минуту затем ожидали, что окажемся на зрении противника. Мы продвигались в среднем темпе примерно до семи часов утра, когда капитан Робертс вдруг остановился и сказал: «Ребята. Кажется я их вижу». На порядочном расстоянии от нас, на равнине, мы разглядели несколько тёмных силуэтов, но этого было недостаточно для того, чтобы точно определить всадники это или что-либо другое. Приставив к глазам свой бинокль Робертс получил хорошее увеличение и сказал: «Ребята, это они. Едут неспеша. Они пока не знают о нас. Сейчас парни вы поедете за мной колонной по одному. Солнце светит нам в спину и мы сумеем к ним подобраться ближе, до того как они нас заметят». Все мы были настроены на борьбу и приказы нашего командира выполняли неукоснительно. Мы поехали тем способом, который он указал, и уже находились не далее, чем в 600 ярдах от индейцев, когда они нас увидели. Их было одиннадцать, что почти равнялось нашему числу. Кроме этих одиннадцати было ещё два всадника далеко левее, и как раз эти двое заметили нас первыми и оповестили остальных. Мы нарушили строй и развернувшись, ободряя самих себя помчались к дикарям во весь опор. Индейцы ворвались в свой табун и пересаживались на свежих лошадях, и когда мы находились достаточно близко, чтобы начать экзекуцию, то они рассеялись и каждый из них начал спасаться бегством. Но примерно в 150 ярдах от нас они вдруг сплотились на небольшом пригорке и открыли по нам огонь. По-видимому это было сделано с целью выиграть немного времени, чтобы поймать и оседлать свежих лошадей. Мы застрелили трёх или четырёх лошадей и вероятно ранили или убили одного или двоих индейцев, прежде, чем эта куча рассеялась и бросилась удирать. У нас были винчестеры и игольчатые ружья, и каждый из нас был метким стрелком. Бой на ходу продолжался, и мы, кто поодиночке, а кто в паре, выбрали для себя дичь и поскакали за ней. Индейцы разделились по-двое и когда кто-либо из нас убивал лошадь под всадником, то тот прыгал за спину своего товарища и уже таким образом они продолжали свой бег. Эд Сикер и Джим Джиллетт погнались за двумя конными индейцами, у каждого из которых за спиной был щит и они «сжигали ветер» (мчались изо всех сил). Проскакав 500 или 600 ярдов мы подстрелили одну из их лошадей, мелькнув как молния, индеец оказался

за своим напарником и преследование продолжилось. С двумя сидящими на ней индейцами лошадь стала терять ход и поскакала по кругу,- маневр часто практикуемый индейцами,когда они оказываются загнанными в угол при таких обстоятельствах. Парни раз десять выстрелили по ним во время этого процесса,но их щиты были причиной того,что они до сих пор не были сбиты с лошадей. Видя эту уловку с движением по кругу, Джим Джиллетт спешился,прицелился из своего игольчатого ружья и выстрелил лошади в шею.Затем он запрыгнул опять в седло и бросился вперёд вместе с Эдом Сикером.Когда лошадь свалилась,индеец сидевший сзади,ударился о землю,поднялся и побежал,по-прежнему держа свой щит у себя за спиной. Другого индейца лошадь придавила при падении.Парни подскакали к упавшей лошади и Джиллетт направил свой пистолет на индейца, плотно придавленного лошадью и уже собирался выстрелить,когда Сикер крикнул : «Не стреляй в него! Ты что, не видишь,это белый мальчик». Тогда Джиллетт опустил пистолет и так как было ясно,что мальчик надёжно удерживается тушей убитой лошади,и даже освободив ногу он не сможет из-под неё выбраться,они поскакали за убегающим индейцем,которого догнали примерно через 300 ярдов и убили. Совершив убийство они потратили ещё некоторое время,чтобы снять с убитого скальп,забрать его лук,колчан,щит и другие атрибуты в качестве трофеев, а когда вернулись туда,где оставили мальчика под мёртвой лошадью,то он уже исчез! Они очень сильно удивились этому.Место боя и погони было открытой равниной и на мили вокруг всё просматривалось, кроме того, с момента убийства лошади и до самого возвращения в эту точку,они постоянно оглядывали окрестности и мальчик такого сложения просто не мог совершить свой рывок,чтобы его не заметили. Вокруг было несколько разбросанных мескитовых деревьев,и больше ничего, где можно было бы спрятаться.Трава была зелёной,высотой в семь или восемь дюймов,и он по-видимому прополз в ней и где-то укрылся.Они начали поиск, а вскоре появилась остальная команда и присоединилась к ним. Каждый квадратный метр земли в миле вокруг был изучен,каждый кустарник и пучок травы,но мальчика нигде не было.Мы бросили поиски,потому что всё было бесполезно,и уехали в полном неведении того,что с ним произошло.

Спустя годы я узнал,что этим мальчиком был Герман Леманн,который ещё ребёнком украли у его родителей в округе Гиллеспи и удерживали в плену девять лет.За это время он стал совершенно индеанизирован, участвовал с принявшими его людьми в их войнах и рейдах за лошадьми,но пройдя этот отрезок своего жизненного пути,он возвратился к своей матери и со времени стал добропорядочным гражданином. В том бою мы захватили тридцать лошадей, которых переправили в округ Мэйсон и отдали их владельцам. В самом начале мы так быстро приближались к индейцам,что седлая свежих лошадей они вынуждены были их побросать.Мы забрали эти сёдла,но так как они были старыми и совсем никудышными,то мы их выбросили.

ГЛАВА 23. ЛИШЕНИЯ В МЕТЕЛЯХ, НАБЕГАХ И ТД.

Когда зима вступала в свои права мы не уходили далеко от лагеря, откармливали своих лошадей и проводили время с женщинами и на

охоте. Однажды, в холодный день, меня послали привести лошадей. Было пасмурно и повалил снег, но я продолжал идти и в итоге заблудился. Снег выпал толстым слоем и моя лошадь провалилась в расщелину и сломала себе шею. Я какое-то время пытался её вытащить оттуда, полагая, что с ней всё в порядке, но к сожалению она была уже мертва. К тому времени все следы были замечены. Я бродил кругами сквозь метель и буран до самой ночи и почти всю ночь. Наконец бросил это занятие и лёг. Я помню лишь как сильно страдал от холода, пока лежал там. Затем мне показалось, что я согреваюсь и подумал, что это наверное сон или видение. Снова и снова передо мной являлись покладистые олени, бизоны и антилопы, затем возникла старая сква и подала мне со вкусом зажаренное мясо, а потом всё исчезло. Следующей вещью, которую я осознал, было то, что я нахожусь в лагере и обложен бизоньим мясом. Затем я начал оттаивать и почувствовал, что мои руки, ноги, уши и нос, сильно обморожены. Меня растирали мясом, пока я не стал ощущать прикосновения и не начала циркулировать кровь. Затем меня посадили на брыкливую лошадь и она сбрасывала меня, а индейцы ловили её и опять усаживали меня на неё. Это продолжалось до тех пор, пока я не совершил несколько довольно жёстких падений. Затем они окунули меня в холодную воду, тщательно растёрли, уложили между двумя тёплыми одеялами и дали хороший кусок вкусного жирного мяса. Когда я поел, то мне дали какое-то время поспать. Потом меня разбудили и опять накормили хорошим куском зажаренной вырезки из горба бизона, и после этого я действительно сладко заснул. Вскоре я полностью выздоровел.

Весна наступала стремительно, и когда тепло окончательно установилось, мы отправились в поселения в набег за лошадьми. Меня оставили на три недели в кедровой чаще, где я без труда обеспечивал своё пропитание мёдом и мелкой дичью. Возвратившись они привезли с собой одного молодого воина, который сильно растянул ногу при падении вместе с лошадью. Я заботился о нём, пока другие смелые находились в набеге на востоке. Когда они вернулись, то вознаградили меня парой хороших лошадей и несколькими верёвками. Вполне обеспеченные мы возвратились в лагерь.

Мы немного отдохнули в лагере, а потом отправились в набег к реке Сан Саба и оттуда в округ Мэйсон, где нашли табун лошадей. Человек, претендующий на то, что он якобы его охраняет, просто крепко спал. Мы пустили в него стрелу и он пробудился на несколько мгновений, но лишь для того, чтобы погрузиться в сон от которого никто из людей никогда бы его не смог пробудить. Мы скальпировали его и забрали лошадей.

Только мы отъехали с этого места, как появился фургон. Мы недолго возились с его хозяином, скальпировав его живым, бросили умирать и распрягли и забрали его животных. После этого мы поспешили убраться. Следующей нашей забавой стал убой человека, который управлял упряжкой волов. Мы убили также его животных, высосали содержимое брюха и нижней кишки, ободрали толстую кишку, связали её с одного конца и заполнили водой, так необходимой нам в походе. Мы съели сырыми, пока они были ещё тёплыми, сердца, печёнки, лёгкие и почки, и смаковали кровь. Затем мы развели костёр, зажарили рёбра и пировали

мясом этих старых волов, в то время, как наши разведчики стояли на страже и наблюдали за окрестностями, чтобы вовремя увидеть белых, если они появятся. Отдохнув в том месте несколько часов, мы ехали на юго-восток, пока ночь не накрыла нас. Такие воровские набеги вовсе не были похожи со стороны на рыбацкую вечеринку или весёлую прогулку. Мы всегда проделывали всё молча, осторожно и быстро, постоянно держа наши глаза и уши открытыми.

Мы никогда не боялись регулярных солдат Дяди Сэма, так как знали, что у них много времени уйдёт на подготовку погони за нами, но зато боялись Техасских рейнджеров и пограничников, чьи винтовки всегда были заряжены и чья цель была точно определена. Они спали в седле и ели во время езды, или вовсе обходились без еды. Когда они брали след, то шли по нему решительно и упрямо, невзирая на время суток. Мы ещё кое-где своровали лошадей и повернули в сторону нашей штаб-квартиры. В одно ясное утро мы обнаружили окрестности вокруг себя, заполненные солдатами, и отчаянно сражались с ними. Несколько наших было убито, поэтому мы бежали на север и по пути встретили команчей и кайова. Но не здесь было наше место отдыха и мы были загнаны в горы Вичита, и даже там, среди этих гор, красный человек, которому принадлежала по праву эта страна и её богатства, не смог удержаться. Он должен был покориться неизбежности. Он должен был в большинстве своём сдать своё превосходство в мастерстве и сложить имеющееся огнестрельное оружие. К нам приехал Куана Паркер из команчей и убедил прийти в резервацию в форте Силл. Наши люди были собраны в большую кучу и пересчитаны как какой-нибудь скот. Отовсюду из Техаса приезжали белые люди, чтобы осматривать и забирать наших лошадей. Те белые дети, которые находились у нас, были обменены на скво и наших детей. Карновисте сказал, что он не терял никаких своих скво и поэтому он запретил выдавать меня, но я сам не хотел возвращаться, потому что научился уже ненавидеть собственный народ и поэтому постоянно прятался. Другие индейцы сказали белым, что вождь апачей Карновисте держит в своём лагере белого мальчика и поэтому солдаты начали меня искать. Я сидел в лагере вместе с Карновисте, когда появились синие мундиры с медными пуговицами. Я лёг на землю около вигвама и индейцы набросали на меня одеяла, уселись сверху и отрешённо курили, пока солдаты рылись в жилище. Один из офицеров не заходил внутрь, а разговаривал и курил с индейцами, озираясь по сторонам. Мой нос и рот погрузились в песок и я расплющился по земле как рогатая лягушка и едва мог дышать, но индейцы скорее убили бы меня, чем отдали. Наш вождь рассердился из-за того, что офицер так долго здесь оставался и задавал так много вопросов. Поэтому он созвал на совет своих мужчин и было решено уйти из резервации.

ГЛАВА 24. МЫ УБЕГАЕМ.

Все наши мужчины собрались в одном месте вместе с женщинами и детьми. Мы забрали всех лошадей, одеяла и ружья, которые смогли найти, и под покрытием ночи бежали. Наутро мы были уже далеко от форта и ненавистных белых. Мы передвигались по равнинам так быстро, как только могли, и вскоре вступили в свои старые убежища.

Мы нуждались в лошадях и поэтому было объявлено о набеге и наш отряд отправился в дальний путь к поселениям. Первая наша встреча пришлась на двоих мальчишек у реки Джеймс, один был уже почти взрослый, а другой немного по-младше. Они отчаянно дрались, но были пересилены, убиты и оскальпированы. После этого, в той же местности, мы украли много лошадей, и некоторые из них, как позже я узнал, принадлежали Велгу, Стоуну, Эллебрешту и Генри Кайзеру. В ту ночь мы добрались до Фредериксбурга, но не стали никого убивать, так как не хотели убегать от рейнджеров. Затем мы повернули в область Паксэддл Маунтаин. Возле Сэнд Крик мы заметили человека рубящего дерево, а рядом с ним пасся гнедой осёдланный пони. Он увидел нас, запрыгнул на пони и попытался ускакать. Когда мы совсем близко к нему приблизились, то он бросил свою лошадь, свой топор, слетевшую с него шляпу, и побежал в чащу. Вскоре он выбежал из неё и побежал к дому. Мы видели как он туда входил. В основном мы не болтались возле дома, когда знали, что в нём находится человек, потому и сейчас, забрали лошадь этого человека и продолжили свой путь дальше вдоль ручья. Проехав немного мы наткнулись на двадцать лошадей и забрали их. Потом пошёл проливной дождь, намочивший наши тетивы, и поэтому мы поспешили в глубь чащи и развели костёр, чтобы просушить их. Мы как раз увлечённо этим занимались, когда белые люди нас атаковали. Мы сплотились и совсем немного времени сражались, но потом индейцы все разом прекратили сопротивление и рассеялись. Те из нас, кто уцелел, отправились на запад, чтобы присоединиться к племени в условленном месте. По пути мы своровали в одном месте ещё лошадей и поспешили убраться оттуда. Мы обнаружили, что по нашему следу идут страшные рейнджеры, которые догнали нас на второе утро недалеко от Кончо. Произошла яростная схватка и все наши лошади без седоков были захвачены. Один индеец был убит, несколько ранено, но мы сумели бежать.

Мы повернули к тому месту, где нас должны были дожидаться все остальные из нашей группы, но прибыв туда никого там не нашли. Но зато мы нашли кости бизонов из которых была сложена картина, изображающая сражение с белыми людьми. Некоторые размещённые в определённом порядке кости указывали на то, что семь мужчин были пронзены стрелами, а фургон сожжён. Двенадцать костей размещённых по-особенному, указывали на двенадцатидневное путешествие. Мы проехали двенадцать дней и заметили вдали несколько, расположенных в ряд отдельных столбов дыма, которые указывали путь на запад. Это означало, что рейнджеров было слишком много и они так страстно преследовали индейцев, что тем пришлось переместиться западнее. Кроме того, это говорило о том, что за ними неотступно гнались и они предупреждали нас о внимательности, а также просили поспешить к ним на помощь. После этого мы проехали на запад примерно сто миль. В этой местности было мало воды, но мы знали точно, где находится источник. Теми белыми людьми, которые шли за индейцами из нашей группы, оказались солдаты, а не рейнджеры, и индейцы завели их в такие места, где воды не было совсем. Мы знали, что из этого получится и поэтому наполнили наши водные мешки и поехали за солдатами. Вскоре нам стали попадаться туши мёртвых лошадей, а затем мы наткнулись на человека, почти умиравшего от жажды. Мы его

раздели,оскальпировали и расчленили. Затем мы поехали дальше и наткнулись ещё на восьмерых. Они разделили участь первого. Эти солдаты проходили недалеко от водного источника,но он находился в углублении и индейцы его хорошо замаскировали. Мы видели куда поехали другие солдаты и знали,что все они погибли в сухих песках,поэтому отклонились вправо на след наших людей. Мы нашли их возле источника ,но все они были в ужасном состоянии. Их лошади были загнаны и многие скво и дети шли пешком и страдали от жажды. Опустошение,разорение и полное уничтожение,смотрели прямо нам в лицо.Среди тех солдат было сколько- то негров,и многие из индейцев впервые их увидели.Индейцы думали,что эти негры вышли из воды,так как наша тень всегда чёрным отображается в воде. Мы называли их «бизоньи солдаты», потому что они имели кудрявые,курчавые волосы, и голову,как у бизона. Наши стрелы не могли пробить их черепа. Я помню,как однажды наш вождь говорил нашим воинам,что в бою с «бизоньими солдатами» никогда не следует стрелять им в головы,так как черепа у них были слишком твёрдыми и отбивали стрелы,расплющивали пули, ломали копья и затупляли пики,и поэтому,чтобы уверенно убивать их,нужно стрелять им точно в сердце.

Находясь возле этого источника,мы настреляли для себя разного зверья и поймали немного мустангов. Оттуда мы отправились к истокам реки Пекос в сторону Скалистых Гор. Лишь там мы могли наконец обрести спокойствие,лечь и отдохнуть всласть. По-началу дичи было достаточно,но по мере нашего там проживания,её становилось всё меньше и нашим лошадям уже негде было пастись. Мы проткнули отверстия в ушах наших молодых лошадей и прогнали их к подножью гор,чтобы они сами выживали. Но мы оставили всех старых,потрёпанных мулов,чтобы было чем самим кормиться. В первый день мы убили древнего ободранного серого мула.Его спина была сплошной мозолью от индейского седла. Мы съели его и высосали его шкуру и кости,чтобы получить все пригодные для пищи вещества. Заросшие болячки были первыми съеденными нами частями.Они были сладкими и нежными. Потом пошёл снег и мы находились в этих высоких и холодных горах,без огня,без еды и без укрытий. Если спускаться вниз по таким крутизнам в дождь со снегом, то малейшее скольжение означало бы для нас встречу с вечностью,а подъём вверх был просто невозможен,и поэтому мы были обречены там на голодную смерть. Мы убивали и ели подряд всех своих мулов, обсасывали их шкуры и кости как голодные собаки, грызли и пережёвывали собственные мокасины,и рыдали над своим прискорбным положением. Здесь не было ни сострадательного солдата,ни мстительного рейнджера,с кем мы могли бы сражаться,но мороз и голод были более кошмарной вещью. Мы кропотливо прокладывали себе путь вниз к подножью этих гор и когда наконец добрались до долины,то обнаружили,что большинство наших лошадей,которых мы отпустили, хорошо попаслись и находились в удовлетворительном состоянии. Нам повезло настрелять некоторое количество дичи и наше пробавление(питание) несколько улучшилось. Потратив какое-то время в этой местности,мы повернули к нашим старым охотничьим угодьям. Мы претерпели так много трудностей,что многие из племени получили отвращение к свободе и пожелали вернуться в резервацию. Был созван

совет и мы решили возвратиться туда и больше не уходить. Коммиссионеры в резервации разрешили нам разбить собственный лагерь в 25 милях от штаб-квартиры агентства, так как мы пришли добровольно, и по той же причине нам было предоставлено больше свобод, чем тем племенам которых вынудили придти и сдаться.

ГЛАВА 25. КАРНОВИСТЕ УБИТ.

В резервации у торговцев можно было свободно купить виски самого мерзкого сорта, который провозился в неё и продавался индейцам, несмотря на предусмотрительность солдат. Сегодняшняя деятельность бутлегеров носит такой же характер. По-моему напиток, предлагаемый сейчас, почти соответствует той бурде, которую приготавливали и продавали бедным недотёпам дикарям. Когда этот виски привозили в лагерь, то последствием всегда были ссоры и драки. Когда мы пили, то неизменно вспоминались старые распри и обиды, которые раньше случались между различными группами нашего племени, и за этим неизбежно следовали суматоха и убийства. Одна из таких пьяных склок закончилась смертью Карновисте, моего самого лучшего друга и хозяина одновременно, и мне пришлось бежать из племени навсегда. После одной общей попойки, одна недружественная к нам группа пришла и потребовала у некоторых наших воинов дать им «огненной воды». Вслед за этим последовала драка и один из наших воинов был ранен в живот. Через несколько дней мы ответили им тем же, когда пришли в их лагерь и помогли себе сами в приобретении некоторого количества «пива». Произошла яростная схватка и одна из двух групп была бы истреблена, если бы не вмешались солдаты. Так как агрессорами на данный момент являлись мы, то ожидалось, что нас хорошо накажут, и тогда мы собрали все наши силы и решили выкрасть лошадей у другой группы и опять убраться из резервации. Но до того, как отправиться к ним, мы решили устроить большой запой, так как торговцы только что, доставили нам хороший груз «огненной воды». Эта попойка оказалась наихудшей, которую я когда-либо видел. Скво падали и резали друг друга буквально на куски. Одна скво во время пьянки изменила своему мужу. Тогда он обрезал жене нос и заставил идти в вигвам человека, который воспользовался ей в нетрезвом состоянии, и скво пришлось подчиниться. Эта пара вынуждена была уйти жить на самый край нашей деревни. Несколько скво скончались от выпитого и поэтому их мужья разозлились и начали ссориться. Одни из нас погнали других к месту, где расположились солдаты, а затем многие из нас забрали все свои вещи, виски, и убежали на равнины. Мы ехали целые сутки не останавливаясь, и разбив лагерь в скрытом, прохладном и затенённом месте, приготвили для шумного веселья. Внезапно десяток воинов нашего же племени атаковали нас. Не в нашем характере было выставлять в таких случаях превосходящую команду, поэтому десять из нас вызвались сражаться с этими, но когда они готовились к бою, то противники убили одного из наших и бросились бежать. Карновисте приказал мне наклонить свой щит и помочь рассеять трусов. Он, я и ещё некоторые наши товарищи, сели на наших самых быстрых лошадей и пустились в погоню. Мы преследовали их пять миль до места, где они приготвили нам

западню и мы очень глупо въехали прямо в неё. Казалось, что индейцы появились из земли и начали расстреливать нас. Все наши товарищи были убиты. Я и Карновисте развернулись и медленно двинулись в обратный путь, и это в некотором роде напоминало отступление с боем, которое длилось, пока мы не оказались примерно в четверти мили от нашего лагеря. Тут двое или трое из них настигли нас и произошёл рукопашный бой. Пики, копья и томагавки, оживлённо летали какое-то время, и я был слишком увлечён этим занятием, чтобы обращать внимание на то, что происходит вблизи от меня. Тут воин поднял своё копье, чтобы закончить мои дни, но Карновисте заметив его движение, сделал выпад со своей пикой в его сторону. В тот же момент знахарь убил Карновисте. Знахарь посчитал, что его невозможно убить, что враги не смогут поразить его, пока он не ест свиное мясо. Я тоже думал, что его нельзя убить. Когда Карновисте упал, знахарь подошёл ко мне наставив на меня свой винчестер и размахивая при этом своим щитом. Он сказал мне: «Это твой последний день. Сейчас ты умрёшь». Я забежал за большой валун и ответил: «Ты или я». Я имел только лук и стрелы, но зато был полон решимости дать решительный бой и попытаться отомстить за смерть Карновисте. Другие воины поспешили в наш лагерь, разумеется полагая, что я не ровня знахарю. Он выстрелил два или три раза по мне, но пули срикошетили от моего щита. Я обежал вокруг валуна и оказался по другую сторону от знахаря, который был уверен в своей победе. Я всегда ненавидел этого старого дьявола, так как он никогда не упускал возможности по-издеваться надо мной. Но я, будучи всего лишь беспомощным мальчиком-пленником не мог воспротивиться его возмутительному обращению. Теперь всё было по-другому. Моё сердце было наполнено ненавистью, которая нашла своё высвобождение после гибели моего вождя. Я стал холодным и собранным и когда бежал на другую сторону скалы в четвёртый раз, то резко обернулся и послал стрелу под своим щитом точно ему в желудок. Он вскинул руки и я позволил ещё одному оперённому древку проникнуть в него. Я опасался, что он не настолько мёртв, каким пытался казаться, и поэтому пустил в него следующую стрелу, которая вошла точно в сердце. Он закатил свои глаза и умер, издав слабый вздох. Карновисте был отмщён! Я поднял его щит, снял с него ремень и пристегнул его себе на пояс. Затем забрал его винчестер, патроны, и почувствовал, что способен наказать всех тех, кто напал на нас сегодня. Я знал, что о смерти знахаря скоро станет известно, но тем не менее гордился своей победой. Поднявшись на возвышенность я наблюдал за воинами в нашем лагере. Я слышал их пронзительные победные возгласы, когда они рассеяли и уничтожили всю нашу группу. Я слышал вопли и стоны скво. Наконец я увидел, как некоторые из воинов вышли из лагеря и нашли тело знахаря, и вслед за этим поднялся дикий вой. Я спрятался среди скал в горах и несмотря на то, что они прилежно меня искали, найти меня они не смогли. Наступила ночь, и с её приходом я остался совершенно один в этом мире, без друга или покровителя, преследуемой и ненавистной вещью, подлежащей немедленному уничтожению при обнаружении. Все мои друзья погибли. Куда мне было пойти? Холмы, или верней цепь холмов, которая дала мне укрытие, протянулась далеко на север от нашей деревни и образовывала затем полукруг. Место боя, где был убит Карновисте, было почти точно на

запад от деревни. Понимая, что поисковые партии рано или поздно начнут меня искать, я пошёл в другую сторону на вершушку гребня к северу от деревни, и просидел там до полуночи. Я мог надеяться только на бегство. Но куда? В то время апачи и команчи как раз находились в не очень хороших отношениях, несмотря на договор между ними, заключенный некоторое время назад. В любом случае, без знания языка команчей, если наткнусь на них, то они могли меня убить. Всё же я решился поехать, но прежде подумал, что до отъезда мне нужно как-то пробраться в деревню и поговорить с сестрой Карновисте по имени Ит. Она всегда была добра ко мне и я полюбил её нежно. Между прочим, эта женщина до сих пор жива, ну или была жива около двух лет назад (в 1925 году), когда я получил от неё письмо (которое она кому-то надиктовала), и в нём она просила меня приехать, чтобы увидеться, пока она не умерла. Она сообщала, что почти ослепла и очень немощна. Она жила в резервации апачей в Нью-Мексико. Вы наверно удивитесь почему я не решился увидеть эту женщину вновь. Я просто не имел смелости опять очутиться среди этого племени, так как ещё живы кое-какие воины, которые особо не раздумывая могли отомстить мне за смерть знахаря.

Когда я оказался в деревне, то рассказал Ит, как Карновисте умер, и как я, в свою очередь, убил его убийцу. Она поблагодарила меня и сказала, что никогда меня не забудет, но призвала меня не медля бежать отсюда. Она дала мне одеяла и продукты, и сказала, чтобы я пошёл в табун и взял там одного коня, который отличался выносливостью и крепким телосложением среди всех других скакунов племени. Он была серой масти и я выиграл с ним много скачек. Со слезами и всхлипываниями мы попрощались и я пошёл к табуну. Сейчас настал трудный момент для меня, когда я добровольно отказывался от прежних взаимосвязей и товарищества, и приступал к новой жизни, которая была мне неизвестна. Стараясь не издавать шума я собрал вместе своё оружие, боеприпасы и продукты, подполз вплотную к лошадям и нашёл того серого, вышеупомянутого, самого быстрого в табуне. Из-за уважения, которое я питал к Ит, я бы скорее умер, чем взял другую лошадь. Я влез на него и направился в ту сторону, о которой я имел мало представления. Я лишь знал, что там я буду совершенно один, изолирован как от индейцев, так и от белых. Не будет никого с кем я смог бы поговорить, ни друга, ни просто знакомого, ни даже врага.

Получая для себя лошадь, я шёл на неминуемый риск и лишь после полуночи наконец выбрался из табуна. Я поехал на восток и находился в многих милях от деревни, когда взошло солнце. Я находился на раскинувшейся равнине, с далеко на севере видневшейся низкой грядой холмов. Эта равнина была полностью лишена растительности, не считая кактусов и полыни. Почва была рыхлой и песчаной и это меня несколько беспокоило, так как мои преследователи легко могли меня на ней проследить. Весь день я и мой конь страдали от жажды, но ближе к вечеру мы достигли полноводного ручья. Солнце находилось в зените, когда я там оказался, и утолив свою жажду поехал к горному кряжу, который возвышался немного восточнее от места водопоя. На верху хребта я нашёл небольшую лошадку и там спешил и позволил коню попасть несколько часов. Сам я взобрался на венчающий хребет скалистый пик, чтобы осмотреть путь по которому приехал, насколько это

возвышение конечно мне это позволяло сделать. Солнце уже почти опустилось и мне понадобилось полчаса, чтобы разглядеть всадников далеко на западе прямо на моём следе, которые пока были не более, чем пятнышками на горизонте. Я возвратился к коню, поспешно запрыгнул на него и продолжил своё путешествие, и мои прежние друзья апачи, были последним, что я видел человеческого в течение следующих нескольких месяцев.

Прежде, чем завершить эту главу, я хочу сказать, что одним из апачей, укравших меня, был брат Карновисте, который позже стал вождём племени, и его не было с нами во время боя, когда Карновисте был убит, и поэтому он остался жив. Имя этого вождя, - Чиват. Теперь он живёт с команчами в Оклахоме. Он ещё появится в описаниях в этой книге. Пинеро и Исакони живут там же.

ГЛАВА 26. Я ВЕДУ ЖИЗНЬ ОТШЕЛЬНИКА.

После многодневной поездки по сухой равнине, изрезанной холмами и песчаниками, я почти умирал от жажды и голода, когда достиг глубокого суживающегося каньона, по дну которого струился мелководный поток чистой, прозрачной воды, и по его краям росли тополя. Мой конь полностью обессилел и большую часть дня я провёл возле своего верного животного. Стены каньона вздымались почти перпендикулярно и я испытал некоторые затруднения в поиске места спуска к ручью. Наконец я увидел ведущий вниз склон и когда оказался уже в каньоне, то нашёл там не только хорошую воду, но и обилие хорошей травы. Здесь я обрёл свою обитель. Сколько я оставался в этом каньоне, сейчас уже не могу сказать, но точно, что месяцев шесть или восемь, а может и дольше. В своём первом исследовании каньона я нашёл оленье тропы, а также следы других диких животных, которые использовали ручеек как водопой, а позже оказалось, что дичи там было очень много. После нескольких недель жизни в уединении, я начал свыкаться со своим одиночеством. Всех людей я уже считал своими врагами. В удобной пещере в стене каньона я нашёл себе приют и укрытие на ночь, а когда звери спускались на водопой недалеко от моего тайного места, мне не приходилось бродить, чтобы добыть себе еды, вне пределов теснин каньона. Всё же я постоянно ощущал чувство опасности, тяготеющего надо мной предчувствия беды, которая должна придти, а также мучительного страха из-за того, что здешнее обилие травы привлечёт внимание моих врагов и тогда я буду убит.

В такой обыденности, мимо проносились дни, недели и месяцы, пока в одну светлую ночь я не был разбужен странным звуком. Не могу сказать, что это было на самом деле, но мне тогда показалось, что это был человеческий голос. Я вышел из своей пещеры и через несколько минут услышал громкий смех! Было полнолуние и каньон почти также просматривался, как и днём. Обойдя скальный выступ около моей пещеры я посмотрел на дно каньона и в трёхстах ярдах от себя увидел большой лагерьный костёр и очертания людей, ходящих возле него, а также слышал человеческие голоса. Скрываясь за ивами, растущими по берегам ручья, я подполз достаточно близко к лагерю и с крайним смятением обнаружил, что это апачи, и я знал каждого из них. По-видимому они

возвращались из набега в Техасе, так как у них был большой табун лошадей, который они загнали в ущелье ниже своего лагеря, попав туда с обратной стороны каньона. Я возвратился в пещеру, собрал имевшиеся запасы сухой оленины, оседлал свою лошадь и прошёл какое-то расстояние до прохода, который служил выходом на находящиеся выше равнины. Я поскакал на восток, не зная куда мне податься, и это ощущение было ещё большим, чем в прошлый раз, когда я спасал свою жизнь бегством от того же врага.

Я ехал уже несколько дней и переправился через множество стремнин. Несколько раз я видел людей, которых принял за белых и мексиканцев, и я уклонялся от них, так как знал, что они схватят меня, потому что я был апачи, то есть врагом всем остальным людям. Потом я поехал на юго-восток, постоянно находясь настороже, чтобы белые или индейцы не застали меня врасплох. Я был земным скитальцем. Я приехал к потоку и некоторое время оставался там. Собрал юкки и повилики я кипятил их в воде, пока она не стала липкой. Затем я вымыл этим отваром свои волосы, которые стали длинными, прямыми и красивыми.

У меня когда-то было двадцать восемь патронов к винчестеру и каждый из них свалил оленя, антилопу или бизона. Боеприпасов хватило мне на довольно продолжительное время, так как я их расходовал экономно и часто использовал лук и стрелы, чтобы добывать дичь. Когда патроны закончились, то я перевёз своё ружьё в одно место между Пекос и Рио Гранде и спрятал в пещере. Я боялся мексиканцев, американцев и всех остальных, но моё ружьё больше ничем не могло мне помочь. Я не хотел избавляться от него совсем и поэтому запомнил это место, чтобы вернуться за ним, когда оно мне понадобится. Я думаю ружьё по-прежнему в этой пещере, потому что я так и не съездил за ним.

В той местности дичи было очень мало и поэтому мне приходилось есть плоды кактуса, колючую грушу (сотол) и другую растительность. Я отправился на север и через небольшое время мои запасы воды и еды полностью иссякли. Я видел повсюду антилопу, но не мог их подстрелить, поэтому семь дней был без питья и пищи. Я уже почти был готов сдаться, лечь и умереть, когда наконец наткнулся на хорька. Я его убил, сварил и съедл небольшими кусочками, так как слишком долго не ел и опасался съесть его одним разом, ну к тому же корма вокруг было совсем мало. Скоро я набрёл на мутную лужу. Я положил на её гладь траву, чтобы во время питья не нахлебаться мух и других насекомых. Я напоил и полил водой своего коня и оставил его отдыхать, а сам поел ещё хорька, попил мутной воды, и наконец почувствовал прилив свежих сил.

Затем я продолжил свой путь и наткнулся на несколько бизонов. Выбрав маленького телёнка я накинул на него аркан. Затем я дёрнул малыша вниз и протащил его короткое расстояние, а затем посчитав, что смогу справиться с ним, соскочил с лошади, чтобы перерезать ему горло, но маленький паренёк встал, боднул меня так, что я упал, а потом перешёл через меня. Я поднялся, но он сбив меня, прошёлся по мне снова. Даже и не пытаясь встать, я снял с плеча свой лук. У меня имелось пятьдесят стрел и все их я воткнул в этого маленького бизона. Однако я был настолько обессилен, что не смог его убить и он продолжал меня бодать

по всему телу. Наконец мне удалось добраться до своей лошади, влезть на неё и поехать вместе с телёнком на конце аркана. Я тащил его пока он почти совсем не выбился из сил, и тогда я уже смог его повалить и добить. Наконец-то я устроил себе настоящий пир. Я разрезал телёнка и как обычно поел тёплой печени, а из брюшка попил кислого молока, которое там оказалось, а затем довольно долго отдыхал. Позже я содрал с него шкуру и освеживал. Затем поел ещё внутренностей и стал готовиться к приготовлению мяса. Я нашёл две сухих палки и стал тереть их друг о друга, делал новые вырезы и опять тёр, но я был настолько слаб, что никак не мог добыть огонь. Всё же благодаря напряжению всех сил наконец показался маленький дымок. Я начал дуть на кромку и вскоре мелькнула искорка и вслед за ней появилось небольшое пламя. Мне необходимо было быть очень осторожным, чтобы не допустить возникновения большого столба дыма. Когда я нарезал мясо, то был очень аккуратен, чтобы не обидеть Великого Духа. Если индеец нарезал его стружками, резал или проделывал отверстие в куске мяса до или во время приготовления, то он оскорблял Великого Духа и неизбежно обуславливал этим возникновение несчастий в своей поездке. Если кто-либо в индейском лагере проталкивал палку сквозь кусок мяса, то он немедленно изгонялся прочь, а то и вовсе мог быть убит.

Я придерживался всех этих суеверий, потому что верил в них, и делал так, как меня учили. Я съел всё, что смог осилить, покурил и переехал в другое место. Там я снова поел, покурил и опять переехал. Вечером я положил свою голову на мясо и вскоре заснул. Я не привязывал своего коня, так как знал, что он не бросит меня. Ночью я услышал как он фыркнул и подбежал ко мне. Я схватил своё мясо и другие вещи, запрыгнул на коня и ускакал. Такие ночные переезды не были чем-то необычным для меня. Скоро я убедился, что за мной никто не едет и тогда спешился и опять лёг спать. Но потом снова был разбужен и в этот раз увидел то, в чём заключалась проблема. Большой обжора лобо(волк) почуял запах мяса под моей головой. Разумеется я посчитал, что это индейцы нарядились в волчьи шкуры, чтобы близко ко мне подползти. Я вскочил и пустил стрелу, которая завершила волчью карьеру, потом развернулся и стрелял ещё и ещё, пока не убил пять волков, а несколько оставшихся убежали.

ГЛАВА 27. Я ИЗГОТОВЛЯЮ СЕДЛО.

Вскоре я очутился на самом настоящем бизоньем пастбище, а значит еды теперь у меня было достаточно, а вот моё седло, сделанное из раздвоенной палки, натирало спину лошади, поэтому я решил изготовить другое, более удобное. Я обжёг и обработал несколько шкур. К счастью среди моих владений имелись напильник и кусок стальной пластины. Я срубил жердь и прикрепил эту пластину на одном её конце, а другой конец воткнул в землю. Я тёр внутренней стороной шкуры об сталь, пока вся мясо не содралось. Потом я на шкуре разложил мозги животного, чтобы она стала мягкой и гибкой. Процесс шёл медленно, но времени у меня было более, чем достаточно. Я срубил иву, вырезал из неё рогулину и выстрогал её до формы деревянного седла, а затем покрыл

это необработанный бизоньей шкурой, шерстью вверх, обтянул выделанной шкурой, а затем снабдил стремянами и т.д. Стремяна я изготовил, согнув ивовые прутья в кольцо и обтянув их полосками шкуры. Затем я накрыл седло бизоньей шкурой и подрезал её вниз так, чтобы она представляла собой спереди защитные щетки. Я замерил длину спины лошади и подогнал седло под неё. Эта работа по установке седла была долгой и кропотливой, но мой труд и настойчивость были вознаграждены седлом, великолепно подогнанным и удобным при езде, а также представлявшим собой настоящую антикварную вещь. Я распорол бизонью шкуру на полосы, напоминающие чёрного полоза, и изготовил из них себе мокасины, обработав полосы напильником, и сшив шилом, используя сухожилия как нитки.

Я ездил по окрестностям, постоянно меняя своё место пребывания, до того момента, когда оказался перед каким-то поселением и увидел двух перемещающихся верхом людей. Я развернулся и поскакал в другую сторону так быстро, как мог это делать мой жеребец. Я двигался в сторону Пекоса и однажды убил медведя, развёл костёр и приготовил себе прекрасное жаркое. Тогда у меня была вкусная, жирная еда.

Обычно почвы в местах, которые я выбирал себе для отдыха, были каменистыми и лишены комфорта, но за всё время я ни разу даже не кашлянул. Вскоре мне минул шестнадцатый год. Ночами, лёжа на спине я разглядывал небесную панораму, тысячи блестящих орбит и конфигураций, необыкновенной красоты. Я смотрел на звёздный небосвод, на этот синий купол, а потом на свой щит, и видел, что звёзды находились на нём в том же положении, что и на небе, а значит в пасмурные дни мой щит мог служить не только защитой, но и как компас.

Я возвратился на равнины в наши старые охотничьи угодья, и расположился на водопое в ожидании антилоп, которые должны были прийти сюда попить, а я тогда убил бы их. Мой конь был жирным из-за изобилия травы. Как-то ночью я услышал бегущих диких животных и взвизгивание как у пумы, но я не думаю, что это было животное. Всё-таки звучало это не совсем правильно. Затем начали выть волки и это было уже точно не похоже. Теперь я был уверен, что где-то рядом со мной индейцы, но имитация звуков была не из моего племени. Я лежал не шевелясь, напряжённо вслушиваясь. Гремучие змеи казалось были сейчас более кишачими, чем обычно, так как со всех сторон я слышал их трещотки. Казалось, что весь животный мир взбудоражился. Я тихо оседлал своего коня, забрал своё оружие и вещи, и скользнул в темноту ночи. Наутро я увидел много признаков индейцев, и они говорили о большом их отряде. Я видел их лошадь, но не стал её воровать, потому что у меня была собственное хорошее животное, а от этой не было бы никакой пользы, так как продать её было некому.

Я выехал на равнины и заставил прокладывать путь свои мокасины. Пределы досягаемости воды были покинуты и мои запасы еды иссякли. Несколько дней я искал дичь и воду, и когда наконец наткнулся на источник, то сначала подпустил к нему коня, но следил, чтобы он не перепил. Я находился около этой воды три дня и не хотел уходить оттуда. Потом я поднялся на возвышенность по соседству и увидел приближающихся индейцев. Сбежав с холма я запрыгнул на лошадь и поскакал прочь оттуда. Так или иначе, но мне пришлось вернуться в

местность, где были бизоны и я не спешил её покидать, разъезжая по ней и иногда натываясь на старые брошенные места лагерей белых охотников, и там я порой находил полезные для себя вещи. В конце концов я устал от одиночества и решил найти себе каких-нибудь друзей, и как-то мне пришла в голову мысль, что неплохо бы присоединиться к команчам. Я часто встречал их, пока жил с апачами, и несмотря на то, что не понимал о чём они говорят, запомнил некоторые знаки, с помощью которых они изъяснялись, и поэтому был уверен, что смогу освоить их язык. Мне пришёл в голову вопрос, - а в каких отношениях они сейчас с апачами и с белыми? Ведь прошёл почти год, как я покинул апачей, и два этих племени могут сейчас быть как в мире, так и в войне. Так или иначе, но я решил испытать своё везенье.

ГЛАВА 28. Я СТАНОВЛЮСЬ ВОИНОМ КОМАНЧЕЙ.

Однажды утром я разглядел отряд индейцев и вскоре понял, что это команчи. На безопасной дистанции от них, чтобы оставаться незамеченным, я весь день ехал за индейцами и понаблюдал уже ночью, как они вступают в свой лагерь. Подождав какое-то время, той же ночью я приблизился к лагерю, чтобы провести кое-какие исследования, прежде, чем открыться им, так как не знал как они меня встретят и поэтому хотел избежать ненужного риска. Привязав коня на удобной дистанции от лагеря, чтобы в случае чего первым завладеть им, я не мешкая отправился к лагерю. Подойдя почти вплотную к нему, я снял свой лук и стрелы, подполз совсем близко к костру и прислушался. Индейцы, сидевшие вокруг него, разговаривали и смеялись, и казалось находятся в весёлом настроении. Обычно команчи являются весёлыми людьми и любят по-доброму пошутить и посмеяться, а апачи напротив, всегда угрюмы и никогда не смеются, за исключением тех случаев, когда кому-нибудь больно или кого-либо из них постигло несчастье. По-видимому эти ребята рассказывали о своих дневных приключениях, но я не мог понять, что именно они говорили. Пробыв там минут двадцать или тридцать, я набравшись достаточно мужества, решился на очень смелую вещь. Я просто взял и молча, без всякого предупреждения, подошёл прямо к ним. Моё внезапное появление ввергло их в оцепенение. Издавая пронзительные боевые кличи и вопли, все эти смелые вскочили на ноги и мгновенно скрылись в темноте, оставив меня одного стоять в отблесках костра. По-видимому я выглядел злобно-смотрящим индейцем, с длинными нечёсаными волосами, странного и неопрятного вида. Так я там и стоял, задаваясь вопросом, вернутся ли они, чтобы убить меня? Скоро они взяв себя в руки, стали возвращаться в вопящей и орущей атаке, и почти молниеносно окружили меня. Я показал им знаками, что пришёл с миром, и попытался показать, что являюсь всего лишь несчастным одиноким индейцем, голодным и лишённым друзей. Первыми кто ко мне подошёл, были несколько их скво. Одна старая женщина со свирепым лицом и к тому же одноглазая, встала прямо около меня и что-то возбуждённо затараторила, но я не мог ничего понять. Я выглядел диким, юным и робким и не мог смотреть в один глаз старой чертовки, которая поставила моё существование на грань уничтожения. Позже я узнал, что она хотела, чтобы меня убили прямо там, на месте, уверяя, что я принесу

им проблемы. Но тут подошёл молодой воин и заговорил со мной на языке апачей. Я сказал ему, что в силу определённых обстоятельств оказался и жил среди апачей, и был изгнан из их племени, потому что убил знахаря, который убил моего вождя и хозяина. Также я сказал, что по рождению являюсь белым человеком, но воспитание у меня индейское; люблю индейцев и ненавижу белых; что на моём щите имеются скальпы белых, убитых мной в бою и, что моя собственная раса считала меня смертельным врагом. Ещё я сказал, что находился в подчинении у второстепенного вождя по имени Карновисте, который возглавлял небольшую группу воинов, но теперь они все мертвы, погибли в пьяной драке. Затем я объяснил ему, что навсегда покинул апачей и все они меня разыскивают, чтобы забрать мою жизнь, и я хочу стать команчем, остаться с ними жить навсегда и участвовать в их войнах с апачами и белыми. Я рассказал им о многих случаях, которые им тоже были известны, а затем выступил вперёд один смелый и сказал, что как-то видел меня с апачами, что я соревновался с ним в скачках и он знает и Карновисте и его апачей. Выслушав мой подробный рассказ, который я изложил правдиво, ничего не приукрашивая, они сказали мне, что я могу с ними оставаться столько, сколько пожелаю и, что могу отправиться с ними к основной массе их племени, к которой они выступают утром. Они пообещали мне, что их большой вождь по имени Котопа, встретит меня доброжелательно. С двумя смелыми мы сходили за моим конём. Скво обильно накормили меня, постелили мне удобную соломенную постель, и впервые за много месяцев я ощутил себя наконец в кругу друзей. Впервые я уснул с ощущением довольства и безопасности.

Утром мой конь и я стали центром притяжения, потому что некоторые храбрецы попросили меня поучаствовать с ними в скачках. Они хотели поторговаться со мной за этого великолепного коня, но я не собирался с ним расставаться. В течение многих месяцев одиночества он был моим единственным компаньоном и я очень к нему привязался. Они предлагали мне за него лошадей, ружья, одеяла, щиты, а один пожилой воин отдавал даже свою дочь, но я был непреклонен в своём решении сохранить для себя своего верного коня.

Затем мы отправились к основной массе племени, и когда через несколько дней прибыли к месту назначения, всё племя доброжелательно меня приняло, выслушав рассказ о моих скитаниях. Вождь созвал своих воинов и они какое-то время посоветовались, а потом через переводчика мне было сообщено, что я буду принят в племя, если только навсегда пожелаю остаться команчем, если буду помогать им в борьбе против их врагов и никогда не уйду к белым людям. Я выдал перед ними продолжительную речь, в которой сказал, что являюсь индейцем, ем сырое мясо, пью тёплую кровь волка, чтобы это придало мне свирепость этого дикого зверя; а также, что свои стрелы я намазываю ядом гремучей змеи, чтобы быть уверенным в том, что они убьют ненавистного белого человека, когда полетят в его сторону. Мои слова порадовали их и мы сели в круг и выкурили трубку мира. Покурив, мы все поднялись и прошли по кругу, приложив свои руки к своим сердцам и воздевая их к небу.

Этот процесс начинался медленно, но по мере дальнейшего хождения, мы ускорялись, многократно прикладывая руки к своим грудным клеткам и

поднимая вверх, подобно современным школьникам, делающим ритмичную гимнастику. Это продолжалось определенное время, несомненно с целью узнать сколько я могу такое вынести, а затем я предстал перед главным вождём для проведения своего рода ритуала, в котором я обещал добросовестно исполнять все обязанности воина команчей, которые включали в себя помощь, охрану, защиту в отношении тех, кто мне вверялся и кем я был окружён, а также подчинение своему вождю при любых обстоятельствах, как в мирное время, так и в военное. Вот так я был принят в племя и стал команчем. С тех самых пор я по-прежнему остаюсь команчем и по сей день сохраняю все те привилегии, которые они мне даровали в тот торжественный день. Также все команчи признают меня своим соплеменником, всякий раз, когда мне нужно подтвердить свою причастность к племени.

Мне было дано команчское имя Монтичема и до сегодняшнего дня я значусь в племенных списках в Вашингтоне, как Монтичема Герман Леманн. Мне было позволено выбрать семью, с которой я буду жить, став её членом, и после некоторых раздумий я избрал Котопу, который мог говорить на языке апачей, своим братом, и я никогда потом не пожалел о своём выборе, так как Котопа во многих отношениях был действительно как брат мне.

ГЛАВА 29. МОЙ ПЕРВЫЙ НАБЕГ С КОМАНЧАМИ.

Команчи казалось признали мою правочность и привилегии с самого начала, так как вскоре вождь, выбиравший воинов для набега на поселения белых, сказал, что я иду с ними. Он спросил у меня знаю ли я местность, в которую мы собираемся, и я ответил, что часто там бывал с апачами и фактически это была та самая местность, где я был ими захвачен; что там имелось много хороших лошадей, и мы можем получить их всех, а он сказал, что знает про то, что я ему говорю, так как он и его народ жили там много лун назад, пока не пришли белые люди и не забрали у них эти охотничьи земли.

Прежде, чем отправиться в набег, было решено переместить к северу основной лагерь. Скво разобрали вигвамы, уложили вещи, привязали всё это к шестам травуа и мы двинулись вперёд. По мере нашего неспешного передвижения мы убивали дичь и сушили мясо. Команчи держали наблюдателей и охрану по сторонам, также как и апачи, и лишь один наш вождь мог планировать наши маршруты, выбирать подходящие места для лагерей, направлять набеги и военные экспедиции, а также быть главным управляющим всего остального, а когда наши рейдовые отряды уходили в путь, то самые наши лучшие знахари оставались в лагере вместе с скво, чтобы заниматься ранеными, которых отправляли домой для внимательного ухода, кормления, в отличие от апачей, всегда забиравших с собой в набег своих самых лучших знахарей.

Мы спокойно ехали, когда вдруг поступил тревожный сигнал от наших разведчиков. Не нужны было никаких дополнительных указаний, каждый понимал, что значит этот сигнал, и индейцы всегда были готовы к войне, неважно с кем или зачем. Мы поскакали на опережение скво и каждый из нас старался в этот момент вырваться вперёд. Мы не

проехали далеко, когда увидели мексиканский караван, а они заметили нас. С криками и стрельбой мы окружили его. Мексиканцы в спешке всё побросали и скрылись в густом чапарале. В фургонах мы нашли двух девочек и мальчика. Некоторых мексиканцев мы убили и оскальпировали, и всё завершив в этом плане, начали изучать фургоны и нашли в них разный товар. Перед тем как сжечь фургоны, мы забрали всё их содержимое, - табак, сахар, порох, свинец, патроны, ружья, а также одеяла и одежду. Спешно убравшись с этого места, мы проехали примерно миль пять и наткнулись ещё на одну группу перевозчиков. Эти оказались очень сильны и поэтому мы не стали нападать, а только забрали всех их лошадей, оставив их пешими. Переместившись ещё немного, мы нашли идеальное место для лагеря и решили какое-то время здесь отдохнуть. Разбив лагерь, мы развесили на шестах скальпы и провели большой танец скальпа, во время исполнения которого скво шли налево, а воины направо, совершая телодвижения, вопя и выкрикивая, и это продолжалось до утра и часть следующего дня. Затем наступил делёж добычи.

Находясь там, мы для начала отправились на охоту и настреляли дичи, обеспечив лагерь мясом, а затем взялись за организацию рейдовых отрядов. Мы разбили на небольшие команды и приступили к воровству. Отряд в котором был я, спустился к Колорадо, переправившись через неё добрался до Сан Саба, а затем повернул к Льяно, воруя по пути всё, что можно. Ещё ниже, рядом с Паксэддл, округ Льяно, мы атаковали группу белых людей, которые вовремя залегли под отвесной скалой и ожесточённо начали отстреливаться. Трое из наших были сражены наповал и ещё несколько ранено. У нас были убитые и раненые лошади, но табун мы всё же сохранили и убрались оттуда. Должно быть мы тоже доставили белым неприятности, так как они не пытались нас преследовать. Уже ночью мы проезжали мимо стоянки рейнджеров или «дотошных людей». Они оставили одного старого негра охранять лошадей. Мы пустили ему стрелу точно в сердце, забрали всех лошадей и быстро уехали, пока не подоспели остальные.

Скачка продолжалась и днём и ночью. Мы не останавливались ни для еды, ни для сна, чтобы как можно быстрее пересечь открытую местность. Когда мы прибыли в свой лагерь, то он оказался покинутым. Знаки, оставленные для нас на земле, сообщали, что произошло сражение с солдатами и тонкава, и племя вынуждено было перемещаться в песчаные холмы, с преследующими их по пятам врагами. Нас предупреждали быть бдительными, так как между нами и племенем могли находиться солдаты. От этого лагеря до следующего водного источника было как минимум миль сто, поэтому мы наполнили коровьи желудки водой, перекинули их через лошадиные хребты и начали углубляться в эту сухую местность. К счастью на следующий день полил дождь. К концу этого же дня мы разглядели лагерь возле небольшого водоёма, и тогда обогнув его на порядочном расстоянии, мы выслали туда шпионов, который изучив обстановку, сообщили, что там находилось несколько человек с хорошим лошадиным табуном. Мы решили забрать этот табун. Итак, после наступления темноты мы отослали дальше по маршруту одного из наших воинов с теми лошадьми, которые у нас уже были, а сами отправились к лагерю, чтобы посмотреть, что можно предпринять. Подъехав вплотную к лошадям, мы наткнулись на троих мужчин их охранявших.

Когда мы начали стрелять, то они бросились в разные стороны наутёк, а лошади обратились в стампиду. В этот момент солдаты в лагере открыли огонь и нам показалось, что их там наверное сотни. Мы несколько раз выстрелили в их сторону, а затем поскакали собирать лошадей и гнать их в нужном нам направлении. Мы получили сорок великолепных пони, отдохнувших и крепких, и загнав в табун наших усталых верховых, мы пересели на новых. Там было так много стрельбы и криков, что индеец, который охранял других наших лошадей, подумал, что за ним гонятся и уехал. Скоро мы его разглядели и начали подстёгивать своих лошадей, но он тоже ускорился, сохраняя от нас приличную дистанцию. Это соревнование растянулось на многие мили, прежде, чем он понял, что мы не солдаты. Он не потерял ни одной лошади. Мы объединили оба табуна и теперь двенадцать нас имели почти сотню хороших лошадей, а наш враг остался практически пешим.

На третий или четвёртый день мы догнали скво и детей со всем лагерным оснащением, и как только они узнали, что несколько воинов нашего отряда убиты, то подняли вой и собственными ножами стали наносить себе глубокие порезы. Мы потеряли в этом набеге троих храбрецов и поэтому военный танец не проводился.

ГЛАВА 30. КАННИБАЛИЗМ ТОНКАВА.

Мы знали, что долго оставаться на одном месте нам нельзя, так как солдаты преследовали нас. Также мы понимали, что место каждого убитого нами, займут семеро других. Так, что мы ожидали, что солдаты вскоре получат пополнение и вновь пойдут за нами. Мы разослали гонцов к другим группам команчей, с просьбами о предоставлении нам помощи, и уже тогда мы бы отправились к мексиканской границе. В итоге мы усилились примерно 75 воинами. Мы особо не торопились, так как думали, что солдатам пришлось послать кого-нибудь в форт за подкреплением и новыми лошадьми. Поэтому мы убили бизона и неспешно перемещались, изредка убивая попадавшихся нам охотников на бизонов.

Как-то днём в лагерь примчались три воина и сказали, что они с ещё другими тремя воинами были окружены и пересилены тридцатью тонкава, которые были хорошо вооружены и имели много боеприпасов. В итоге лишь этим троим удалось бежать. Нас было раза в три больше, чем тонкава, поэтому мы сели на лошадей и поехали на встречу с ними. После трёхчасовой скачки мы застали их пирующими в своём лагере. Команчи и тонкава с незапамятных времён воевали друг с другом, и тонкава в результате этой войны почти полностью были уже истреблены. Они в крайней степени ненавидели команчей и винили их во всех своих несчастьях, поэтому они заключили договор с белыми и объединились с ними, чтобы уничтожить команчей, действуя как воины, разведчики и проводники.

Когда мы увидели лагерь тонкава, то наш вождь издал боевой клич и мы все вопя, в едином порыве устремились на них. Они дрогнули от такого натиска и оставили нескольких своих убитых. Мы полностью завладели их лагерем и, что мы же нашли жарившимся на костре? Одну из команчских ног! Воина нашего племени! Наш вождь провозгласил отмщение и мы

дружным хором к нему присоединились. Немедля мы сорвались в погоню. Ни один военный марш не увлек бы наш небольшой отряд и не подгонял бы к победе так, как увиденное нами. Лишь одного взгляда на эти суровые лица с играющими желваками, было бы достаточно, чтобы понять, что эти люди желают лишь полного истребления своего врага. Тонкавы остановились в овраге и встретили нашу атаку убийственным огнём, который лишь на мгновение остановил наш натиск, когда падающая лошадь подмяла собой всадника, после чего наше безумие достигло своей верхней точки. Сначала меня накрыла волна ужаса и мне казалось, что я не могу вот так смотреть смерти прямо в лицо. Но я находился впереди наших рядов и мои товарищи напирали на меня сзади. Наконец в меня тоже вселился дух мщения. Я пришёл в ярость, прищипил своего коня и храбро ринулся в бой. Один из тонкава выехал из оврага, чтобы вступить в единоборство. Команчи бросился было к нему, но тут же свалился с лошади смертельно раненый. Ещё одного поразил смертельный выстрел. Казалось, что человеческая кровь придавала этому тонкава смелость и даже наши щиты не хотели отражать его пули, но третьему воину удалось с ним сблизиться. В этом единоборстве, как бы по взаимному согласию, каждый из воинов резко остановился, перезарядил своё оружие и приготовился ко всяким неожиданностям. Дальнейшее их противостояние было коротким и храбрец тонкава упал туда, откуда выехал, под вопли с обеих сторон, с нашей торжествующие, а от тонкава неслись крики ярости. Через несколько мгновений мы сошлись в рукопашной схватке и вскоре враги были побеждены. Эти людоеды храбро сражались и восемь наших воинов легли мёртвыми на поле боя, кроме того, сорок или пятьдесят других получили ранения различной степени тяжести. Тем не менее наша работа ещё не была завершена. Большинство умирающих врагов открывали рты, прося воды, но мы не вняли этим просьбам. Мы оскальпировали их, отрезали их руки, отрубили ноги, вырезали языки и бросили их искалеченные тела и отсечённые конечности в их же собственный костёр. Сверху навалили ещё кустарника и подожгли всю эту кучу живых, умирающих и мёртвых тонкава. Некоторые из них оказались в состоянии вздрогнуть и начать извиваться как черви, другие взывали и молили о милосердии. Но мы навалили на них ещё больше дров и принялись танцевать, в великой радости от лицезрения того, как жир и кровь вытекали из их расплавляющихся тел, приходя в восторг, видя как они разбухают, и слыша, как трещат и лопаются в огне их шкуры. Может кто-то из врагов и сбежал, но мы не видели никаких признаков этого. Мы добыли двадцать восемь скальпов, тридцать пять лошадей, с рассеченными пополам ушами, тридцать дальнобойных ружей, сколько-то сёдел, много одеял, луков, стрел, а также большое количество боеприпасов и других трофеев, в награду за наш мстительный порыв, который лишь частично удовлетворил наш кровожадный отряд.

Причиной гибели и ранения такого большого количества наших воинов, было то, что тонкавы имели преимущество в выборе позиции и в вооружении, а мы были настолько взбешены видом нашего зажатого компаньона, что стали довольно безрассудными и не очень правильно использовали свои щиты. У меня на щите остались четыре отметки от острых наконечников и одна от пули. Если щит находится в движении, когда по нему ударяют пули, то они рикошетят от него.

Мы возвратились в лагерь со своими ранеными и мёртвыми, со скальпами и другой добычей. Своим приездом мы обеспечили печальное зрелище, - плач, стоны, рыдания, вырывание волос и глубокие порезы. Скво наносили себе порезы на лицах и конечностях, да такие, что для их заживления требовались месяцы. Кроме того, эти скво держали эти места в сырости, чтобы рана ещё больше раздражалась, делая их воображаемое воздаяние для потустороннего мира ещё весомей. Не было ничего приятного и забавного в наших похоронных танцах, когда мы возвратились после боя с тонкава.

На полное выздоровление наших раненых понадобилось три месяца, а потом мы смогли отправиться в новый набег. Мы отклонились на север и там к нам присоединились воины, ушедшие из форта Силл. С разных направлений прибыли другие и теперь наш отряд насчитывал около трёхсот смелых. Какое-то время мы охотились, пополняя наш склад бизоньих шкур, необходимых для изготовления одежды, мокасин, покрытия вигвамов и для других нужд. Женщины выполняли все работы, кроме изготовления луков, стрел, томагавков и курительных трубок. Мы ограбили несколько лагерей охотников на бизонов, оставив их владельцев обездоленными и пешими, умирать от жажды и голода на равнине, за сотни километров от дома.

ГЛАВА 31. КУАНА ПАРКЕР.

Много было сказано и написано о Куане Паркере, который стал великим вождём команчей. Он был сыном Синтии Энн Паркер, белой девушки, захваченной в форте Паркер в 1835 году и вновь захваченной через двадцать восемь лет, на этот раз рейнджерами под командованием Сала Росса, во время их большого сражения с команчами у реки Пис. Согласно его рапорта, Пета Ноконна был убит в этом бою. Но индейцы, рассказывавшие мне об этой схватке, утверждали, что Пета Ноконна не был тогда убит, а скончался или погиб несколькими годами позже. Один старый индеец команчи под большим секретом сообщил мне, что Куана был сыном не Ноконны, а мексиканца по имени Йотава, который был захвачен ещё в детстве и вырос среди индейцев. Ещё этот индеец сказал мне, что Синтия Энн Паркер была скво этого мексиканца, но Пета Ноконна забрал её у него, когда Куана был совсем маленьким ребёнком и вырастил его как своего сына. Я не верю в это, так как этот старый индеец был против того, чтобы Куана становился вождём, и думаю он пытался таким образом его дискредитировать. Я разговаривал с другими индейцами насчёт этого, и они заверили меня, что Куана являлся сыном Петы Ноконна и Синтии Энн Паркер.

Куана Паркер стал большим человеком среди индейцев и был первым при возбуждении мира между индейцами и белыми. Благодаря его убеждениям, когда моя группа наконец сдалась, я сначала пришёл в резервацию, а потом вернулся к своему народу, затем он очень помог мне в предоставлении аллотмента и получении правительственного земельного надела. Я значился в списках, как один из парней Куаны Паркера.

Куана (Благовонный), как уже выше я сказал, приходился сыном Ноконны или Нокони (Скиталец), который был предводителем группы квахади, которая

считалась наиболее враждебной группой команчей. Куана родился около 1845 года и вырос в племени. После смерти своего отца, он быстро поднялся до влиятельного лидера. Его группа отказалась подписывать договор Медисин Лодж в 1867 году, согласно которому племенам команчи, кайова, апачи, шайен и арапахо, были выделены резервации. Несмотря на это они продолжали совершать набеги, грабить и убивать, вплоть до 1874 года. В этот год, из-за организованной компании по истреблению белыми охотниками бизонов, Куана собрал воинов команчей, шайенов, половину кайова и ещё какую-то часть из других двух племён, чтобы оказывать этому такое же организованное сопротивление. В июне 1874-го он возглавил 700 воинов этой конфедерации, во время их атаки против части охотников на бизонов, которые хорошо укрепились в форте, известном как Адоби Уоллс у Саут Кэнейдиан в Техасской Пэнхэдл. Бой длился весь день и в результате Куана и его силы вынуждены были отступить, понеся существенные потери. Индейцы не переставая совершали враждебные перемещения вплоть до следующего года, когда были поставлены в затруднительное положение войсками под командованием генерала Маккензи и большинство их сдались. Несмотря на это Куана оставался со своей группой ещё более двух лет на равнинах, а потом тоже сдался. Глубоко предвидя, он признал, что индейцы рано или поздно уступят превосходству белого человека, и поэтому он решает примириться с неизбежным и использовать во благо новые обстоятельства. То же самое он убеждает сделать своих людей. Благодаря своей молодости и врождённому интеллекту, который ему достался от его белых предков, он хорошо приспособился к образу жизни белого человека и стал наиболее продуктивной движущей силой в приведении своего народа к цивилизации. Благодаря его действиям конфедеративные племена внедрили политику долгосрочной аренды излишков пастбищных земель, что давало им приличный доход в дополнение к федеральным выплатам. Он продвигал развитие образования, жилищного строительства и сельского хозяйства, и не поощрял беспутный образ жизни и варварскую грубость, но вместе с тем способствовал сохранению традиционных верований и обычаев. Согласно бытующей в его племени полигамии, он имел несколько жён и много детей, которые все, без исключения, получили школьное образование, а некоторые его дочери вышли замуж за белых мужчин. Многие годы вплоть до своей смерти, он являлся наиболее выдающейся и влиятельной фигурой среди всех, вместе взятых, конфедеративных племён, во время любых переговорных процессов, в официальных отношениях с правительством, и в связи с этим он совершал регулярные поездки в Вашингтон, а также много путешествовал по стране в целом. Куана скончался 22-го февраля 1912 года, в своём доме возле Кэш, в Оклахоме, в возрасте шестидесяти семи лет.

ГЛАВА 32. РАССКАЗ О БИТВЕ.

Где-то на равнинах большой отряд наших воинов во главе с Куаной Паркером (меня не было с ними) занялся группой охотников на бизонов, сделавших своей базой старую глиняную постройку, которой казалось была уже целая вечность. Индейцы не знали кто именно там укрылся и

сколько их было. Но с прибытием на равнины сотен охотников на бизонов, индейцы поняли, что вся их дичь будет уничтожена и они лишатся средств к существованию. Как и следовало ожидать, ввиду их ненависти к белым людям, это посягательство на их охотничьи угодья послужило предлогом для объявления войны охотникам на бизонов, и поэтому когда стало известно, что старые глиняные постройки уже ими заняты, были предприняты шаги по изгнанию оттуда бледнолицых. Согласно принятому решению, Куана собрал своих команчей, привлёк некоторое число кайова и шайенов, и атаковал охотников. Я не принимал участия в этом сражении, так как на тот момент находился с другим отрядом в набеге южнее. Но когда вернулся, мне рассказали подробности этого дела те индейцы, которые были там. Много из нашего племени было убито и много ранено дальнобойными ружьями охотников на бизонов. Сам Куана получил серьёзное ранение. С команчами был негр, бывший солдат, который дезертировал и присоединился к индейцам. У него была сигнальная труба, с которой индейцам было не скучно, когда они упражнялись в боевой подготовке на манер белых людей. Этот негр погиб в том бою, также как и один из самых больших знахарей нашего племени. Я не знаю сколько было убито охотников на бизонов, но точно знаю, что несколько из них были пойманы и убиты в самом начале первой атаки за пределами их временного лагеря в глиняных постройках. Наши воины догнали их уже возле дома, если это можно назвать домом, и вступили с ними в рукопашную схватку, а другие охотники в это время скрылись в форте. Один охотник был поражён стрелой точно в сердце когда распахнул дверь, и он умер прямо на пороге, также как и другой их человек, который пытался его затащить внутрь. Белые повели убийственный огонь из бойниц в стенах, но индейцы несмотря на это продолжали штурм и даже попытались выломать дверь, правда безуспешно. Сражение длилось весь день, и уже поздно вечером, команчи, крайне удручённые, решили снять осаду. Они отступили от форта, как они думали за пределы досягаемости выстрелов охотников, и устроили совещание по поводу выноса тел их убитых с поля боя. Неожиданно один из них, без видимой причины упал замертво. Его осмотрели и обнаружили в черепе пулевое отверстие. Дул сильный ветер, и к тому же ружьё охотника на бизонов находилось на порядочном расстоянии от этого места и звука выстрела не было слышно, зато эффект от него был налицо. Это вынудило индейцев бросить своих мёртвых и убраться за пределы досягаемости такого дальнобойного оружия. Индейцы рассказали нам об этой битве, и судя по всему, как я думаю, это была та самая битва при Адоби Уоллс, широко впоследствии известная.

ГЛАВА 33. ПРОГОН ЧЕРЕЗ ЛАГЕРЬ БЛЕДНОЛИЦЫХ.

В то самое время, когда шло это сражение, упомянутое в предыдущей главе, около двенадцати команчей, включая меня, отправились в набег далеко за форт Кончо. С нами был один индеец по имени Исотема. Он и я были пешими и поэтому мы были опережены другими индейцами, которые ехали верхом. Мы подошли к небольшому городу, может это был Пайнт Рок, я не знаю точно. Там мы наткнулись на палатку, возле которой была привязана лошадь. Я имел дальнобойное

ружьё и сказал Исотеме, чтобы он подкрался и забрал лошадь, а я в это время буду наготове с ружьём, чтобы выстрелить в первого оказавшегося там белого человека. Он отказался это сделать и сказал, что мы пешие, а он хочет ехать на лошади, но если мы уьём белого, тогда у нас будет совсем мало шансов покинуть эту местность живыми. Тогда я сказал, чтобы он взял ружьё и выстрелил в первого появившегося белого, пока я буду уводить лошадь, и он согласился. Я подкрался с обратной стороны и подошёл к лошади, которая фыркала и выделяла коленца. Схватив удерживающую верёвку, я обрезал её и повёл лошадь. Без происшествии мы покинули пределы города.

Затем мы отправились на восток и поздно вечером того же дня наткнулись на лагерь, возле которого пасся приличный табун лошадей. На одной из них был большой бубенчик. Когда обитатели лагеря улеглись спать, Исотема и я выпустили стрелы в лошадь с бубенчиком и убили её, чтобы она не побежала вместе с табуном и не разбудила этим его хозяев. Затем мы молча собрали в одну кучу других лошадей, всего около двадцати пяти голов, и взяли курс на собственный лагерь, располагавшийся далеко на равнинах. Мы беспрепятственно перемещались три дня, никого не увидев за это время. Проходя через горный проход, возможно это был Баффало Гэп, неожиданно для самих себя мы въехали прямо в лагерь белых. Понимая, что нужно действовать быстро, мы погнали наш табун через лагерь, выкрикивая и стреляя. Случилось это на рассвете и как по команде повсюду появились сонные люди, поэтому мы достигли выхода из прохода, заросшего кустарником, не тратя времени на добывание их ружей. Когда мы проезжали через лагерь, то забрали и двух их лошадей, но не остановились, чтобы подсчитать сколько людей было там, и так как они не поскакали за нами, то наш побег был вполне безопасным. Вскоре мы въехали на бизонью тропу, которая обеспечила уничтожение следов нашего табуна и в итоге мы добрались до своей деревни с хорошей кучей лошадей. Другие десять индейцев, которые отправились в набег вместе с нами, возвратились ни с чем.

Перед прибытием в деревню, мы с Исотемой убили оленя, чтобы получить мяса, которого не пробовали уже в течение продолжительного времени. Мы потеряли свой единственный нож и находились в растерянности, не зная как нам содрать с него шкуру. В итоге нам пришлось разрывать её собственными зубами. Из-за той же причины мы не могли разделать тушу оленя и поэтому бросили её в огонь целиком и в таком виде зажиарили. Некоторое время наша деревня оставалась на одном месте, готовясь к переходу в более безопасную местность. Поражение, понесённое большим отрядом в глиняном форте, поспособствовало некоторому нашему унынию, так как мы понимали, что теперь белые охотники на бизонов будут приезжать на равнины в таких количествах, что индейцам не останется места для охоты на равнинах. Наши ряды редели с каждым днём, а военные отряды и налётчики уходили и больше не возвращались. Мы созвали большой совет, на который прибыли другие племена, и решили убивать всех белых, которые приходили на нашу территорию, «убейте их, как они убивают нашу дичь; убейте их, как они убивают наших воинов; убейте их, как они убивают наших скво и детей; преследуй их и

убивайте, пока хоть один из нас остаётся». Когда совет завершился, мы провели большой военный танец.

Затем мы грабили лагеря охотников на бизонов и убивали их самих при первом обнаружении. Мы перемещались на север и видели, что равнины буквально кишат ими. На обратном пути мы непрерывно сражались с этими докучливыми охотниками. То было восхитительное время, когда вряд ли хотя бы день проходил без стычки или сражения. Было похоже, что скоро все наши воины исчезнут. На окраине юго-восточных равнин мы оставили своих женщин, детей и стариков, и вновь отправились в набег. В начале его мы как обычно разделились на меньшие партии, так как эта местность была сравнительно густонаселённой, а рейнджеров было так много и они были настолько дерзкими, что мы не осмелились рисковать большим отрядом. Исотема вновь стал моим компаньоном, а он был смелым, отважным парнем, очень осторожным и всегда принимавшим верное решение. Мы своровали много лошадей и положили многих белых людей мёртвыми или ранеными, оскальпированными и растерзанными. Мы совершали обманное движение на глазах рейнджеров, заходили им со спины и пока они хоронили своих мёртвых товарищей, обращали их лошадей в стампиду, оставляя тем самым многих бледнолицых храбрецов пешими посреди голой равнины.

Я и Марко, мексиканский пленник, отправились в набег на восток и у небольшой стремнины наткнулись на группу отдыхающих белых людей. Мы немного отъехали от этого места и посоветовавшись решили их атаковать. Согласно этому, мы зарядили свои ружья и поскакали к лагерю, вопя и выкрикивая. Подъехав почти вплотную мы выстрелили в сторону их костра, и четверо мужчин, располагавшихся там, разбежались в разные стороны. Мы обратили их лошадей в стампиду, но так как белые могли вернуться, нужно было их быстро собирать. Мы начали сгонять их в одну кучу, захватили девять голов и потащились уже неспеша домой. В другом набеге, снова двенадцать из нас направились на восток и встретили этап из четырёх лошадей возле Кикапу Спрингс. С этим этапом было несколько мужчин, поэтому несколько миль шла скачка с боем, и в итоге нам пришлось оставить этот этап в покое. Продолжив свой путь мы наткнулись на пятерых бледнолицых и вступили с ними в бой. Они укрылись за деревьями и отстреливались от нас в нашей собственной манере. Они быстро целились и стреляли, и некоторым из нас лишь их щиты сохранили жизни. Бой завершился вничью, убитых у нас не было, но эти парни стреляли слишком плотно, не способствуя нашему комфорту. Я понятия не имею, как они пережили эту стычку, так как мы уехали, а они нас не преследовали. Возле Смутинг Айрон Маунтин мы забрали двадцать пять лошадей, снесли какие-то заборы и оставили вещи в таком виде, в котором, как мы полагали, Великий Дух предназначил им быть, - свободными и открытыми. Индейцы считали, что если Великий Дух пожелал бы закрыть эту страну, то он сам огородил бы её. Мы проехали к Хаус Маунтайн и украли там некоторое количество лошадей и одного старого мула, а потом поскакали по прямой линии через равнины, пытаясь оторваться от рейнджеров. Они догнали нас и в последовавшем сражении захватили всех наших свободных лошадей, мы рассеялись и устремились на запад, объединившись вновь возле Бивер Лэйк. Наш предводитель сказал, что Великий Дух сообщил ему, что если мы последуем за этими

рейнджерами и неожиданно их атакуем, то одержим лёгкую победу. Мы нашли рейнджеров на их стоянке возле водоёма и хорошо осмотрев окрестности осторожно приблизились к ним. Но не так легко оказалось застать этих рейнджеров врасплох, и когда мы находились в пятидесяти ярдах от них, они открыли по нам огонь, ранив воина и убив лошадь. Они заняли позицию вокруг раскидистого дуба. Мы их всё же атаковали, но каждый шаг давался нам кровью. В разгар боя два наших воина удачно обратили их лошадей в стампиду и когда они оказались на безопасной дистанции, мы вышли из боя и поскакали к ним. Объединившись, мы убрались оттуда. Некоторые из нас получили серьёзные ранения. Затем мы вернулись на равнины и продолжили военные действия против охотников на бизонов. Нам приходилось постоянно быть бдительными, так как вряд ли был хоть один день, когда мы не видели солдат или их признаков. Они казались помешанными на определении нас в резервацию.

ГЛАВА 35. УБИЙСТВО ОХОТНИКА ЗА БИЗОНАМИ.

Равнины вдоль и поперёк прочёсывались охотниками на бизонов, уничтожавших животных ради одних шкур. Мы часто видели тянущиеся большие фургонные караваны, нагруженные шкурами, а потом находили тысячи туш забитых бизонов. Такая бессмысленная бойня нашего основного продовольственного ресурса ввергала нас в отчаяние.

Однажды наш отряд заметил одинокого охотника за пределами своего лагеря, стреляющего в бизонов. Он уже убил сколько-то из них и мы увидели выезжающей из лагеря фургон с двумя мужчинами, по-видимому они ехали помогать ему сдирать шкуры. Окружив охотника мы убили его и оскальпировали, а затем поскакали к тем двоим, приближающимся из лагеря. Они нас увидели, развернули свою упряжку и погнались в заросший кустарником овраг, недалеко от них. Достигнув крутого обрыва они бросили свой фургон и скрылись в чаще. Мы их не нашли и они благополучно бежали. В лагере охотников мы уничтожили в нём всё, что нам не было нужно, а затем вернулись к телу охотника и вырезали с его головы два скальповых локона, сделав надрезы вдоль каждого виска, и проткнули его живот острой палкой. Один из воинов взял ружьё охотника и сказал, что теперь оно принадлежит ему. Это была самое дальнобойное ружьё, которое я когда-либо видел и оно непременно приносило несчастье каждому индейцу, который объявлял его своим. Затем мы нашли следы охотников на бизонов и долго ехали по ним. Наконец произошёл бой и индеец, забравший это ружьё, был убит. Другой индеец подобрал ружьё и заявил, что оно теперь его. Он тоже был вскоре убит. Затем это оружие перешло во владение сына вождя, и он тоже упал с ним в своих руках. Индеец по имени Пять Перьев всё же долго им пользовался, но в конце концов и он был убит. Тогда знахарь сказал, что в это ружьё вселился злой дух и посоветовал нам выбросить его или спрятать так, чтобы белые люди никогда не смогли его найти. Тогда мы закопали на песчаном холме это ружьё вместе с двумя скальповыми локонами, срезанными с охотника на бизонов.

ГЛАВА 35. Я ПОЛУЧИЛ ВЫСТРЕЛ В НОГУ.

Меня часто спрашивают бывал я когда-либо ранен,находясь с индейцами. У меня есть несколько шрамов от ранений,полученных в боях. Один из них от пули,попавшей в плечо,а другой оставлен пулей,выпущенной из бизоньей винтовки,которая прошла через мякоть моей ноги и довольно на долгое время сделала меня лежачим. Получил я эту рану в бою с белыми людьми, атаковавшими как-то на рассвете наш лагерь,и на тот момент мы меньше всего этого ожидали. Белых было много и какое-то время казалось,что они разобьют нас. С началом боя скво отвели лошадей на безопасную дистанцию от лагеря,чтобы они не достались белым. Мы заняли позицию под косогором и держали врагов на открытом месте под обстрелом в течение нескольких часов,а потом они отступили. Когда пуля попала мне в ногу,я не почувствовал её, думаю,потому что,был сильно возбуждён. Я направился прямо в гущу сражения,но вскоре возникла сильная боль и мне пришлось лечь на землю. Один индеец был сбит с ног пулей и мы подумали,что он убит. Но оказалось,что пуля содрала ему только кожу на голове.Мы так хорошо были укрыты за холмом,что ни один индеец не был убит, а вот враги, я думаю,потеряли сколько-то мужчин. Я тогда стрелял из дальнобойной бизоньей винтовки и полагаю,что несколько раз попал точно в цель. В итоге белые убрались, а мы собрали наших скво,детей и лошадей, и тоже поспешили уехать с этого места.

В том бою с индейцами произошла одна забавная вещь,которую я не хотел бы упустить из своего рассказа. Мы схватили тогда одного здорового негра,который был с атакующим отрядом. Он был напуган чуть не до смерти и упав на колени умолял сохранить ему жизнь. Наш вождь велел ему раздеться и одеть на себя индейскую одежду. Затем он надёжно закрепил на его голове индейский военный головной убор и показал знаками бежать обратно к белым. Негр понял его и пустился наутёк. Но белые, при его приближении,подумали,что это индеец и наделали в нём полно дыр,умертвив его прежде,чем он достиг своих друзей.

Собрав своих скво,детей и лошадей,мы отправились на равнины и там повстречали апачей. Они предложили мне поехать с ними, но я отказался,и когда вернулся в свой лагерь, то постоянно держал глаза открытыми и был начеку из-за возможного вероломства или нападения на меня. Один старый апачи внимательно смотрел на меня и я был уверен,что он сделает попытку отомстить за смерть знахаря,которого я убил до своего побега, но я так и не предоставил ему возможности убить меня. Команчи тоже были настороже и обнаружив заговор против меня, сильно разозлились на апачей, и те только тогда оставили нас и уехали своей дорогой. Команчи дали клятву защищать меня и они её всегда выполняли. Апачи,боявшиеся подвергнуться в ту ночь нападению,поспешно убрались подальше от этого места. Это был мой первый и последний раз,когда я вступил в контакт с этим племенем,после того как сбежал из него и отправился к команчам. Некоторых его членов, позже,в течение нескольких лет я встречал в резервации в Оклахоме и разговаривал с ними,но они не всегда были из той группы,которая поклялась схватить меня. Старый Чиват до сих пор живёт в Индиахоум и ему теперь почти сто лет. Чиват хороший старый индеец и он всю жизнь оставался мне

другом. После того, как племя окончательно осело в резервации, он стал правительственным разведчиком и хорошо себя показал в выслеживании мародёрствующих отрядов бежавших из резервации групп.

ГЛАВА 36. Я ПОЙМАЛ СТРЕЛУ В КОЛЕНО.

В наши дни бывает, что люди получают выстрел почти примерно при тех же обстоятельствах, что и в прошлом, и как правило проблема возникает вокруг женщины. Так и у меня случилось, когда спустя какое-то время после моего присоединения к команчам, красивая индейская девушка стала причиной того, что я поймал стрелу собственным коленом. Её звали Топэй и насчёт неё у меня были определённые фантазии. Вскоре это прошло. Её отец плохо отнёсся к моим ухаживаниям и просто сказал мне, чтобы я держался от неё подальше и оставил её в покое, но я был упрям. Однажды ночью, согласно договорённости с ней, я пробрался в их вигвам, после того, как её родители «уединились» и мы посчитали, что отец крепко заснул. Сегодня не очень должны задеваться благопристойные чувства тех, кто читает эти строки, но несмотря на то, что человеческая природа взяла своё, мы всё же не предавались тогда любовным утехам, которые сейчас в моде. Я рассказал своей возлюбленной об угрозах со стороны её отца, а также сказал, что нам следует быть более осторожными, но она ответила, что он не сделает мне больно, просто попытается запугать. Я нашёптывал ей нежные слова любви и наслаждался райским блаженством здесь на земле, когда вдруг почувствовал грубый толчок. Мне не нужно было дополнительного намёка, так как понял, что это была передняя часть отцовского мокасина. Я направился к довольно большому выходу, но старый человек загородил его собой и мне пришлось вылезать через низ вигвама. Я пошёл вокруг палатки в одну сторону, а он в то же время обходил её с другой и когда мы встретились, то он пустил в меня стрелу, которая вонзилась в моё колено. Я упал на землю, не в состоянии двигаться. Рана оказалась очень болезненной и я впоследствии долго хромал. Девушка подошла ко мне и встав на мою сторону упрекнула своего отца в таком жестоком обращении со мной. Старый человек смягчился, простил нам нашу хитрость и вытащив стрелу выказал своё глубокое раскаяние происшедшим и даже предложил мне взять эту девушку своей скво, если я дам ему два пони. Но я отказался и до сих пор настороженно отношусь к женщинам.

Когда индеец выбирал себе жену, как у апачей, так и у команчей, он должен был за девушку платить лошадьми. Влюблённый в девицу смелый должен был идти к её отцу и предложить ему определённое количество лошадей и если его предложение принималось, то он забирал девушку в свой вигвам. Не было по этому случаю никакой религиозной церемонии, никаких шествий, торжественных песнопений или чего-либо ещё, чтобы брак выглядел волнующим или более, чем мимолётным событием. Молодой индеец просто приобретал для себя скво, а скво находила своего хозяина. Иногда отцу девушки приходилось делать первые шаги самому и предлагать свою дочь какому-либо воину за определённое число лошадей, но для того, чтобы сделка была для него успешной, необходимо, чтобы такая привилегия исходила со стороны будущего зятя.

Скво у апачей часто рожали своих детей находясь с рейдовым отрядом. Апачи разрешали своим скво отправляться с ними в набеги и если случалось так, что она рожала в это время, то её оставляли одну, заботиться о себе, как она сможет, но если в отряде находилась ещё скво, которая решала остаться и помочь своей подруге уменьшить её страдания, то ей позволялось это сделать. В соответствующий срок скво со своим папусом (ребёнок) приходила в лагерь и её встречали ликованием, если ребёнок был мужского пола, так как это означало, что в будущем он должен стать воином. Но если ребёнок оказывался женского пола, то её прибытие не удостоивалось никаким вниманием. Я знал некоторых скво, которые родив ребёнка тут же его оставляли и без видимых сожалений присоединялись к военному отряду. Одна скво апачей родив близнецов, так сильно рассердилась из-за рождения двоих детей, вместо одного, что забила своих отпрысков ногами до смерти и оставила их маленькие тельца на съедение стервятникам.

Скво команчей были заметно добрей к своим детям и рожали они их как правило в своих деревнях. Ослабленной женщине не позволялось сопровождать её воина в набеге, и она оставалась в лагере до лучших времён. Они заботливо кормили своих новорождённых и давали своим детям, не важно мальчик или девочка, достаточно материнской любви. Особо нужно отметить, что незаконорожденные дети среди индейцев были чрезвычайно редки. Это у них не считалось добродетелью и очень порицалось. Конечно случалось когда замужняя женщина «оступалась», и в этом случае ей отрезали нос, но такое случалось редко, также как и то, что незамужняя девушка отвергала правила благопристойного поведения и рожала ребёнка.

ГЛАВА 37. МЫ ОПЕРЕЖАЕМ СОБАК.

Однажды два индейца, Ватсакатова и Исотема, а также я с ними, отправились на окраину цивилизованных поселений за лошадьми. Мы отправились пешими, но взяли с собой вьючного мула для перевозки нашего имущества, и каждый из нас поочереди вёл этого мула. Покинув прерии мы вступили в холмистую местность и немного пройдя по ней наткнулись на ручей. Мы заметили расположившихся возле воды лагерем белых людей. Северо-восточнее лагеря находились густые заросли и мы решили укрыть в них своего мула и обокрасть этот лагерь. Для того, чтобы достичь лагеря, нам нужно было пересечь открытое пространство перед ним, но по счастью там был небольшой овраг, и когда мы по нему проходили, то услышали грохот приближающегося к нам фургона. Ватсакатова и Исотема имели хорошие капсюльные ружья, у меня был великолепно отделанный пистолет и как минимум сто патронов к нему, и это всё кроме имеющихся ещё у нас луков и стрел. В фургоне было трое мужчин, что подтолкнуло нас к решительным действиям и мы дали по ним залп. Все трое вывалились из фургона, а один из них запрыгнул на осёдланную лошадь и помчался в лагерь. Другие двое, ошеломленные поначалу стрельбой, в следующее мгновение снова влезли в фургон и принявшись стегать лошадей повернули в ту же сторону. Очень скоро нас взволновал вид десятка вооружённых людей, появившихся из лагеря вместе с несколькими блаухаундами (гончие собаки, ищейки), поэтому мы

рванули наперегонки с этого места. Исотема был молод и быстр, так, что он нас обогнал. Ватсаткова был крупным и грузным человеком, но быстро осознал ситуацию и тоже уже намного меня опередил. Мы скачками летели над землёй примерно миль шесть, опережая при этом гончих, иногда ослабляя взятый нами темп, и когда собаки приближались к нам, то мы получали новое вдохновение для того, чтобы ускоряться. Ватсаткова начал задыхаться или вернее был уже близок к этому, и тут я догнал его в этот критический момент, но собаки тоже получили некоторого рода вдохновение, которое чуть раньше посетило нас. Он сказал мне: «Не бросай меня. Давай остановимся и будем драться. Я не могу больше бежать». Я ему ответил, что он первый меня бросил, поэтому побежал дальше. Затем справа от нас раздался стук копыт, но фортуна тут оказалась на нашей стороне, так как прямо перед нами был высокий утёс, а сразу за ним очень глубокий обрыв. Мы боялись не прыжка с этого утёса, а пуль белых преследователей. Мы покатались вниз с этого утёса подобно еноту, спускающемуся с дерева, рассекая стебли и кустарники. Во время этого спуска длинные развевающиеся волосы Ватсатковы стали похожими на размочалившееся коровье охвостье, и зацепившись своей спутанной косой за кустарник, он так резко её дёрнул, что на голове образовалась окровавленная лысина. Мы достигли дна обрыва все исцарапанные, порванные и покрытые ссадинами, но всё ещё сохраняли способность бежать. Собаки побежали за нами по обрыву, а всадники вынуждены были поехать в объезд. Собаки не очень были расположены нас догонять, когда рядом не было их хозяев. Не знаю почему, но думаю у них было предчувствие, что хорошо было преследовать убегающего врага, но вот после его поимки, стало бы уже не так хорошо. Вообще собаки отстали от нас и дальше наш побег проходил более благополучно. Мы всё ещё имели при себе свои ружья, но другие наши вещи остались на муле, оставленном в зарослях поблизости от лагеря белых.

Человек не знает, как далеко он способен убежать, когда у него сохраняется надежда на спасение в побеге и понимание того, что если его догонят, то он умрёт. Именно это хорошо стимулирует его в то время, когда другие стимулы просто бесполезны.

Мы сбавили свой темп, потом совсем остановились и нашли пчелиную пещеру. В ней мы поживились немного мёдом, смешали его с небольшим количеством воды, убили попавшегося нам бычка, и сделали соус из определённого количества жира, мёда и воды. Потом зажарили мясо, полили его этим соусом и устроили себе пир. Мы располосовали шкуру примерно годовалого животного, сделали из полос арканы, и по мере своего дальнейшего продвижения своровали трёх лошадей. К следующей ночи мы добрались до небольшого поселения, увели оттуда лошадиный табун и направились в свой главный лагерь.

Судьба нашего вьючного мула до сих пор покрыта мраком и всё, что я могу предположить, так это то, что он по-прежнему может стоять привязанным в тех зарослях. Мы так и не вернулись, чтобы позаботиться о нём, так как находились от него уже во многих милях, когда наконец отделались от собак.

Как же смеялась скво Ватсатковы, когда увидела его лысую голову! Он выглядел оскальпированным, и другие индейцы тоже потешались над

тем, что он так быстро убежал, что даже потерял свою верхнюю шерсть. Волосы у него больше не выросли и он так и ушёл в могилу с лысиной. Как-то я вместе с отрядом команчей, в который были включены несколько кайова, находился у Пекоса, и там мы наткнулись на стадо скота, которое сопровождали десять или двенадцать ковбоев. Мы обратили стадо в стампиду и погнали его. Ковбои по-началу пытались сопротивляться нам, но в итоге бежали. В потасовке мы пристрелили двоих из них и так как нас было раза в два больше, то убили бы их всех, если бы они так быстро не ускакали. Мы погнали скот по равнинам в свой лагерь, по дороге некоторых из животных убили, другихпустили пастись в прерию, и потом довольно продолжительное время находили их, когда нам нужно было мясо, и забивали.

Эта стычка произошла возле места известного как Понтун Кроссинг на Пекосе (Понтонная Переправа) и годы спустя я встретил человека, который знал помнил всё об этом, а также знал этих двоих убитых ковбоев, и сказал мне, что их там возле реки Пекос и похоронили. Может он мне и сказал их имена, только я их позабыл. Во время моей дикой жизни случилось так много подобных этому инцидентов, что их подробности стёрлись из моей памяти.

ГЛАВА 38. СОЛДАТЫ УБИЛИ НАШИХ ЖЕНЩИН.

Как-то мы расположились большим лагерем у южной окраины равнин и большой наш отряд отправился к рекам Сан Саба и Льяно и добыл там огромное количество лошадей. Ранние поселенцы были очень добры к нам и разводили для нас лошадей, что решало многие наши проблемы. Когда мы уже покинули ту местность, то оказалось, что за нами следуют рейнджеры, поэтому мы ускорились и вскоре оторвались от них. Когда мы прибыли в свой лагерь, то нашли его атакованным большой группой солдат и какого-то количества тонкава с ними. Много наших женщин были среди убитых. Несколько женщин и детей в качестве пленников были перемещены в форт Гриффин. В момент атаки большинство скво убежало и спряталось, но при побеге пять из них были убиты. На следующий день мы приехали уже к разбросанным трупам. Помню я наткнулся на лежащее изуродованное и оскальпированное тело очень храброго воина по имени Батсина, а рядом находились ужасно искалеченные останки его красавицы дочери Нуки, со вспоротым животом и тоже оскальпированная. Их тела представляли собой отвратительное зрелище. По-соседству валялось много пустых гильз от карабина спенсер, служащих молчаливым свидетельством героического сопротивления старого Батсины. Винтовки его конечно не было рядом с ним, но я не сомневаюсь, что она очень хорошо поработала, прежде, чем её забрали. Были там и другие покалеченные тела, что указывало на руки тонкава в этой кровавой борьбе.

Скоро мы начали собирать наших разбежавшихся женщин, детей и стариков, и узнали от них печальные подробности этого нападения, и наша ярость не имела пределов. Пять наших женщин и несколько детей теперь находились в руках солдат. Мы провели совет и поклялись взять в плен десять белых женщин и в два раза больше белых детей, чтобы отомстить смерти своих скво, и особенно Нуки. Ещё мы поклялись убивать всех белых

женщин её возраста(ей было почти 18 лет) и вспарывать каждой из них животы. Некоторые наши воины немедленно собрались ехать к поселениям и приступить к выполнению нашей мести,но мы настолько были деморализованы сейчас,что нуждались в восстановлении наших сил и мы должны были переместиться в другую местность,прежде,чем начать мстить.

Когда мы уже довольно далеко ушли на равнины,к нам прибыл Куана Паркер и ещё четверо индейцев , которые стали уговаривать нас придти в резервацию,уверяя,что дикая жизнь индейцев подошла к концу. Куана сказал нам,что дальше сражаться бесполезно,что белые убьют нас всех,если мы продолжим борьбу,а если придём в резервацию,то Большой Белый Отец из Вашингтона станет нас кормить и даст нам дома,и тогда мы станем жить как белые люди , иметь много хорошего скота,лошадей,а также красивой одежды. Ещё он сказал,что белые люди нас окружили полностью,что они будут на нас наступать со всех сторон и нам лучше сдаться. Кто-то из наших смелых хотел тут же отправиться в резервацию форта Силл,другие не хотели этого,так,что начались споры и приведения доводов. Куана оставался с нами четыре дня, заверяя нас всё это время,что нас не накажут и не нанесут никакого другого вреда,если мы придём в форт Силл, и вообще всё будет хорошо. Наконец мы пришли к согласию, и когда Куана выступил в путь,мы находились рядом с ним.Некоторые из нас ехали с большой неохотой.В их число входил я сам,а также Хиспорти,Котопа,Исотема и Ватсакатова. В самом начале пути Куана выслал вперёд разведчиков,чтобы те уведомили солдат в форте Силл о нашем прибытии и,чтобы они предоставили нам защиту. Через несколько дней нам повсюду стали попадаться белые люди,но из-за того,что Куана хорошо говорил по-английски, проблем у нас не было.

Мы находились не далее пятнадцати миль от форта,когда увидели столб пыли и услышали скачущих нам навстречу солдат. Я ехал на чёрной кобыле,красивом и быстром животном,и развернув её, поскакал в сторону гор Вичита. Куана гнался за мной мили три или четыре,прежде,чем догнал. Он сказал мне,что не нужно бояться и,что мне не сделают больно. Я всё же не хотел с ним идти, тогда он сказал,чтобы я ехал в его собственный лагерь и указал направление. Когда он въехал в толпу,то там уже были солдаты и они окружили моих товарищей. Все были разоружены и препровождены в форт Силл,где их разместили в месте,огороженном частоколом, и держали там в качестве пленников какое-то время. Следуя наставлениям Куаны,вскоре я увидел лагерь,в котором не было солдат. Моих товарищей обязали выполнять работы возле поста,а также заставляли заниматься земледелием,с которым они не были знакомы. Я остался с Куаной и пас его лошадей,иногда охотился,и вскоре в какой-то мере смирился со своим положением.

Через некоторое время своего пребывания в форте Силл,два наших индейца,Исотема и Ичито,охранявшие стадо скота,недоглядели за ним и несколько голов пропало. Они были наказаны за это рубкой дров. Это их окончательно вывело из равновесия и они решили бежать. Тогда один из них попросил у охранника табак, а другой в это время его ударил по голове топором. Тот упал и они забрали его винтовку с боеприпасами и бежали.

ГЛАВА 40. ПОПЫТКА МЕНЯ УБИТЬ.

Я совсем недолго пробыл в лагере Куаны Паркера, когда обнаружил, что в той же местности находится много апачей, которые также вошли под федеральный контроль, и среди них были кое-кто, в чьих сердцах по-прежнему скрывался дух мщения. Я не сомневался, что они попытаются меня убить и поэтому был теперь постоянно настороже. Как-то уже в сумерках я возвращался с лошадьми с пастбища, когда неожиданно в меня выстрелили несколько раз. Было темно и я заметил с какой стороны были вспышки от выстрелов. Я свалился с лошади и замер. Раздался ещё выстрел и тут я приподнялся и опорожнил свой пистолет в трупов. Через несколько секунд послышался чей-то стон. Тогда я побежал в лагерь Куаны и по пути миновал большой чёрный пень, который до этого никогда здесь не видел и поэтому подумал, что это наверное тот самый человек в которого я только-что застрелил. Когда я рассказал о случившемся Куане, то он немедля созвал своих людей и обнаружил отсутствие пятерых из них. Начались их поиски и вскоре они появились сами, неся раненого индейца. Они всячески оправдывались перед вождём, говоря, что хотели только поугубить меня. Но в итоге им пришлось сознаться в злом умысле. Оказалось, что какие-то трусливые апачи наняли этих индейцев меня убить. У них была апачская лошадь и именно ей они с ними расплатились.

Через некоторое время после случившегося, я почувствовал сильное недомогание и подумал, что скоро умру. В лагере Куаны жил искусный знахарь по имени Жёлтый Волк. Он заварил большой пучок трав и дал мне выпить этой отвратительной смеси, а потом укутал меня припарками и заботливо выхаживал, пока я полностью не выздоровел. Бедный старый Жёлтый Волк. Он умер сколько-то лет тому назад от удушья, когда они с Куаной Паркером остановились в отеле форта Уэрт. Они надышались газом. Наутро Жёлтый Волк был уже мёртв, а Куана Паркер находился при смерти.

Как-то после моего выздоровления, Куана захотел, чтобы я пошёл вместе с ним на пост. Когда мы туда пришли, то солдаты окружили нас и стали называть меня «Чарли Росс», и пока мы там находились они меня только так и называли. Они хотели меня оставить у себя и их командир

сказал Куане, что моя семья жива и меня нужно отправить к ней. Куана в свою очередь сообщил мне, что моя мать и мои родственники живы, и спросил, хочу ли я пойти к ним. Я ответил, что нет, так как индейцы мой народ и я не хочу возвращаться к белым. Тогда Куана мне сказал, что он должен оставить меня здесь на посту с солдатами. Я обиделся на него и сказал, что он поступает неправильно, оставляя с этими солдатами. Затем меня повели разговаривать через переводчика команча по имени Джонс, и он сказал мне, что я должен пойти к своим людям, и когда я ответил, что этого никогда не случится, он ответил, что они любыми путями возвратят меня моей семье. После такого дополнения, я приготовил свой лук, вставил стрелу в тетиву, и Джонс поспешил убраться из опасной зоны. Куана придержал меня и сказал, что он пойдёт со мной и если увидит, что они меня приняли плохо, то мы вместе вернёмся в его вигвам. Я повернулся, собираясь в любом случае убить Джонса, но его и след простыл.

Когда мы возвратились с Куаной в лагерь, то много разговаривали с ним об этом деле, и наконец ему удалось убедить меня уйти. Как-то днём я пошёл на пост и остался там. Солдаты были добры ко мне, но это меня никак не успокаивало. Они отправили меня на другую сторону ручья к моим бывшим товарищам и только тогда я обрёл полное спокойствие. Солдаты снабжали нас пайками и боеприпасами, но мы тосковали по свободе.

Один индеец предложил мне своровать каждому по скво и сбежать. Я пошёл и поговорил с одной девушкой насчёт этого, и она согласилась убежать со мной. Мы должны были встретиться этой ночью. Мой товарищ уговорил другую скво, выкрал двух лошадей и они ускакали. Моя избранница была тоже верна своему обещанию, забрала всё необходимое, что могла унести, и прождала меня всю ночь, почти до рассвета. Когда я уже почти добрался до места, где она была, солдаты меня заметили и бросились в погоню. Я бежал по краю высокого обрыва и свалился прямо в ручей. Почти обледеневший, я в итоге вернулся обратно в лагерь. Оказывается за мной наблюдало так много солдат, что у меня совсем не было шанса убежать.

Как-то генерал Маккензи навестил мою мать в Фредериксбурге и рассказал ей, что я нахожусь в форте Силл. Из-за того как он описал меня, она подумала, что я, это не её мальчик. Адольф Корн, с кем мы встретились, когда я ещё жил с апачами, и команчи тогда нанесли нам визит, уже несколько лет как находился дома. Рудольф Фишер был отправлен домой несколько месяцев назад, и я был единственным белым мальчиком, находившимся с индейцами. Генерал Маккензи приехал в форт Силл и мы стали обсуждать моё возвращение к моим людям. Куана Паркер объяснил мне, какой дорогой можно будет в случае чего добраться до его лагеря и обещал заботиться о моих лошадях, пока меня не будет. Он сказал также, что будет мне братом и если окажется, что мне не к кому возвращаться, то я могу вернуться и остаться жить у него.

ГЛАВА 41. МОЁ ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Оставив всё своё имущество у Куаны, я отправился в сопровождении погонщика и пяти солдат к своей матери в Лойял Вэлли, округ Мэйсон, Техас. Мы ехали в быстрой упряжке, заряжённой четырьмя мулами, и в первый день сделали двадцать одну милю. На четвёртый день мы добрались до местности, изобилующей дичью, и солдаты сунули мне в руки винтовку и знаками показали идти и убить антилопу. Любые обстоятельства я оборачивал в свою пользу. На пятый день один из солдат пошёл со мной пострелять животных, и когда упряжка скрылась с нашего поля зрения, я уже было собрался убить его и убежать. Затем я подумал и решил, что идти мне некуда. Так или иначе, но я захотел хотя бы поугаить этого солдата. Я с силой повалил его и показал знаками, чтобы он отдал мне своё ружьё. Он медлил, но вскоре я убедил его, что не шучу, и тогда он отбросил оружие на землю и откинул руки. Я кивнул в сторону лагеря и сказал ему, - «Вамос!» (Пойдём, - исп.) Он понял меня и чуть ли не бегом направился в лагерь. Я поднял его винтовку и пошёл вслед за ним. Он пришёл вперёд меня и другие солдаты высмеяли его за то, что индейский мальчик отобрал у него оружие, и потом

всю оставшуюся дорогу шутили над ним. Я опробовал на тех солдатах различные шалости. Как-то утром я взял одеяло, два или три раза взмахнул им над своей головой и издал военный клич команчей. Хотел бы я, чтобы вы видели как эти brave ребята разбежались кто куда и мулы вырвались на свободу. Всё же они добродушно это восприняли и кажется им даже понравилась эта моя шутка.

Когда мы прибыли в форт Гриффин, то все пятеро этих солдат перепились и были посажены в караульное помещение. Мне же был предоставлен новый эскорт. Эти давали мне достаточно свободы, чтобы я стрелял для них дичь, что в значительной мере доставляло мне удовольствие, но с другой стороны, они не спускали с меня глаз. Мы достигли большого водоёма, где солдаты наловили много лягушек и зажарили их на сале. Я не захотел это есть, так как не в обычае команчей было есть сало. Как лягушки, так и свиньи, возятся в жидкой грязи, и этого б мне вполне хватило, чтобы не дотрагиваться до них. На второй день пути от форта Гриффин, я спрыгнул с фургона и застрелил антилопу. Один из солдат принёс это маленькое животное, и когда поднимался в фургон, то он тронулся, его нога соскользнула, мулы подскочили и колесо от фургона раздавило его ногу. После этого мы продвигались очень медленно, часто разбивали лагерь и стреляли дичь, но постепенно дом моего детства становился ближе. Мы миновали форт Мэйсон и повернули к реке Льяно, к Симмонвилл Кроссинг (переправа). Здесь нам уже стали встречаться жители Лойял Вэлли, которые знали о нас, так как им уже сообщили о приезде пленного белого мальчика. Когда мы достигли Лойял Вэлли, то проехав какое-то время остановились и солдаты показали мне знаками, что нужно выходить. Вокруг меня собралась большая толпа людей и среди них была моя мать, но я её не узнал. Годы дикости, пролетевшие над моей головой, стёрли из памяти все воспоминания о материнской любви и нежности, и для меня в эти минуты, которые казалось бы должны стать венцом счастья, моя мать была всего лишь белой скво. Толпа с пристрастием меня изучала и возбуждённо говорила что-то на языке, который я совсем не понимал, хотя он и был для меня родным. Они искали на мне какие-нибудь отметины и нашли шрам на моей руке, который остался, когда я был ещё маленьким мальчиком. Вскоре появились мой брат и сестра, Вилли и Мина, и тёмная пелена забвения, которая так долго обволакивала меня, была скинута и на меня нахлынули воспоминания моего раннего детства. Моя память вернулась и я узнав своего брата и сестру, вспомнил их как моих товарищей по играм в отдалённом прошлом. Затем кто-то произнёс, -«Герман, Герман», и это имя звучало знакомо для меня. Затем я вдруг осознал, что это моё собственное имя. Медленно, но туман начал рассеиваться, и я понял, что нашёл свой народ. Тем не менее, я был индейцем и не собирался их любить, потому что они были бледнолицами.

ГЛАВА 42. ТРИУМФ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ.

Мне было пять лет, когда умер мой отец Мориц Леманн. Через несколько лет моя мать вышла замуж за Филипа Бьюхмайера, который скончался не так давно в возрасте 90 лет.

Во время моей неволи, моя мать никогда не теряла надежды, что я когда-нибудь вернусь. Она разговаривала с Адольфом Корном, когда его возвратили к семье, и он сказал ей, что видел меня у апачей и, что я ещё жив. Когда она услышала, что в форте Силл появился пленный белый мальчик, то решила выяснить, кто это, и если подтвердится, что это был я, то вернуть меня домой. Встреча, описанная в предыдущей главе, стала реализацией её надежд, что я был её мальчиком и её молитвы о моём возвращении были удовлетворены.

Я даю подробное описание этой встречи, записанное Джоном Уорреном Хантером, который был близким другом нашей семьи на протяжении многих лет. В прошлом он преподавал в школе в Лойял Вэлли. Это описание было опубликовано в 1911 году в Hunter's Magazine: «Как-то в 1878 году генерал Маккензи выехал из форта Силл с инспекцией пограничных постов. Он посетил форт Кончо, форт Маккаветт, а потом отправился в Сан Антонио. В старом форте Мэйсоне, который находится в двадцати милях к северу от Лойял Вэлли, он остановился на ночь. Когда он присутствовал там, стало известно нашим друзьям, то они решили известить миссис Бьюхмайер о том, что он должен проезжать через Лойял Вэлли на следующий день, и так как он недавно покинул форт Силл, то была возможность узнать что-либо о их сыне. К сожалению миссис Бьюхмайер не оказалось дома, когда прибыл курьер, но другие люди были немедленно посланы к генералу Маккензи и они догнали его, когда он уже миновал Лойял Вэлли и находился на пути к Фредериксбургу, где собирался остановиться на ночь. Когда миссис Бьюхмайер получила сообщение, что генерал Маккензи ожидается проездом через Лойял Вэлли, то она со скоростью бедуина устремилась к дому, чтобы застать его, и когда оказалось, что генерал уже уехал, то впрягла в фургон свежих лошадей и в сопровождении мужа помчалась подобно Иегу и догнала генерала на пути в Фредериксбург. Разговор с генералом обнадежил её и мы предоставим сейчас слово самой миссис Бьюхмайер: «Дело продвигалось очень медленно и я решила приложить больше усилий для того, чтобы узнать что-либо о Германе. Моя вера уже сильно пошатнулась к тому времени, когда я узнала, что генерал Маккензи проезжает через Лойял Вэлли и я поспешила перехватить его, так как думала, что представился хороший шанс узнать, есть ли ещё белые мальчики среди тех индейцев, которые пришли в резервацию и остались там. К сожалению он уехал прежде, чем я смогла его увидеть. Тогда я сказала своему мужу запрячь свежих лошадей и отвезти меня в Фредериксбург. Мы поехали и догнали генерала, когда он разбил лагерь в трёх милях не доезжая до Фредериксбурга. Меня провели к его палатке и сказали ему, что я хочу его видеть. Я рассказала ему, что Германа украли, и так как генерал недавно из резервации, то он мог бы мне сообщить о мальчике, который там был. Он сказал, чтобы я указала его сегодняшней возраст и хотя бы примерно описать его внешность. Когда я это сделала, то он сказал: «Там есть один белый мальчик, но судя по вашему описанию, я не думаю, что это ваш сын, так как он не настолько взрослый». Он опустил голову и немного поразмыслив сказал: «Мадам, я скажу вам, что мы сделаем. Мы отправимся дальше во Фредериксбург и телеграфируем в форт, чтобы его привезли к вам, и если он окажется вашим мальчиком, то я буду очень рад, но если это не он, то мне придётся»

передать его в Сан Антонио, где он мог бы обучиться какому-нибудь ремеслу. Не нужно ему иметь дел с индейцами». Он телеграфировал командиру в форте Силл, чтобы тот немедленно отправил мальчика в Лойял Вэлли в сопровождении эскорта, но получил ответ, что он находится на охоте на бизонов и три месяца будет отсутствовать. Это были самые длинные три месяца моей жизни. Прошло ещё две недели и я больше не могла ждать и отправилась на телеграф, чтобы узнать вернулся ли он с охоты. Наконец пришёл ответ, что он приехал и немедленно отбывает с охраной на санитарной карете. Представьте себе мои волнение и радость, замешанные с сомнениями и страхом! Если он окажется моим давно потерянным сыном, то я стану самой счастливой матерью во всём мире. Я считала дни и разные мелочи плодили мои сомнения и страхи. Меня постоянно преследовала дрожь и нервы мои были на пределе. Каждого, кто приезжал с той стороны, я спрашивала не слышали ли они или не видели едущих сюда солдат, но никто ничего не знал. Как-то приехал человек и сообщил, что видел солдат между Лойял Вэлли и Мэйсоном. Он сказал, что эти солдаты сопровождают белого мальчика и они просили мне передать, что придут этой ночью. Я ходила взад-вперёд по комнатам, останавливаясь только для того, чтобы услышать звук их приближающейся упряжки, но я ничего не слышала, лишь только стук дождя по оконным стёклам. Во время ужина прибежала большая толпа людей и сообщила: «Миссис Бьюхмайер мы идём встречать вашего сына». Мистер Бьюхмайер сказал, чтобы я не выходила в такой дождь и, что мы пойдём, только не нужно спешить. Школьный учитель, живущий с нами по соседству, сказал детям: «Мальчики, идите встречать Германа. Ночь сегодня слишком неприятная для миссис Бьюхмайер, для того, чтобы ей в неё выходить, и никто не знает, что с ней произойдёт, если она встретит его на дороге». Мальчики прошли три мили и наткнулись на их лагерь. Они попросили солдат запрячь опять карету и выехать в Лойял Вэлли сейчас же, и они вняли их просьбам. А тем временем, учитель и мистер Бьюхмайер заставили меня сесть и успокоиться. Отовсюду приходили друзья, чтобы разделить со мной мою радость, если он окажется моим мальчиком. Собралось уже триста человек. Всё ближе и ближе был слышен скрип колёс их повозки, и моё сердце стучало всё сильнее и сильнее. Неужели санитарная карета везёт моего мальчика? Она подъехала к двери, но они ещё не пускали меня. Я вырвалась и побежала к Герману, бросилась ему на шею и заплакала. Затем я подвела его к свету и, о Боже мой! Я подумала, что это не Герман. Подошла Мина и сказала: «Мама, это Герман. Разве ты не видишь шрам на его руке? Я нанесла ему это маленьким топором. Тщательно изучив этот шрам, мы пришли к выводу, что перед нами Герман. Представьте себе радость, блаженство и счастье, которые нахлынули на меня. Я всегда буду благодарить генерала Маккензи за то, что он доставил моего мальчика домой». Те люди, кто стал свидетелем этой встречи, потом добавили множество подробностей, не упомянутых матерью семейства Бьюхмайер. Многие из них говорили мне, что около часа дня она получила известие, что мой эскорт должен достичь Лойял Вэлли ближайшей ночью. Она тут же занялась подготовками большого праздника. В помощь ей вызвались добровольцы из числа местных деревенских жителей. Некоторых из них она отправила в разные стороны созывать отовсюду друзей. Каждая печь

и плита в городе была горячей, выпекая хлеб, торты. Были зарезаны быки и бараны и пелена дыма поднималась из прямков над которыми жарилось на вертелах мясо. Вечером начал накрапывать дождь, но это не остановило подготовки к празднику и не сократило численность его участников. Все любили миссис Бьюхмайер, знали как она молилась и верила, и теперь, когда её пропавший сын был найден и приближался к дому, они спешили присоединиться к всеобщему благодарению. Когда мальчик приехал и она убедилась, что это её сын, то, по словам присутствующих, начались такие возгласы благодарности и похвалы Богу за его милосердие и благодать, которые они никогда до этого не слышали. Благочестивая мать была искренним методистом и её праведная душа не выдержала и она дала волю чувствам. В этот вечер не было недостатка в слезах радости. Пирования, песнопения и восхваления, как на немецком, так и на английском, благодарственные молитвы, - раздавались большую часть ночи. Весь следующий день праздник продолжался для тех, кто оставался, а также для тех, кто ещё только подходил. Всё это время Герман проявлял с индейским стоицизмом высокомерное безразличие к своим родственникам. Он забыл язык своей матери и не мог говорить по-английски. Он постоянно стремился уединиться и когда ему предоставили для сна чистую перину, то он отказался, предпочтя этому сон на земле, укрывшись лишь одним одеялом. Когда его эскорт начал собираться в обратный путь, он захотел к ним присоединиться и его с трудом удержали. Один из его братьев повсюду следовал за ним, обучая его забытому языку и предохраняя от побега. Ему дали несколько лошадей и быков, в надежде, что это окажется поводом для того, чтобы остаться. Проблемой было заставить его носить одежду, он часто снимал с себя костюм, которым его обеспечили, раскрашивался, и появлялся среди постояльцев отеля в леггинсах, набедренной повязке и перьях, то есть полностью облаченный в варварское одеяние воина команчей. Через несколько недель после его возвращения в Лойял Вэлли состоялось длительное религиозное собрание под обсаженной кустарником беседке. Герман наблюдал за происходящим с приличного расстояния и его изумлению не было предела. В конце концов он решил, что белые собрались провести танец дождя и в один из дней, в одиннадцать часов, в самый разгар службы, когда религиозные чувства обострились и пения с восхвалениями достигли крайней точки, Герман вскочил на алтарь держа в руках свою боевую дубинку и стал исполнять военный танец. Это было поразительное зрелище. Его братья подхватили его под руки и повели прочь, а служба закончилась без заключительной молитвы.

ГЛАВА 43. Я ПРИМИРЯЮСЬ С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ.

К моменту моего возвращения моя мать держала отель в Лойял Вэлли, в котором всегда находилось некоторое количество постояльцев, то есть проезжающих мимо путешественников. И вот они, их семьи, а также много других людей из местного общества, меня окружили. Кто-то из них смеялся, кто-то плакал, и все разговаривали. Я не любил такой тип общения и подумал, что нужно возвращаться к Куане Паркеру. Солдаты рассказали моей сестре Мине, что я любил поесть, и поэтому она навязчиво преследовала меня с всевозможными причудами свойственными

цивилизованному человеку. Каждый делал всё, что мог для меня, но я никого не находил приятным. Той ночью, когда я не захотел ночевать в доме, они приготовили для меня перину и сделали всё, чтобы мне было удобно. Я сделал для себя постель из собственных одеял, но Вилли Леманн улёгся со мной.

На следующий день, когда солдаты начали готовиться к отъезду, я был готов отправиться с ними, но они дали мне понять, что должны будут опять вернуть меня. Но я хотел уйти с ними в любом случае. Или они уйдут незаметно, или я так или иначе увяжусь за ними.

Моя родня подготовила ради меня большой праздник и Мина позвала меня за стол. Я сделал вид, что не понимаю её и продолжал лежать в палатке. Я тосковал по дому и планировал побег. Наконец она уговорила меня поест и уже, когда я собирался было сесть за стол, я увидел на нём очищенный свиной окорок. Всех растолкав я направился к двери, но они меня остановили и жестами пригласили сесть и поест. Я показал на свинину и тоже знаками объяснил, что если они хотят, чтобы я сел за стол, то они должны убрать с него свинину. Когда её удалили, я сел и попытался начать есть, но такая пища была не для меня, а мысли о том, что я сижу за одним столом с едоками свинины, просто душили меня. Я хотел есть привычное зажаренное мясо, а на всё остальное мне было наплевать. Я сидел просто так и дымил сигаретами. Хороший табак был единственной вещью, которой я тогда наслаждался. Затем я пошёл к ручью, изготовил там лук и большое количество стрел, и повёл войну против семьи свиней. Каждый раз, когда поросёнок появлялся на расстоянии выстрела, я его убивал, совсем не волнуясь насчёт того, кому он принадлежал.

Потом я оседлал своего пони и отправился на охоту. Кто-то дал мне винчестер, а мой отчим снабдил меня патронами. Вилли постоянно находился возле меня, наблюдая за мной и обучая. Я захотел убить телёнка, но Вилли объяснил мне знаками, что это неправильно. Я настаивал на том, что мы должны забрать всех лошадей, которых видим, но Вилли не разрешил мне этого, поэтому я всё время сердился. На самом деле меня ничего тогда не радовало. Когда я встретил детей, то начал кричать и направил на них свой лук лишь для того, чтобы посмотреть как они удирают. Всё вышеперечисленное доставляло мне истинное наслаждение. Убив оленя, я взваливал его на своего пони и когда подъезжал к воротам, то просто оставлял перед ними и лошадь и оленя. Если кто-либо хочет оленя, то пускай сам идёт, снимет шкуру и выпотрошит его. Я не пойду. Кто-то же должен позаботиться о моём пони, ведь работа подобного типа предназначена для скво. Я приходил в бешенство, если они не жарили для меня рёбрышки или вырезку. Моя родня в течение нескольких месяцев делала всё, чтобы меня порадовать, и я начал понимать, как нужно себя вести. Я пытался сбежать, но Вилли приводил меня обратно и женщины рыдали вокруг меня. Я не любил когда плачут. В конце концов, доброта, ласка и кротость моей христианской матери, нежная любовь моих сестёр и внимание моих братьев, постепенно выткали паутину любви вокруг меня, такую же долговечную как само время. Толпы людей собирались вокруг меня, чтобы увидеть то, что они называли «индейским мальчиком». Я вспрыгивал прямо на скаку на дикую лошадь, неважно с седлом и уздечкой или без них. Я проделывал много

трюков, чтобы порадовать их. Однажды, когда я подобным образом забавлял толпу зрителей, то обратил внимание на то, что они теряют интерес к моему представлению и постепенно расходятся. Я обнаружил, что центр притяжения переместился немного в сторону к ручью. Я слышал как там разговаривали, пели, выкрикивали, плакали, и другие звуки. Также я обратил внимание, что все в тот день были разодеты как-то по-особенному. Мужчины и женщины в красивых нарядах шли туда, и вскоре мимо меня прошли двое или трое мужчин, одетых в чёрные пальто, и направились к толпе. Все с вниманием прислушивались к этим парням и я решил, что они были знахарями. Решив посмотреть на происходящее вблизи, я скользнул в кустарник и начал наблюдать. Я увидел, что один из этих мужчин встал и стал читать по книге. Иногда он бросал взгляд на свою паству, а потом вверх, и тогда я задавался вопросом, почему он не пускает дым. В общем я решил, что это военный совет, несмотря на то, что для него там было слишком много скво. Тут все присутствующие разом поднялись и начали петь, а затем они дружно опустили на колени и закрыли ладонями свои лица. Некоторые из них стонали, а один человек бормотал какие-то слова. Затем они все встали и снова запели. Знахарь вышел вперёд и стал ходить, разговаривая при этом и жестикулируя, и все смотрели на него. Хладнокровно выглядевший мужчина в длинном пальто, в начале что-то невнятно бормотал, но постепенно его голос становился всё громче и он принялся петь. В этот момент по его щекам покатались слёзы и его лицо носило оттенок печали. Его слушатели казалось наклонились вперёд и жадно ловили каждое его слово. Он продолжал говорить и все люди встали и смешали свои голоса в могучем хоре, и мелодия как-будто плыла в лёгком бризе и достигнув моих ушей, пришлась как бальзам на моё ноющее от боли, разрывающееся сердце. Затем раздались взрывы смеха, пронзительные крики. Радостные лица, недавно печально смотрящих зрителей, - кто-то из них поспешил в середину толпы и начал танцевать, другие обменивались рукопожатиями и царило всеобщее смятение.

Это было самое настоящее, старого образца методистское, громко говорящее собрание, но я конечно тогда не знал об этом. Я подумал, что это какой-то новый вид военного танца, танца дождя или своего рода религиозная церемония, и поэтому я поспешил туда, боевым кличем команчей очистил несколько скамеек и попал в самую середину всеобщего оживления. Мой способ поклонения не устроил этих белых людей и они ударились в паническое бегство, оставив меня стоять как «монарха, обозревающего всё перед собой». Я издал ещё несколько воплей и принялся танцевать, смотря по сторонам, чтобы видеть, что происходит вокруг. Я увидел большого знахаря, устремившегося с хлопающими фалдами его пальто, к дому моей матери.

Больше моя родня не позволяла мне ходить на оживлённое методистское собрание, пока я не стал понимать английский и не осознал как правильно себя вести. Конечно я расстроил собрание в тот день, но на самом деле я был серьёзен, чистосердечен, непринуждённо искренен, как наиболее религиозный человек среди всех остальных, только вот мой способ не соответствовал их теориям. Я видел столько же искренности и меньше лицемерия среди индейцев в их богослужении, чем когда-либо позже, когда я оказался среди белых.

Я сам себя развлекал изготовлением тупых стрел и их выстреливанием в сторону людей далеко в стороне, которые дразнили меня, зная, что я не смогу в них попасть. Однажды, Джон Дэвис, молодой парень из Лойял Вэлли, очутился в пределах 150 ярдов от меня. Он как обычно стал меня дразнить и подзадоривать, чтобы я начал пускать стрелы. Он повернулся спиной, наклонил голову и тут резкий свист! Это моя стрела влетела ему точно между лопаток и мистер Дэвис пробороzdил песок своим носом. Через несколько минут в месте куда ударила стрела, расплылось большое синее пятно. Другого молодого парня, по имени Аугуст Лопес, я ранил уже заострённой стрелой в верхнюю часть плеча. Стрельба по шляпам была моим любимым времяпровождением. Мальчики клали свои шляпы на расстоянии примерно в сотню ярдов и заключали со мной пари на угощение, что я не смогу в них попасть. Каждый раз я выигрывал себе угощение и торговля шляпами стала выгодным делом в Лойял Вэлли. Почти каждому незнакомцу или бродяге, проходившему мимо, приходилось ставить торчком свою шляпу и разрешать мне выстрелить по ней. Стрела проходила через неё настолько быстро, что я часто выигрывал угощение у собравшихся обывателей, которые не веря, что шляпа была поражена, шли и обнаруживали в ней сквозное отверстие. Один старик имел белую ковбойскую шляпу, которую он сложил вдвое и повесил на палку в пятидесяти шагах от меня. Я рассёк воздух стрелой и он пошёл удостовериться в двойном количестве, полученных шляпой отверстий. В конце концов эта забава изжила себя и я превратился в кошмар для всех проходящих мимо людей.

ГЛАВА 44. ЦИВИЛИЗАТОРСКОЕ ВЛИЯНИЕ.

В своё время, выучив английский и немецкий, я стал другом каждому члену общества. Страх у маленьких детей по отношению ко мне, уступил место дружбе, а более взрослые стали рассматривать меня как равного на социальной лестнице. Я научился неустанно трудиться и хозяева ферм и ранчо стали часто доверять мне ту или иную работу. Я близко познакомился с ранними поселенцами, - Шипом Мартином, Мозлисами, Уильямом Киддом, Маршаллами, Кайзерами, Ланге и прочими, а также установил связи с большим количеством других поселенцев округа. В 1890 году я женился на мисс Фанни Лайч из Лойял Вэлли, и у нас родилось пятеро детей, два мальчика и три девочки, которые сейчас уже взрослые и приносят пользу обществу. Мой старший сын Генри, скончался во время Мировой Войны в лагере армии Соединённых Штатов в Хьюстоне, Техас. Моя карьера складывалась довольно разнообразно. Я по-прежнему люблю своих старых индейских товарищей, но облагораживающее влияние цивилизации вызвало во мне великие изменения. Когда я был дикарём, то жаждал убийств и воровства, так как был приучен к этому образу жизни, но теперь я знаю, что это неправильно и не хочу забирать человеческую жизнь и воровать. «Стезя нарушителя закона, - тяжёлая», - пословица, выражающая истину.

Теперь я старый человек и скоро достигну полных семидесяти лет отведённых человеку, но может смерть и не предъявит претензии моим семидесяти годам замечательного опыта. Я видел много перемен, так как вошёл в этот мир, когда фургон, запряжённый волами уступил место конной

упряжке, а в свою очередь автомобиль сменил этот способ передвижения. Появились быстроходные железнодорожные поезда, летательные аппараты, радио и многое другое удивительное. Мы живём в век прогресса. Я рад, что Бог пощадил мою жизнь и позволил мне увидеть такие замечательные изменения. Я почитал его единственным способом, который знал, когда был индейцем. Теперь я поклоняюсь ему на манер просвещённого белого человека.

Когда я размышляю об этих великих переменах, то дивлюсь и гадаю, как могло такое произойти. Многие из этих вещей я пока не могу осознать. Я не могу понять, как может передаваться человеческий голос по радио с расстояния в тысячи миль, и тем не менее я его слышу. Это такая же тайна для меня, как когда-то первая увиденная мной телеграфная линия.

В тот раз отряд индейцев был в набеге на поселения и находился где-то возле форта Кончо, когда увидел недавно сооружённую телеграфную линию. Мы остановились и с изумлением размышляли, что же это означает. Каждый индеец по-своему понял предназначение этого, и все они были не правы. Наш вождь сказал, что это наверно забор, который подняли так высоко, чтобы индейцы не смогли через него перелезть, и поэтому мы начали рубить столбы. Затем мы поехали к поселениям, забрали там какое-то количество лошадей, а когда возвращались тем же путём, то обнаружили, что линия восстановлена и провода вновь находятся на своём месте. Пыхтящий паровоз и железнодорожные поезда стали таким же объектом изумления для меня, когда я увидел их после своего возвращения в цивилизованный мир. Первый поезд я увидел когда ещё был с индейцами и разумеется мы понятия не имели, что это такое, и поэтому получили испуг, который ввёл нас в почти безумное состояние. Тогда мы находились далеко от своего дома в набеге на поселения, может где-то возле Остина, и однажды, когда мы расположились на ночь в каком-то уединённом овраге, в лунном свете из-за изгиба горы вдруг по прямой линии от нас возник поезд. Это уродливое чудовище, ослепительно светящее, изрыгающее дым и выпускающее со свистом пары, приближалось к нам с потрясающей скоростью, так, что мы не успевали оседлать своих лошадей. Мы бросились бежать через камни и кустарник, лишь бы успеть убраться с его пути. Он совсем недолго преследовал нас, но потом мы посчитали, что он потерял наш след, потому что быстро удалялся в другую сторону. Когда наступила тишина, то некоторых из нас не было с нами и я испугался, что эта ужасная вещь поймала трёх наших товарищей. Но после нашего сигнала сбора, эти индейцы вышли из их укрытия и мы провели совещание насчёт наших дальнейших действий. Мы решили покинуть это место и не красть больше лошадей, так как монстр мог вернуться поймать нас. По нашему единодушному мнению это был высвободившийся Злой Дух, который пытается поглотить всё человечество. Когда мы возвратились в свой лагерь и рассказали об увиденном, то индейцы сильно обеспокоились и знахарь посоветовал уйти из этой местности.

ГЛАВА 45. ДРУГИЕ ПЛЕННИКИ.

Меня часто спрашивали о том, знал ли я что-нибудь о пленных белых детях среди индейцев, когда жил с ними. Должен сказать, что во время

моей неволи у апачей я находился с небольшой их группой, а когда присоединился к команчам, то также прибился к небольшой их группе. Оба этих племени разделялись на группы и редко объединялись в большие скопления. Почти каждая такая группа имела пленных белых и мексиканских детей. Много белых женщин и детей захватывалось на юге и западе Техаса. Я встречал некоторых из них, когда вернулся к своему народу. Сейчас среди индейцев Оклахомы имеется много мужчин и женщин, чьё тождество так и не было установлено и их считают индейцами, хотя по происхождению они белые люди. Некоторые из таких пленников умерли у индейцев, кто-то был выкуплен своей роднёй. Клинтон и Джефф Смит были захвачены возле Сан Антонио, Техас, и удерживались индейцами пять лет. Джефф был продан апачам и отбит в Мексике. Сегодня он живёт в Сан Антонио. Клинтона забрали у команчей в форте Силл и возвратили его отцу. Дот Бэбб, который сейчас живёт в Амарильо, Техас, несколько лет был пленником команчей. Фрэнк Бакелю, сейчас живущий в Медине, Техас, больше года пробыл в плену у липанов, прежде, чем ему удалось сбежать от них. Адольф Корн был захвачен в округе Мэйсон и шесть прожил с команчами. Он умер в Мэйсоне около 25 лет тому назад. Рудольф Фишер был пленён команчами в округе Гиллеспи и через несколько лет возвращён своему народу, но не удовлетворённый своим пребыванием с ним, через несколько лет вернулся к индейцам. Он до сих пор живёт с ними и дорос до состоятельного человека. Малинда Корделл была захвачена в округе Льяно задолго до моего пленения и какое-то время удерживалась индейцами. В итоге её выкупили и в 1891 году, и затем она проживала в Менардвилле. Мисс Махала Макдональд, которая сейчас живёт в Мелвине, Техас, была захвачена возле Харпера, округ Гиллеспи, когда была совсем маленькой, и в течение нескольких лет удерживалась индейцами. В различных племенах находились сотни пленников. В связи с этим я хотел бы воспроизвести главу, которая была опубликована в 1899 году в книге Джима Мэффина под названием «Анжеле, или мексиканский пленник кайова», с некоторыми инцидентами из которой я хорошо знаком: «Прежде, чем перейти к собственно рассказу, будет интересным привести ряд событий в связи с этим, имевших место с 1869 года до 1873-го. Согласно мирной политике президента Гранта, Лори Татум, его сторонник, 1-го июля 1869 года был назначен агентом для команчей, кайова и апачей, со штаб-квартирой агентства возле форта Силл. В то время была одна группа команчей, Куо-йа-лес (Квахади), которая блуждала в западном направлении в сторону Скалистых гор. Они жили за счёт бизонов и других диких животных и категорически отказывались даже слушать об агентстве. В своих постоянных рейдах они воровали в Техасе лошадей и обменивали их у незаконных маклеров из Нью-Мексико на оружие и боеприпасы. Они высмеивали других индейцев за их покорность перед белым человеком и продолжая совершать свои мародёрствующие экспедиции, они являлись центром притяжения для тех индейцев, которые любили воевать и не собирались следовать советам белого человека. Они сообщили агенту Татуму, что никогда не придут в агентство пожать руки солдатам, так как те сражаются с ними, а значит накажут их, когда они придут туда.

Итак они не считались ни с какими инстанциями до осени 1872 года, когда генерал Маккензи последовал прямо за ними во время одного из их набегов в Техасе, застал врасплох и взял в плен сотню их женщин и детей. Вскоре после этого квахади сообщили в агентство, что признают поражение, заявляют о своей готовности прибыть туда и просят вернуть им их женщин и детей.

«Но сначала вы должны доставить всех белых и мексиканских пленников, которые удерживаются в вашем племени», - ответил Татум. Перри-о-кам, вождь квахади, не ожидал такого требования и несколько минут простоял в бесстрастном молчании, но затем, видя решительность на лице Татума, отдал команду привезти пленников. Скоро они доставили Адольфа Корна и Клинтона Смита, двоих мальчиков из Техаса, а также ещё двоих, которые уже позабыли свои имена и какие-либо слова на английском языке. Они помнили некоторые моменты своего пленения и взяв их за основу, Татум разослал письменные уведомления повсюду по Техасу и Канзасу, и наконец их родители нашлись. Оказалось, что их звали, - Темпл Фрэнд и Валентайн Макси. Таким же методом были возвращены двенадцать мексиканских пленников, а один случай, касающийся маленького Преслиано, заслуживает особого интереса. Над ним витала какая-то атмосфера преобладающего значения. Он был смышлённым, общительным, быстро всё понимал и был лёгок на подъём. Он казался любимчиком, заключённым в доме и сердце вождя Перри-о-кама, и мальчик отвечал ему взаимностью. Перри-о-кам знал это и был уверен, что если оставить выбор за мальчиком, то ему не придётся с ним расставаться. Поэтому вождь громко сказал: «Агент Татум, я готов выдать всех этих пленников. Это справедливо и у тебя есть право требовать это, так как они принадлежат твоему народу. Но этот мальчик мексиканец, захвачен в Мексике и он не принадлежит твоему правительству, и у тебя нет особого полномочия в отношении него. Я люблю его как своего сына и он любит меня. Я не могу расстаться с ним и знаю, что он хочет остаться со мной. Если ты не заберёшь его силой и оставишь ему право на собственный выбор, то я буду удовлетворён». Татум видел чрезвычайное волнение вождя, когда он говорил и немного выждав, ответил: «Перри-о-кам ты хорошо сказал о выборе мальчика и если ты разрешишь ему остаться здесь до полудня, то мы узнаем, что такое его выбор». Вождь охотно на это согласился и ушёл, оставив мальчика в конторе агента.

Татум приготовил хороший обед, который мальчик поглотил с видимым удовольствием, и когда он достаточно привык к окружающей среде и обнаружил сердечное к себе отношение, то Татум снова позвал его в свой офис. Там уже находился мексиканский переводчик, и немного приобняв ласково мальчика, Татум начал расспрашивать его об отце и матери, не зная о том, что они мертвы и, что мальчик совсем ничего не помнил об них и считал своими отцом и матерью старого Перри-о-кама и его жену. Тогда он поставил вопрос таким образом: «Хочешь ли ты остаться с Перри-о-камом или хочешь вернуться к своему народу?». К восторгу вождя тот ответил, что хочет остаться с ним.

Тогда Татум сказал: «Но не хотел бы ты увидеть своих братьев и сестёр? Не хочешь ли ты съездить к ним?». Мальчик на мгновение опустил глаза в задумчивости. Воспоминания о доме начали проясняться в нём и

он подняв глаза,медленно и с серьёзным видом произнёс : «Я хочу поехать домой».

«Тогда я отошлю тебя»,-сказал агент, и когда посмотрел в другой конец комнаты на Перри-о-кама,то увидел слёзы,калящиеся градом по его бесстрастным щекам,однако он был пойман на своём собственном предложении и понимал,что теперь должен подчиниться. Мальчик был возвращён своей семье в Мексику,через генерала Авгура,командующего военным постом в Сан Антонио.

Десятого июля 1870-го года группа кайова приехала в дом Готлиба Кузера в Техасе.Мистер Кузер не видел их,пока они не оказались уже в его дворе,и поэтому решил,что лучше выказать к ним дружеское расположение.Он вышел им навстречу и протянул руку для рукопожатия. Двое из них взяли его за руки, с видимым дружелюбием,а другой в это время,отошёл немного в сторону и выстрелил ему прямо в сердце.Они его оскальпировали,а затем вошли в дом и уничтожили там всё,что нашли,-одежду, перины и многие другие вещи.Они забрали миссис Кузер и её пятерых детей,-одну молодую леди,одну маленькую девочку и троих мальчиков,а также молодого человека почти четырнадцати лет, по имени Мартин Килгор,и направились в сторону резервации.

Как только в форте Силл были получены новости об этом происшествии,агент Татум решил спасти пленников и искать, и по возможности наказать грабителей.Он объявил индейцам о случившемся и сказал,что больше не будет их обеспечивать федеральными поставками,пока они не доставят пленных к нему. Индейцы потребовали выкуп за них,так как за два года до этого им было выплачено по 1500 долларов за некоторых пленников у них.Седьмого августа 1870-го года, он переслал через надёжного индейца письменное сообщение к миссис Кузер. 18-го числа этого же месяца, индейцы одной из групп оставили мысли о борьбе и направились в агентство со своими жёнами и детьми.Каждый раз,когда индейцы не собираются сражаться,они повсюду таскают с собой своих жён и детей,но когда они ожидают военных действий,то отсылают их подальше на попечении пожилых мужчин. Поэтому можно сделать вывод , что присутствие женщин и детей является гарантией мира. У них находились двое членов семьи Кузер,- мисс Кузер и её маленькая сестра. Последняя,не видела мать уже несколько дней и начала плакать,поэтому её пришлось быстро успокаивать,так как индейцы не любят,когда пленники плачут.Солдаты возмущённо поехали к ним,но индейцы приставили кинжалы прямо к сердцам девочек.Тогда солдаты остановились,так как если бы продолжили сближение,то это означало неизбежную и мгновенную смерть для девочек. Индейцы отвезли их на некоторое расстояние и тогда, видя такую их несговорчивость, Татум сказал им,что будет удерживать положенные для них любые правительственные поставки до тех пор,пока заключённые не будут приведены.К одиннадцати часам к нему были доставлены две девочки и два мальчика.Мексиканский пленник кайова имел мать и они упрямо требовали за него «мула и карабин». Привезя этих четверых,индейцы начали требовать выдачи им продуктов,но Татум сказал им,что сначала нужно привести всех имеющихся у них пленников.Вскоре были доставлены миссис Кузер и ещё один мальчик,но юный Килгор остался на ночь в палатке, в дальнем углу резервации. Затем Татум выдал индейцам по

сотне долларов за каждого пленника, чтобы в будущем они вместо того, чтобы убивать захваченных в своих грабительских экспедициях, привозили их к нему. Он также выдал им положенные правительственные поставки, но предупредил, что прекратит последующие выдачи, пока они не доставят Килгора.

Семья Кузер представляла из себя жалкое зрелище. Невозможно описать то, как страдали миссис Кузер и её старшая дочь, пока за них не вступилась некая индейская женщина, которая казалось, имела более, чем обычное женское влияние на воинов. Мисс Кузер была отдана в жёны мексиканскому пленнику кайова и он был очень с ней жесток, даже дважды пытался убить её, но каждый раз вожди предотвращали это. Через три дня полковник Гриерсон отправил семью Кузер в сопровождении подразделения солдат в Монтэгю, Техас, и уже оттуда она была доставлена под покровы собственного дома. После отвратительной сцены, происшедшей здесь полтора месяца назад, непонятно было, что это теперь за приют!

То были последние пленники, за которых когда-либо платили выкуп. Вскоре была совершена ещё попытка вымогательства выкупа за пленников, но она потерпела неудачу. Это произошло почти одновременно с арестом старого Сатанты и других. Старый Уайлд Хорс (Дикий Конь), ещё шесть мужчин кайова и одна женщина, отправились в Техас, где убили мистера Ли и его жену, а также захватили их троих детей, - Сьюзанн, шестнадцати лет; Милли, девяти лет; и Джона, шести лет. Как только об этом стало известно в форте Силл, агент Татум приостанавливает все правительственные выдачи индейцам, пока они не возвратят пленников. Было решено о проведении совещания, на котором предполагалось присутствие уполномоченных от цивилизованных племён. Надеялись, что последним удастся убедить дикие племена оставить рейдерство и стать мирными людьми. 22 июля 1872 года было назначено датой проведения этого совещания в форте Кобб, но кайова прибыли туда через десять дней. Белый Конь был упрям и заявил, что не желает мира и отправится со своими молодыми людьми в набег, который доставит им удовольствие. Одинокий Волк сказал, что они не вернут пленников, пока не выпустят из тюрьмы Сатанту и Большое Дерево, не удалят все военные посты из их страны и их резервацию не расширят до Рио-Гранде и реки Миссури. Делегаты от пяти цивилизованных племён и вождь кайова Брыкающаяся Птица, пытались умиротворить Белого Коня и Одинокого Волка, а также других, настроенных воинственно, как и они, но безуспешно. Агент Татум подтвердил своё намерение не выдавать поставки, пока не возвратят детей Ли и через месяц индейцы привезли двух девочек к агенту Ричардсу в агентстве вичитов. Под присмотром Джорджа Кэддо, надёжного индейца племени кэддо, они прибыли к агенту Татуму в форт Силл. Ещё через две недели был привезён мальчик, а немного позже, в тот же день, был доставлен его старший брат и их отправили домой. Это были последние пленники, которых кайова когда-либо захватывали. Такое занятие стало неприбыльным и очень опасным, так как Техас интенсивно заселялся и жители его были решительно настроены на то, чтобы останавливать индейские набеги, и для достижения этой цели, в случае необходимости, они готовы были даже полностью уничтожить воинственные племена.

Правительство слишком увлеклось юридической составляющей наказания виновных. Выше уже упоминалось о содержании в тюремной камере Сатанты и Большого Дерева. Двадцать третьего мая 1871 года генерал Шерман телеграфировал в агентство Татума и спросил у него, знает ли он кого-либо из индейцев, кто недавно был и находится сейчас в Техасе. Он сообщил об индейском отряде из приблизительно 150 воинов, который атаковал в 17 милях от форта Ричардсон обоз из десяти фургонов, убивая при этом самого начальника обоза и шестерых его погонщиков. Пятерым удалось сбежать. Он отдал приказ Маккензи собрать все имеющиеся войска в форте Ричардсон, обеспечить их тридцати дневными пайками и отправиться на поиски индейцев. Пока не пришло никаких известий об этих поисках.

Татум ничего не слышал, но сказал, что через несколько дней сообщит о чём-либо. Через четыре дня индейцы прибыли в агентство за пайками и Татум пригласил их вождей в свой офис. Он сказал им о трагедии, о которой узнал от генерала Шермана, и попросил рассказать об этом деле, если они что-нибудь знают, а также сказал, что полагается на их честность и убеждён, что они о всём ему сообщат. После минутной тишины поднялся Сатанта и в высокомерном стиле смешанном с дьявольской ненавистью, так обратился к агенту: «Да, я провёл этот набег. Я скажу, что ты украл много наших необходимых товаров и раздал их техасцам. Я много раз просил оружие и боеприпасы, которые ты мне не дал, а также высказывал другие просьбы, которые не были исполнены. Ты не слушаешь, что я говорю. Белые люди готовятся построить железную дорогу через нашу страну, на что не давалось разрешения. Некоторые годы тому назад мы связали наши локоны и были вынуждены уйти в Техас, где теперь сражаемся с людьми из Техаса. Несколько лет назад, ты помнишь, генерал Шерман приказал арестовать меня и несколько дней держал в тюрьме. Память об этом оскорблении до сих пор терзает мою душу и так будет до последнего белого человека упавшего и сгнившего в пыли. Уясни для себя, что больше ни один кайова не должен быть арестован. Из-за недовольства этим, совсем недавно я привлёк сотни своих молодых воинов, которые желали пойти со мной сражаться в Техас, с вождями Сатанком, Сердце Орла, Большим Деревом, Большим Луком и Быстрым Медведем. Мы нашли обоз мулов и захватили его. Мы убили семерых мужчин и трое из моих воинов тоже были убиты, но теперь я считаю себя квитым и нет необходимости что-либо говорить об этом, так как мы не собираемся больше проводить набегу этим летом. Я хочу, чтобы ты понял, что это я провёл этот набег в Техасе и если кто-то другой возьмёт на себя честь за него, то значит он лжёт, так как я тот человек». Он сел, а Сатанк, Большое Дерево и Сердце Орла, подтвердили его слова. Как только агент заимел возможность выйти за дверь, то он покинул контору агентства и поспешил к форту, где попросил полковника Гриерсона арестовать этих шестерых вождей, которые участвовали в этом набеге. Едва была отдана соответствующая команда, Сатанта с переводчиком из форта прошёл в кабинет полковника. Он слышал, что большой начальник из Вашингтона (генерал Шерман) тоже там и он хотел бы посмотреть и сравнить его с собой. Сатанту тут же арестовали. Гриерсон послал за Сатанком и Сердце Орла. Первый пришёл на пост и тоже был арестован, а Большое Дерево был обнаружен уже за стенами форта и

пока его задерживали, Сердце Орла просигнализировал тревогу и бежал. Брыкающаяся Птица, который уже долгое время был дружественным и мирным вождём, умолял отпустить арестованных, но сейчас предоставилась хорошая возможность преподать индейцам наглядный урок и они должны были его усвоить.

Через несколько дней после этого задержания, в форт Ричардсон прибыл полковник Маккензи. Обильные дожди уничтожили все следы налётчиков, так что их поиск был безуспешен и он отправился в форт Силл, считая что отряд мародёров принадлежал племени кайова. Заключённые были переданы под его ответственность и спустя несколько дней он поехал с ними в Техас, для проведения судебного разбирательства. Сатанк был самым строптивым из них и поэтому был помещён в один фургон с двумя солдатами, а Сатанта и Большое Дерево перевозились в другом. Все они были надёжно закованы. Джордж Вашингтон, индеец кэддо, ехал верхом рядом с фургонами. Было 28-го мая, 1871 года.

«Друг мой», - обратился Сатанк к Джорджу, - «Я хочу, чтобы ты послал моему народу короткое сообщение. Скажи им, что я мёртв. Я умер в один из дней и мои кости лежат на краю дороги. Я хочу, чтобы мой народ забрал их и перевёз домой». Сатанта тоже передал своё пожелание: «Скажи моему народу, чтобы взяли сорок одного мула, которых мы своровали в Техасе и отдайте их агенту, как того требует полковник Гриерсон. Больше пусть не совершают ограблений возле форта Силл или в Техасе».

Вскоре Сатанк затянул свою предсмертную песню. Они были всё ещё в поле зрения от передних построек поста, примерно в миле от них. Находясь спиной к охранникам он освободил свои запястья их оков, сняв кожу вместе с ними. Затем он выхватил мясницкий нож, который таинственным образом был скрыт на его теле и двинулся к охранникам сидевшим на передней части повозки. Он нанёс удар одному из них, но не попал в туловище, а лишь лёгко ранил в ногу. Оба охранника спрыгнули с фургона, оставив в нём свои ружья. К счастью они не были заряжены. Сатанк схватил одно из них и начал заряжать, говоря при этом, что приятно будет умереть, если он сможет убить хотя бы ещё одного бледнолицего. Но лишь он поместил патрон на положенное ему место, прозвучавшие несколько выстрелов со стороны других охранников, положили конец усилиям Сатанка. Он выпал из фургона и примерно через двадцать минут скончался, корчась в диких предсмертных муках и до конца плотно стискивая зубы. Согласно распоряжению полковника Гриерсона его похоронили в форте Силл, но потом он признаёт привилегию индейцев в этом деле и предлагает им перезахоронить его по своему усмотрению. Те никогда этого так и не сделали.

Сатанта и Большое Дерево были переданы в Джексборо, Техас, и там им были предъявлены обвинения в убийстве. Сатанта был признан виновным и приговорён к повешению, но затем приговор был скорректирован до пожизненного заключения. Второго ноября 1872 года он вступил в тюрьму Техаса. Согласно рекомендации президента Гранта, губернатор Техаса Дэвис 9-го августа 1872-го года, позволил выйти оттуда Сатанте по условно-досрочному освобождению, благодаря его хорошему поведению.

Позже он нарушил условия его выпуска, был вновь арестован генералом Шерманом и 9-го ноября 1873-го года возвращён в тюрьму. После пяти лет стоической жизни там, 11-го октября 1878 года он совершает самоубийство, выпрыгнув из окна третьего этажа тюремной больницы.

ГЛАВА 46. ЧЛЕН СЕМЬИ КУАНЫ ПАРКЕРА.

В этой книге, местами, я упоминал Куану Паркера, хорошо известного вождя команчей, который был моим другом и всячески это много раз доказывал. Когда он стал уговаривать команчей отправиться в резервацию, то я уже продолжительное время находился с теми, кто уклонялся от этого и не шёл туда. Наконец он убедил этих индейцев отправиться в форт Силл и остаться там и получить аллотменты, но я был упрям и не захотел идти на пост. Как я уже здесь говорил, Куана отправил меня в свой лагерь, где я находился в воображаемом мною тайном убежище. В 1877 году я был принят в семью Куаны Паркера. Мне тогда было семнадцать лет и в этом возрасте индейский молодой человек считается уже взрослым. Мистер Кларк, правительственный агент того времени, отпускал правительственные поставки семье Куаны Паркера, в том числе и на меня, как принятому им (Куаной) сыну. В семье Куаны я прожил три года, до тех пор, пока не был сопровождён солдатами в собственный дом. Я по-прежнему считаю себя членом семьи Паркеров и признаюсь таковым, и жёнами Куаны, и его детьми, которые удостоили меня полноценной любовью и добротой, как будто я был их полнокровным братом.

ГЛАВА 47. ВЫВОД.

Теперь я завершил свой рассказ читателям о своей жизни, настолько насыщенной событиями. Было ещё много разных инцидентов и подробностей, которые здесь опущены, так как если их полностью излагать, то потребуются книга гораздо большего размера, чем эта. Тем не менее, я вполне достаточно рассказал, чтобы дать читателям представление о нравах индейцев племён команчей и апачей. Я был одним из них и свою историю сообщил правдиво. Может имеются кто-либо, кто считают меня мошенником или думают, что я никогда не был пленником, поэтому ниже я привожу письмо, написанное уполномоченным по индейским делам в Вашингтоне в 1901 году для индейского агента в резервацию кайова в Оклахоме, который установил мою личность и добился моей регистрации в качестве члена племени команчей, как если бы я был таковым по крови. Это должно отвергнуть все подозрения в том, что я являюсь мошенником. У меня имеются и другие документы для подтверждения своей личности, кроме того, у меня есть много индейских друзей живущих в Грантфилде, Оклахома, которые считают меня кровным братом.

Далее само письмо: «Департамент Внутренних Дел, Вашингтон, 30 сентября 1901 года.

Лейтенант-полковнику Рэндлетту, индейскому агенту Соединённых Штатов, для агентства Кайова, Оклахома.

Сэр: Рассмотрев вашу информацию, полученную 25-го числа прошлого месяца, а также ввиду предшествующей корреспонденции относительно Германа Леманна, в отношении его зачисления и признания полных племенных прав наряду с индейцами команчами вашего агентства, вам сообщено и ваш офис расписался в получении письма, датированного 26-м числом текущего месяца, от действующего министра внутренних дел, который постановил, что вышеуказанный претендент не имеет прав на земельный надел в вышеуказанном племени, но он добавлен в списки как индеец делового совета, за которого проголосовали вожди и старейшины, и он зачислен в команчи, с полными правами, как член племени команчи. Департамент уполномочивает вас произвести зачисление вышеуказанного Германа Леманна или Монтичему, в члены племени команчей и предоставить ему все денежные льготы, обусловленные соглашением от 21-го октября 1892 года, так, как будто он является членом племени по крови. Это единственно верное решение, которое индейцы даруют усыновлённому или зачисленному, после отторжения их земель согласно вышеуказанному соглашению.

Для более полного вашего информирования в связи с вышеуказанным, я прилагаю копию этого решения департамента и в соответствии с ним вы и будете зачислять вышеуказанного Германа Леманна в члены племени команчей и консультировать всех лиц, заинтересованных вашими действиями в этом вопросе.

Мистер Ричардсон, как доверенное лицо в этом случае, должен в тот же день быть поставлен в известность о действиях департамента и также должен быть снабжён копией вышеуказанного решения.

С большим уважением,- А.С. Тоннер, действующий уполномоченный».

Моя мать умерла в Кастелле, Техас, в 1912 году, дожив до глубокой старости. Мой брат Вилли, который был захвачен апачами одновременно со мной и сбежал от них через несколько дней, живёт возле Лойял Вэлли, Техас, и владеет приносящим доход собственным ранчо. Другой мой брат, Адольф Леманн, живёт в округе Менард, Техас, и пользуется хорошим общественным и материальным положением. Моя сестра Мина Кайзер живёт в Лойял Вэлли, и моя сестра Каролин живёт в Далласе. Моей дорогой старой матери и моим благородным братьям и сёстрам, я обязан всем за своё обновление, так как если бы не они, то до сих пор оставался бы индейцем.